

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

Ф Е В Р А Л Ъ .

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1882 г.

I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городского самоуправления въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. Вл. Антоновича .	233
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ	262
III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). Л. Мацѣвича	301
IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ. (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ Н. И. Петрова	313
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЩИМА, съ предисловіемъ В. А. (Продолженіе) .	366
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. П. Л-въ. (Окончаніе)	386
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи русской Россіи за 1881 г. (<i>Окончаніе</i>). 2) Библиографическія замѣтки: а) Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. Соч. Ивана Попка . Выпускъ первый—гребенское войско. В. А. —б) Исторія стверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго . Д. В. —в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. К. Я. Грота . — г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ . В. П.	397
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ въѣсто собора (къ исторіи кіевскихъ соборовъ). — б) Православный монастырь и его униатская лѣтопись (къ исторіи сатановскаго монастыря пидольской епархіи). — в) Компанейскія иголки — г) Покрытка. Ст. фон-Носъ . — д) Илія Човицка, бѣсѣмъ въ службу занесавшіяся (Изъ области народныхъ суевѣрій). — е) Гау теамиз igitur кіевской академіи. — ж) Запорожское расхищеніе (двѣ вѣсни о томъ, кому достались запорожскіи земли). — з) Объявленіе приложенія.	413
ПРИЛОЖЕНІЕ: Кіевская академія и ея студенты (1697—1702 г.).	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на „**КІЕВСКУЮ СТАРИНУ**“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „**Кіевской Старины**.“ Кіевъ, Бульваръ, № 36-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

Ф Е В Р А Л Ъ .

1882 г.

К І Е В Ъ .

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20-го февраля 1882 года.

Cur Aquilas tollis? tollis quid
Roma Leonem?

Tutor hoc Signo Mohila
Pallas erit.

LABARVM Triumphale TRIADOS
per Tres Dignissimos Tutiores adubra
Kievno Mohilarum Palladis Militantibus
in Christo Patris P: Procopii Kolarczynski
Emeritissimi intra facies a deumelissimo suo
Nomini Innocentio Szczyrski, monacho O.D.B.
PRÆSENTATVM

Trino Virtutū Theologiarū Choro
to Illustre sub Signis Alma Orthodoxor
Præfixum Ac fialales Reversissimi
eigdem Almi Orthodoxi Collegii Rectoris
Spir. A. Fides, refrenū guas Sermate Divit:
Sub quavis Rossiadū, vralū Pallay anit.

Киевская Академія и ея студенты

(1697—1702 г.).

ПАНЫ ХОДЫКИ,

ВОРОТИЛЫ ГОРОДСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ КІЕВѢ

въ XVI—XVII ст.

Въ исходѣ XV вѣка городъ Кіевъ получилъ отъ великаго князя литовскаго Александра Казимировича уставную грамоту, дававшую мѣщанамъ полный самосудъ и самоуправленіе по магдебургскому праву, а также предоставлявшую кіевской общинѣ многія льготы и привиллегіи, которыя поощряли развитіе городской торговли и промышленности. Благосостояніе города, и до того значительное, вслѣдствіе выгоднаго въ торговомъ отношеніи его географическаго положенія, должно было значительно возвыситься; благодаря самостоятельности городской общины, ея самоуправленію и полученнымъ льготамъ, мѣщане должны были получить значительный просторъ дѣйствія, обеспеченность труда и легкость сбыта его продуктовъ; можно было ожидать развитія города во всѣхъ отношеніяхъ и полного процвѣтанія городской общины. Ожиданія эти однако не вполне оправдались. Правда, торговля оживилась, капиталы умножились, многіе мѣщанскіе роды разбогатѣли, стали пріобрѣтать поземельныя владѣнія и переходить въ сословія: землянское, а послѣ 1569 года въ шляхетское; но богатство и значеніе были достояніемъ только немногихъ избранныхъ. Новыя льготы не отозвались плодотворно на поднятіи уровня благосостоянія всей массы городского населенія; образовалась городская аристократія, кружокъ, тѣсно связанный интересомъ и заботившійся лишь о расширеніи своего богатства и вліянія; кружокъ этотъ не только не обращалъ вниманія на нужды болѣе бѣдныхъ согражданъ, но, напротивъ, употреблялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы, захвативъ въ свои руки городскія должности и опираясь на авторитетъ городского

уряда, эксплуатировать остальное народонаселение. Причина этого ненормального явления в жизни киевской городской общины лежала не исключительно в эгоистических инстинктах и побуждениях к захвату лиц, успевших выдвинуться в передовые ряды; стремления к наживе находили богатую почву в самом устройстве городского самоуправления. Магдебургское право, по статьям которого должно было управляться и судиться киевское мещанство, представляло кодекс, сложившийся в другое время, среди другого племени и при других исторических условиях; его юридические понятия, формы городского суда и самоуправления могли быть в полнѣ примѣнимы к быту саксонских городов X—XI столѣтій, гдѣ сложилось и магдебургское право, какъ результатъ понятій и нуждъ своего времени и своей страны, но право это не имѣло ничего общаго съ русскими городами вообще, развивавшимися на другихъ началахъ, стремившимися къ порядку въчевому, а не коллегіальному, и слѣдовавшими въ обычномъ правѣ другимъ юридическимъ понятіямъ и воззрѣніямъ. Не вытекая изъ мѣстныхъ потребностей, не выработавшись на мѣстной почвѣ, магдебургское право представляло юридическую почву незнакомую, непонятную для жителей русскихъ городовъ и, притомъ, весьма часто противурѣчивую ихъ убѣжденіямъ и взглядамъ; право это оставалось для нихъ чуждымъ кодексомъ, истинною чисто формальною, — мертвою, хотя обязательною буквою, не согласною съ тѣми понятіями о юридической правдѣ, какія сложились въ мѣстныхъ воззрѣніяхъ и привычкахъ. Случилось то, что бываетъ обыкновенно въ стравахъ, управляемыхъ по законоположеніямъ заимствованнымъ, не выросшимъ на данной почвѣ; формальная истина противуполагалась правдѣ по народному пониманію и, никѣмъ не считаясь дѣйствительно правдивою, послужила лишь оружіемъ въ рукахъ дѣльцовъ, пожелавшихъ воспользоваться ею для личныхъ выгодъ, во вредъ массѣ, которой навязана была эта чуждая ей юридическая норма, уснащенная безконечнымъ количествомъ статей и параграфовъ, мало понятныхъ и еще менѣе симпатичныхъ.

Для того, чтобы воспользоваться такого рода положеніемъ юридическихъ отношеній, конечно, каждое лице, желавшее поживиться и стать въ ряды городской аристократіи, должно было представлять извѣстный, мало привлекательный нравственный образъ; для этого необходимо было отречься отъ народныхъ воззрѣній и народной морали, — отказаться отъ правилъ совѣсти, при-

нести все нравственное свое достоинство въ жертву личному интересу и стремленію къ наживѣ, искать точки опоры внѣ своей общины, постоянно враждебно настроенной къ кружку своихъ заправителей, въ силахъ внѣшнихъ, чуждыхъ или враждебныхъ ей, и только при такихъ условіяхъ можно было, пользуясь то буквою писаннаго закона, то внѣшними связями, то солидарностью между собою членовъ небольшого кружка знатныхъ сотоварищей, производить всевозможныя дѣйствія, правда, весьма выгодныя для усиленія богатства и значенія дѣльцевъ, но далеко не отвѣчавшія ни законамъ даже азбучной справедливости, ни интересамъ всей городской общины.

Понятно, что стать въ ряды на такихъ началахъ зарождавшейся городской аристократіи труднѣе было туземнымъ, старожилымъ кievскимъ мѣщанамъ, которыхъ родственныя связи, приобрѣтенныя отъ своей среды понятія и привычка къ уваженію общественнаго мнѣнія сограждавъ, значительно сдерживали; препятствій этихъ не существовало для инородцевъ и для лицъ, примкнувшихъ къ мѣщанству изъ другихъ сословій края; тѣ и другіе поступали въ составъ городской общины исключительно съ цѣлью захватить должности, скопить состояніе и потомъ бросить вскормившій ихъ городъ для того, чтобы продолжать карьеру на болѣе выгодномъ поприщѣ. Дѣйствительно, пересматривая дошедшія до насъ документы XVI столѣтія, мы среди городской знати встрѣчаемъ множество именъ иноземныхъ: литовцевъ, поляковъ, армянъ, грековъ, крещенныхъ татаръ, а также лицъ, приписавшихся къ городу изъ сословій землянскаго и боярскаго. Коренные кievскіе мѣщане, составлявшіе значительное большинство кievскаго населенія, находятся въ постоянной борьбѣ съ кружкомъ пришельцевъ, но кievляне дѣйствуютъ гораздо менѣе солидарно и болѣе застѣнчиво; они менѣе способны на интригу, менѣе нахальны и потому имъ рѣдко удается выдвинуть своего кандидата въ войты или райцы. Между тѣмъ пришельцы исключительно лишь заняты тѣмъ, чтобы держать городское управленіе въ своихъ рукахъ; для этого они пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства: роднятся съ болѣе богатыми кievлянами и такимъ образомъ увлекаютъ ихъ въ свою партію, другихъ склоняютъ обѣщаніями доли въ своихъ выгодахъ, на иныхъ вліяютъ связями съ воеводою и застрачиваютъ авторитетомъ королевской власти, съ которою они будто находятся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ ихъ противники, наконецъ, стараются поселить

раздоръ и личные ссоры среди старожиловъ и такимъ образомъ ослабить ихъ силы.

Какъ эпизодъ, характеризующій всѣ вышенамѣченныя явленія въ жизни кievской городской общины XVI—XVII столѣтій, мы представляемъ рассказъ, извлеченный изъ документовъ, хранящихся частью въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, частью въ кievскомъ центральномъ архивѣ. Это рассказъ о судьбѣ знатной мѣщанской семьи, составившей въ Кievѣ колоссальное для того времени состояніе и выдвинувшей изъ среды своей трехъ кievскихъ войтовъ. Семья эта, по мѣрѣ того, какъ перемѣнилось ея положеніе въ обществѣ, носила разные фамильные названія, въ городѣ-же, въ періодъ своего преобладанія, носила прозвище: *Ходыки*.

Въ началѣ XVI столѣтія среди боярѣ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызь ¹⁾ находился въ числѣ татарскихъ пленниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестности Мозыря и приписанныхъ имъ къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, приобрѣвъ небольшую боярскую землю: „третину земли Воковскіе, фольварокъ Пашковщину и Чортковщину, а въ нихъ 4 волокъ поля“. Земля эта возлагала на владѣльцевъ обязанность военной службы и не подлежала дѣлежу между сонаслѣдниками; поэтому, когда представителями семьи въ началѣ XVI вѣка оказались два родные брата, Федоръ и Иванъ, то староста мозырскій отдалъ землю во владѣніе старшему брату Федору, младшій-же, Иванъ, получилъ только половину движимаго наслѣдства и долженъ былъ искать занятія на сторонѣ, почему отправился въ Кievъ. Не знаемъ, какимъ промысломъ онъ занялся здѣсь, но въ теченіи 30 лѣтъ онъ разбогатѣлъ, купилъ домъ на Боричевомъ Току и оставилъ сыну обезпеченное состояніе. Сынъ этотъ Устимъ, принявшій новую фамилію „Фиць“, занималъ уже одну изъ важныхъ магистратскихъ должностей—райцы и держалъ отъ города въ арендѣ „мѣстскіе корчмы“, т. е. городскіе шинки. Въ 1578 году Устимъ Фиць-Кобызевичъ умеръ безпотомственно.

¹⁾ Слово *Кобызь* или *Кобузъ* по татарски означаетъ музыкальный инструментъ, заимствованный у нихъ впоследствии казаками подъ именемъ *кобзы*.

Между тѣмъ какъ Иванъ и Устинъ Кобызевичи богатѣли въ Киевѣ, представитель другой вѣтви ихъ рода, Федоръ, оставался на родинѣ, въ мозырскомъ повѣтѣ. Обстоятельства его были далеко не блестящи; судьба надѣлила его весьма многочисленною семьею; у него было 10 душъ дѣтей: 8 сыновей и двѣ дочери, и его небольшая боярская вотчина оказалась недостаточною для содержанія семейства. Федоръ Кобызевичъ долженъ былъ искать новыхъ средствъ для усиленія своихъ доходовъ. Возложивъ обязанность военной службы и завѣдываніе боярскимъ помѣстьемъ на старшихъ сыновей, онъ перебрался съ младшими дѣтьми въ Мозырь. Здѣсь онъ приобрѣлъ дворъ съ маленькимъ участкомъ „поля на косогорѣ“ и лавку въ городскомъ рынкѣ и занялся торговлею. Въ 1569 году умеръ Федоръ Кобызевичъ, и многочисленная его семья приступила къ дѣлежу наслѣдства; но братья и сестры не могли уладить дѣла миролюбиво и потому обратились къ мозырскому старостѣ, пану Федьку Балакиру, съ просьбою распредѣлить между ними отцевское имущество. По рѣшенію старосты, послѣдовавшему 8-го февраля 1569 г., состоялся дѣлежъ на слѣдующихъ основаніяхъ: боярская поземельная вотчина досталась старшему изъ братьевъ Кузьмѣ, находившемуся въ то время въ походѣ, лавка и дворъ въ Мозырь отданы другому брату Лазарю, приписавшемуся уже давно къ мозырскимъ мѣщанамъ и завѣдывавшему торговлею еще при жизни отца; Лазарь уплатилъ при этомъ въ пользу братьевъ и сестеръ излишекъ стоимости доставшейся ему собственности; затѣмъ въ пользу незамужней сестры Авдотіи, выдѣлено было, въ качествѣ приданнаго 39 копѣ грошей литовскихъ ¹⁾, остальными-же деньгами и движимымъ имуществомъ должны были подѣлиться поровну 6 остальныхъ братьевъ, 1 сестра замужняя и мать ихъ, вдова Федора Кобызевича, Зоня. Изъ движимаго имущества староста выдѣлилъ одинъ полный мужескій костюмъ и полный наборъ оружія и приказалъ эти вещи оставить „при дому для господарской службы“. Когда сонаслѣдники приступили къ дѣлежу остальной движимости, то оказалось, что на долю каждаго пришлось лишь слѣдующее: по 1 копѣ и 6¹/₂ грошей денегъ, по одной серебряной ложкѣ, по двѣ оловянныя тарелки („цыні: одна миса и 1 талеръ“), по одному мѣдному котлу, по саблѣ, сѣдлу и сагайдаку; сверхъ того каждый изъ сонаслѣдниковъ получилъ по одному коню, волу, коровѣ и свинѣ и по 2 овцы.

¹⁾ Копѣ равняется 7¹/₂ руб.

Получивъ скудныя доли своего наслѣдства, молодые Кобызевичи должны были немедленно подумать объ устройствѣ своей будущей судьбы. Трое изъ нихъ: Василій, Федоръ и Ювъ рѣшились отправиться искать счастья въ Кіевѣ, гдѣ на первое время рассчитывали найти поддержку въ лицѣ своего двоюроднаго брата, тогда уже магистратскаго райцы—Устина Фица-Кобызевича. Планъ этотъ предложилъ братьямъ старшій изъ выселявшихся Василій. Это былъ человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ энергіи, предприимчивости и находчивости: онъ рѣшился во что бы то ни стало сдѣлать карьеру и добиться значенія и богатства. Для достиженія своей цѣли Василій Кобызевичъ намѣренъ былъ не разбирать средствъ и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, не стѣсняясь ни моралью, ни совѣстью; онъ чувствовалъ, что при такихъ нравственныхъ данныхъ онъ найдетъ въ Кіевѣ широкое поприще для дѣятельности и съ полною увѣренностью устремился на это поприще. Оставляя родной городъ, онъ хотѣлъ скопить возможно большую сумму въ запасъ для начала будущихъ оборотовъ; всѣ три брата продали съ этою цѣлью доставшуюся на ихъ долю движимость, но вырученная сумма оказалась слишкомъ ничтожною и потому Василій принялъ мѣры для ея увеличенія. Заручившись согласіемъ матери, онъ отправился въ домъ, принадлежавшій отсутствующему брату Кузьмѣ, взломалъ двери его „свѣтлицы“ и присвоилъ себѣ все его имущество: деньги, одежду, оружіе, скоть и т. д. Между прочими вещами Кузьма, перечисляя впоследствии въ жалобѣ убытки, указываетъ на то, что у него были взяты даже два десятка стрѣлъ, которыя „коштовали копу и четыре гроши литовскіе“. Продавъ все захваченное, Василій немедленно вмѣстѣ съ братьями „подъ присудъ замку Кіевского зѣхаль“ и отмалчивался потомъ на всѣ жалобы брата, до смерти послѣдняго, и не являлся въ судъ мозырскаго староства, не смотря на многократные вызовы.

Въ Кіевѣ братья Кобызевичи были радушно приняты родственникомъ. Богатый, пріобрѣвшій значеніе и вліяніе, но бездѣтный Устинъ Фицъ радъ былъ на старости лѣтъ обществу лицъ, связанныхъ съ нимъ кровными узами; онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы доставить братьямъ выгодныя занятія и долю въ торговыхъ предпріятіяхъ. Но медленное, постепенное приращеніе благосостоянія было не по праву Василю Кобызевичу, мечтавшему о быстрой и блестящей карьерѣ. Въ теченіи нѣсколь-

кихъ лѣтъ, промышляя службою у богатыхъ купцовъ, то мелочною торговлею, то отдачею въ ростъ небольшихъ своихъ денегъ, Василій Кобызевичъ выжидалъ случая, который позволилъ бы ему повести дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Случай такой доставило ему общественное бѣдствіе. Съ 1569 года въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Литвѣ и южной Руси свирѣпствовала голодъ; въ 1571 году урожай былъ обильный, но вдругъ лѣтомъ случился во время цвѣтенія хлѣба трехдневный морозъ, уничтожившій всѣ надежды на новый сборъ; осенью хлѣба вовсе не было. По свидѣтельству лѣтописей, въ Полѣсьи, на Волыни, въ Подоліи и Литвѣ люди умирали и вообще сильно страдали отъ голода; въ началѣ слѣдующаго года отъ истощенія, гнилой и нездоровой пищи появилось во многихъ мѣстностяхъ „моровое повѣтріе“ (чума). Зараза коснулась и Кіева, хотя не въ особенно сильныхъ размѣрахъ. Въ числѣ жертвъ, пострадавшихъ отъ моровой язвы, было богатое семейство купцовъ Митковичей. Митковичи принадлежали къ числу кіевскихъ старожиловъ мѣщанъ и уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній вели богатую торговлю сукномъ и тканями; имъ принадлежало нѣсколько „кранныхъ коморъ“ (т. е. лавокъ) въ рынкѣ, нѣсколько домовъ въ городѣ и за городомъ, большіе склады сукна и различныхъ тканей и т. д. На фамильной печати Митковичей красовались эмблема ихъ торговли—два „локтя“, лежащіе крестообразно, и двѣ буквы: *Θ. М.* въ воспоминаніе предка. *Θедора* Митковича, положившаго основаніе торговой фирмѣ. Въ 1572 году надъ этою семьей разразилась бѣда: въ теченіи нѣсколькихъ дней чума, посѣтившая ихъ домъ, унесла отца—*Митка* (*Дмитрія*) *Богдановича*, мать *Татяну* *Кругликовну*, четырехъ дочерей и сына, а также многихъ слугъ и челядниковъ; изъ многочисленной семьи остались въ живыхъ только молодая дѣвушка *Пося* (*Евфросинія*) и малолѣтній братъ ея *Федоръ* *Митковичъ*. Прежде чѣмъ прошла паника, поразившая городъ при появленіи чумы, прежде чѣмъ магистратъ успѣлъ принять мѣры для охраненія имущества Митковичей и назначить опеку надъ оставшимися дѣтьми, *Василій Кобызевичъ* уже воспользовался положеніемъ ихъ семьи. Онъ предложилъ *Посѣ* свои услуги для того, чтобы временно завѣдывать торговыми дѣлами, не побоялся посѣщать домъ, пораженный чумою, отъ котораго бѣжали друзья и родственники Митковичей, и постепенно сблизился и подружился съ дѣтьми. Не прошло и мѣсяца со времени катастрофы, постигшей Митковичей, какъ сосѣди узнали, что наслѣдница ихъ

обвѣнчалась съ новымъ своимъ прикащикомъ. Василій Кобызевичъ, немедленно послѣ брака, обратился въ магистратъ съ просьбою поручить ему и его женѣ, какъ ближайшимъ родственникамъ, опеку надъ малолѣтнимъ Федоромъ и его имуществомъ; магистрату ничего не оставалось, какъ принять это предложеніе, и такимъ образомъ Василій сталъ представителемъ одной изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ въ Кіевѣ. Изъ распоряженія магистрата по этому поводу мы узнаемъ, что братья Кобызевичи носили уже тогда новую фамилію, данную имъ въ видѣ клички въ Кіевѣ, именно фамилію „Ходыкъ“, и магистратъ выдаетъ распоряженіе о врученіи опеки „славетному Василю Кобызевичу Ходыкъ“. Въ послѣдствіи всѣ три брата подписываются исключительно этою послѣднею фамилією, вѣроятно желая предать забвенію свое первоначальное, не знатное происхожденіе.

Въ теченіи одиннадцати лѣтъ Василій Ходыка управлялъ безконтрольно добромъ Митковичей ¹⁾ и, помимо половины имущества, принадлежавшей по наслѣдству его женѣ, скопилъ изъ торговыхъ оборотовъ значительныя суммы. Сверхъ того, онъ приобрѣлъ значеніе и огромное вліяніе въ городѣ: онъ породнился или вошелъ въ сдѣлки со всѣми болѣе вліятельными членами маги-

¹⁾ Въ 1582 году Федоръ Митковичъ достигъ совершеннолѣтія и потребовалъ у Ходыки возврата своего имущества и отчета за время опеки; но Василій Ходыка отказалъ въ томъ и другомъ, и магистратъ, состоявшій изъ друзей, родственниковъ и союзниковъ Ходыки, до того вяло относился къ жалобамъ Митковича, усложнялъ формальности и путался въ казуистическихъ отвѣтахъ Ходыки, что, годъ спустя, Митковичъ предпочелъ покончить дѣло съ зятемъ миромъ и принять всѣ предложенныя имъ условія. Сдѣлка состоялась на слѣдующихъ условіяхъ: Ходыка выдѣлилъ Митковичу по своему усмотрѣнію половину отцовскаго имущества, Митковичъ-же выдалъ ему квитанцію, въ которой призналъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и принималъ обязательство, подъ опасеніемъ штрафа въ 1500 копъ грошей, никогда не заявлять претензій и не требовать отчета за время опеки. Перечень предметовъ, составившихъ долю Митковича, сохранился и мы приведемъ изъ него извлеченіе для характеристики обстановки, въ которой жили зажиточные кіевскіе мѣщане ХУІ столѣтія. Федоръ Митковичъ получилъ во владѣніе въ 1583 году: „два дома: одинъ въ рынку и одинъ на Болою (Оболони), двѣ крамныя коморы въ рынку, готовыхъ денегъ 544 копы грошей литовскихъ, векселей разныхъ лицъ на 98 копъ грошей, серебра: кубковъ позлотистыхъ 4, кубковъ срибныхъ 5, ложки позлотистыхъ 12, поясъ кованый серебряный 1; одежды: шубъ 5 (2 соболя, 2 лисія, одна бѣличья), суконъ и жупановъ 7, всѣ съ позлотистыми пуговицами, котры восточныя 2, —посуды: цини (оловяной): мисъ и полужисковъ 10, талеровъ (т. с. тарѣлокъ) 36, конвей 3, фляшъ 2, —мѣди: котель медосытний великій 1, котловъ побежанныхъ 7, медница 1, паввей медяныхъ 6, —оружіе: конь, сѣдло, панцерь, 2 сагайдаки, лузь, стрѣлы“ и т. д. (слѣдуетъ перечень разныхъ мелочей), наконецъ товаровъ въ складѣ на 300 копъ грошей литовскихъ.

страта и заручился такими связями, при которыхъ всякое затѣянное имъ дѣло рѣшалось по его волѣ, было ли оно спорно или даже явно незаконно. Вліяніе свое Ходыка направилъ къ тому, чтобы вывести въ люди своихъ родственниковъ, но еще болѣе къ тому, чтобы всякими правдами и неправдами увеличивать собственное состояніе. Теперь онъ намѣчаетъ новую цѣль для своихъ стяжаній: свое вліяніе и средства онъ стремится употребить на пріобрѣтеніе поземельной собственности, которая дала бы ему возможность занять видное мѣсто въ рядахъ „плянты“ кievской земли, получившей послѣ люблинскаго сейма 1569 года громадное политическое значеніе и привилегированное положеніе въ краѣ.

Въ 1583 году Василій Ходыка засѣдалъ уже въ магистратѣ въ качествѣ „райцы“. Большая часть членовъ верховной городской коллегіи была съ нимъ связана родствомъ или общностью интересовъ: братъ его Федоръ женатъ былъ на внукѣ войта, Василія Черевчея, рядомъ съ нимъ сидѣли: райцы Мартынъ Жолнеръ, женатый на сестрѣ Ходыки, Федоръ, Гаврило Рай и Федоръ Легоновичъ, породнившіеся тоже съ Ходыкою, хотя степени ихъ родства документы не указываютъ; остальные члены магистрата или находились въ кумовствѣ съ нимъ, или, подобно бурмистру Стефану Кривковичу, состояли его должниками. Не удивительно, что члены магистрата по тѣмъ или инымъ причинамъ поддерживали постоянно во всѣхъ дѣлахъ Ходыку и составляли прочную точку опоры для дальнѣйшихъ его предпріятій. Вслѣдствіе того, что польскій строй общества, введенный *de jure* послѣ люблинской уни, не успѣлъ еще прочно установиться и только постепенно вытѣснялъ понятія, привычки и обычаи, сложившіеся въ литовское время, въ юридическихъ отношеніяхъ царствовалъ въ краѣ значительный беспорядокъ; разныя судебныя учрежденія не установили еще точныхъ границъ своего вѣдомства и каждое считало себя компетентнымъ въ дѣлахъ, выходящихъ по смыслу новоустановленнаго закона за районъ его подсудности; такимъ хаотическимъ положеніемъ дѣлъ и пользовались ловкіе люди для того, чтобы получать выгодныя для себя судебныя рѣшенія, въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ они пользовались протекціею или вліяніемъ, даже въ такихъ дѣлахъ, которыя не были подсудны данному учрежденію. Положеніемъ этимъ воспользовался и Василій Ходыка для пріобрѣтенія поземельной собственности. Мы увидимъ, что большинство дѣлъ, касавшихся захвата имъ помѣстій у разныхъ лицъ, онъ умѣлъ направить въ судъ магистратскій, въ бла-

гопріятномъ рѣшеніи котораго онъ былъ вполне увѣренъ. Но прежде, чѣмъ Ходыка выступилъ на это поприще, онъ позаботился о томъ, чтобы обезпечить за собою право владѣть земскою собственностью, а это право, по литовскому статуту, признавалось исключительно за лицами дворянскаго происхожденія. Не оставляя занятія торговлею и должности райцы магистрата, онъ началъ собирать документы, о своемъ будто-бы дворянскомъ происхожденіи. Такъ, въ 1586 году, онъ невѣдомыми путями владѣлъ уже свидѣтельствомъ, выданнымъ будто еще въ 1568 году литовскимъ гетманомъ, Григоріемъ Александровичемъ Ходкевичемъ (умершимъ въ 1569 г.), въ томъ, что „земявинъ господарскій повѣту овруцкога, Василей Ходычичъ-Кобызевичъ, отбылъ службу военную въ два коня“, ¹⁾ и кievскій магистратъ посвидѣтельствовавъ достовѣрность этого документа. Три года спустя, въ 1589 г., у него является уже другой, гораздо болѣе важный документъ, — онъ предъявляетъ королевскую привилегію, которая гласила, что, по представленію гетмана Яна Замойскаго, сеймъ призналъ „кievскихъ жителей“: Василя, Федора и Юва Ходыкъ-Кобызевичей потомственными дворянами за услуги, оказанныя ими при покойномъ королѣ Стефанѣ Баторіѣ во время московской войны, въ которой они принимали будто участіе на свой счетъ. Хотя братья Ходыки въ продолженіе московской кампаніи (1579--1581 г.) не отлучались изъ города и занимались торговлею, хотя документъ, заявленный Ходыкою былъ весьма сомнительнаго достоинства, магистратъ призналъ его безъ всякаго колебанія дѣйствительнымъ.

Запасаясь постепенно документами, которые должны были со временемъ открыть ему доступъ въ шляхетство, Василій Ходыка сталъ пріобрѣтать и поземельную собственность: въ 1586 году онъ купилъ у шляхтича Гулевича село Кривичи, „въ четырехъ миляхъ отъ замку кievскаго“, и съ того времени сталъ именоваться Ходыкою-Криницкимъ, а впоследствии сынъ его подписывался просто Федоромъ Криницкимъ, положивъ такимъ образомъ начало новому дворянскому роду. Подробности о пріобрѣтеніи Ходыкою Криничъ не сохранились въ документахъ, но о способѣ пріобрѣтенія слѣдующаго помѣстія—Юревичъ мы имѣемъ весьма характеристическія данныя. Село Юревичи издав-

¹⁾ Изъ предидущей біографіи Ходыки мы знаемъ, что въ 1568 году онъ былъ бояриномъ, не земляниномъ, жилъ въ Мозырѣ, не въ овруцкомъ повѣтѣ, и не носилъ вовсе еще фамиліи Ходыки.

на принадлежало въ качествѣ „выслуги“ старому роду землянъ кievскихъ—Суринамъ. Въ 1579 году два брата Сурины: Гордей и Потей продали это имѣніе кievскому мѣщанину Ваську Кривковичу, который и владѣлъ имъ спокойно до 1593 года; но въ этомъ году Василій Ходыка рѣшился овладѣть имъ тѣмъ или другимъ способомъ. Затѣявъ ссору съ Кривковичемъ, поводъ которой намъ неизвѣстенъ, Ходыка съ толпою вооруженныхъ слугъ напалъ на домъ Кривковича въ Юревичахъ, овладѣлъ имъ и посадилъ самого Кривковича въ тюрьму, находившуюся при квартирѣ кievскаго подвоеводія, Яна Аксакъ. Всѣ протесты Кривковича оставались тщетными, такъ какъ Аксакъ, подкупленный Ходыкою, не внималъ его жалобамъ, кievскій-же воевода, князь Константинъ Острожскій, проживалъ на Волыни: только послѣ 14 недѣль заточенія Кривковичъ успѣлъ освободиться изъ тюрьмы и немедленно принесъ жалобу на насиліе, причиненное ему Ходыкою; но предсѣдательствующій въ судѣ, тотъ-же Аксакъ, опираясь на свидѣтельскія показанія членовъ кievскаго магистрата, нашель, что жалоба Кривковича о нападеніи на его домъ и самовольное лишеніе свободы, совершенная ложь, и приговорилъ Кривковича за клевету къ уплатѣ штрафа въ 20 копѣ грошей литовскихъ въ пользу Ходыки. Кривковичъ апеллировалъ на это рѣшеніе въ трибуналъ, куда между прочимъ представилъ свидѣтельство отъ кн. Константина Острожскаго въ томъ, что Аксакъ поступалъ въ его дѣлѣ пристрастно. Но у Ходыки, какъ оказалось, была рука и въ трибуналѣ, дѣло по апелляціи затянулось на дѣсятки лѣтъ. Ходыка скоплялъ между тѣмъ приговоры къ штрафамъ въ свою пользу, высчитывалъ отъ нихъ проценты и насчитывалъ судебныя издержки, пока наконецъ утомленный и разорившійся Кривковичъ не согласился покончить дѣла миромъ. Въ 1607 году онъ призналъ за собою обязательство уплатить въ пользу Ходыки 120 копѣ грошей литовскихъ и выдалъ на эту сумму закладную запись на село Юревичи; три года спустя кончился срокъ закладной записи, Кривковичъ оказался несостоятельнымъ плательщикомъ и Юревичи, по приговору кievскаго земскаго суда, были признаны потомственной собственностью Ходыки. Пока продолжалось дѣло съ Кривковичемъ, Ходыка купилъ еще одно имѣніе, село Шульживцы, въ двухъ миляхъ отъ Кіева надъ Днѣпромъ, и оттягалъ часть земель, принадлежавшихъ кievскому кириловскому монастырю, сопредѣльныхъ съ его владѣніями.

Всѣ эти пріобрѣтенія составляли впрочемъ лишь мелочи въ сравненіи съ крупнымъ дѣломъ, которое намѣтилъ Василій Ходыка, засѣдая въ качествѣ райцы въ магистратѣ, и которое рѣшился преслѣдовать съ свойственною ему настойчивостью; оно должно было, правда не безъ большихъ усилій и препятствій, доставить ему въ собственность столь обширныя владѣнія, какими могли располагать лишь потомки удѣльныхъ князей. Дѣло это заключалось въ пріобрѣтеніи имѣній басанскаго и быковскаго и требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Еще въ концѣ XV столѣтія, послѣ окончательнаго опустошенія южной части кіевскаго княженія Менгли-Гиреємъ въ 1482 г., переяславскій повѣтъ представлялъ одну изъ областей болѣе всего пострадавшихъ отъ татарскаго погрома; повѣтовый городъ и его замокъ были разрушены татарами; народонаселеніе или уведено въ рабство, или бѣжало въ сѣверную часть Кіевщины; на протяженіи всего повѣта оставались только рѣдкіе хутора и пасѣки, сель не было вовсе. Оставшуюся впустѣ землю долго никто не хотѣлъ брать ни за службу, ни въ выслугу. Наконецъ въ 1503 г. великій князь Александръ грамотою, данною на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, пожаловалъ всю сѣверную половину переяславскаго повѣта, лежавшую по Трубежу и Супою, въ качествѣ выслуги, дворянину своему Дашку Ивановичу, котораго сынъ, извѣстный своими подвигами черкасскій и каневскій староста Остафій Дашковичъ, прочною организаціею фармировавшагося тогда козачества создалъ надежный оплотъ для отраженія татарскихъ набѣговъ, и далъ быстрый ходъ новой колонизаціи южныхъ частей Кіевщины, а вмѣстѣ и собственныхъ переяславскихъ „выслугъ“, въ которыхъ „на грунтахъ басанскомъ и быковскомъ“ вскорѣ явилось 2 мѣстечка: Басань и Быковъ и 9 сель¹⁾. Обширныя имѣнія эти, по смерти Остафія Дашковича, перешли къ старшей племянницѣ его по сестрѣ, Духивѣ, вышедшей замужъ за землянина Стефана Дублянскаго въ 1530 г., сынъ котораго Григорій, по причинѣ большихъ долговъ, продалъ, въ 1578 году, эти вотчины разбогатѣвшему кіевскому мѣщанину (изъ крещеныхъ татаръ) Андрею Кошколдовичу, зятю кіевскаго войта Василія Черевчей. Когда между тестемъ и зятемъ послѣ этой покупки возникъ споръ и Черевчей потребовалъ отъ Кошколдовича возврата

¹⁾ Старая Басань, Марковъ, Юрковъ, Павловъ, Максимовъ, Брегинцы, Кулажинъ, Карпилонка и Воронковъ.

какихъ-то векселей, выданныхъ 11 лѣтъ назадъ еще Григоріемъ Дублянскимъ на имя кievскаго войта Семена Мелешкевича, приобрѣтенныхъ впоследствии Черевчеемъ и заставившихъ главнымъ образомъ Дублянскаго продать свои имѣнія, то, по позву Черевчея противъ Кошколдовича, кievскій магистратъ снарядилъ для разбора дѣла комиссію, которая состояла изъ райцевъ: Гаврила Рая, Василія Ходыки и Леона Федоровича. Райцы потребовали отъ Кошколдовича документы, на основаніи которыхъ онъ владѣлъ Басавью и Быковымъ, и когда документы были представлены, они не отдали ихъ Кошколдовичу, требуя, чтобы онъ прежде удовлетворилъ претензію Черевчея, а на протесты Кошколдовича отвѣчали побоями, во время самаго засѣданія, и заключеніемъ его въ тюрьму, въ которой продержали нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя, по жалобѣ Кошколдовича къ кievскому воеводѣ князю Константину Острожскому, назначенная, по ходатайству сего послѣдняго, отъ короля особая комиссія, разсмотрѣвъ дѣйствія магистрата, приговорила райцевъ къ уплатѣ 4,000 золотыхъ штрафа за обиды, нанесенныя Кошколдовичу, и воевода приступилъ было уже ко взысканію этой суммы изъ имущества виновныхъ; но неожиданно, потерпѣвшій заявилъ, что онъ вслѣдствіе посредничества „зацныхъ пановъ и добродѣевъ“ отказывается отъ полученія присужденной ему суммы. Оказалось, что въ промежуткѣ Василій Ходыка далъ дѣлу совершенно неожиданный оборотъ: съ одной стороны онъ припряталъ документы, отнятые у Кошколдовича въ магистратѣ, и приобрѣлъ у Черевчея право на векселя, составлявшіе главную причину спора, съ другой — успѣлъ сблизиться съ Кошколдовичемъ и женить на его единственной дочери и наслѣдницѣ, Богданѣ, своего брата Федора. Затѣмъ попеременно, то оказывая на него вліяніе, какъ на близкаго родственника, то угрожая нескончаемымъ процессомъ, вслѣдствіе захваченныхъ документовъ и векселей, онъ довелъ Кошколдовича постепенно къ заключенію сдѣлки, въ силу которой послѣдній за возвратъ векселей и обязательство, данное Ходыкою не подымать процесса, а также оказывать постоянную помощь своему брату Федору, переуступалъ ему всѣ свои права на имѣнія басанское и быковское и оставлялъ за собою лишь право владѣнія ими до смерти. Въ 1592 году Кошколдовичъ умеръ и Василій Ходыка предъявилъ свои права на приобрѣтенныя имѣнія. Вдова Кошколдовича, Палагея Черевчевна, и дочь его, Богдана Ходыкова, признали подлинность предъявленной имъ уступочной записи. Такимъ образомъ Василій Ходыка-Криницкій сталъ

самымъ богатымъ шляхтичемъ-землевладѣльцемъ кіевскаго воеводства. Теперь онъ переуступилъ свое мѣсто въ магистратъ и свои торговыя дѣла брату своему Федору, самъ-же, проживая по большей части въ Басани и Переяславлѣ, занялся устройствомъ и округленіемъ своего имущества. Съ этою цѣлію прежде всего онъ перезывалъ въ свои села крестьянъ изъ разныхъ полѣскихъ имѣній и велъ по этому поводу нескончаемыя тяжбы съ ихъ бывшими владѣльцами: Лозками, Тышами, Ратомскими и т. д. Замѣтивъ, что остерское староство врѣзывается клиномъ въ его владѣнія, онъ съ вооруженнымъ отрядомъ, занялъ мѣстечко Дѣвицу, избилъ, ограбилъ и прогналъ старостинскихъ слугъ и урядниковъ, и присоединилъ мѣстечко къ своимъ владѣніямъ, не смотря на продолжительную тяжбу съ остерскими старостами. Получая изъ своихъ помѣстій значительные доходы, онъ сталъ сосѣдямъ шляхтичамъ занимать крупныя суммы подъ залогъ имѣній и, при неустойкѣ плательщиковъ, отбиралъ ихъ имѣнія въ свое владѣніе, за суммы, далеко не отвѣчавшія ихъ стоимости; такъ онъ приобрѣлъ: села Варевичи и Рыжки отъ Харленскихъ, Бугаевку и Давидковичи отъ Солтановъ и т. п. Въ самомъ городѣ Кіевѣ, сверхъ трехъ домовъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ Митковичей и отъ двоюроднаго его брата Устина Фица, Василій Ходыка-Криницкій выстроилъ большой домъ на улицѣ, соединявшей рынокъ съ Днѣпромъ, и другой въ оградѣ замка; сверхъ того онъ приобрѣлъ въ разныхъ частяхъ города 10 дворовъ, на которыхъ построилъ „халупъ для куничниковъ“ (т. е. наемныхъ помѣщеній), 6 сѣножатей на „кіевскомъ Болонью“, нѣсколько садовъ на Кудрявицѣ и т. д.

Впрочемъ всѣмъ этимъ добромъ Василій Ходыка не сразу могъ владѣть совершенно спокойно; темные пути, которыми онъ приобрѣлъ басанское и быковское имѣнія, возбудили сомнѣніе въ законности этого владѣнія и раздражили инстинкты стяжанія нѣсколькихъ предприимчивыхъ соперниковъ, отъ притязаній которыхъ Ходыка отдѣлался лишь съ крайними усилиями, благодаря своей неистощимой настойчивости и изворотливости. Первымъ такимъ соискателемъ явился королевскій секретарь, Захарій Еловицкій. Въ 1596 году онъ выпросилъ у короля жалованную грамоту на Басань и Быковъ, какъ на помѣстья, составлявшія выслугу Дашковичей и послѣ прекращенія ихъ рода не подлежавшія отчужденію безъ королевскаго разрѣшенія; но Ходыка не допустилъ Еловицкаго въ владѣнію имѣніемъ и въ теченіи возникшаго процесса успѣлъ столь прочно обставить свои права на спорныя имѣ-

ніа, что самъ король въ 1605 году кассировалъ свою жалованную грамоту и взамѣнъ ея выдалъ Еловицкому другую на имѣнія въ остерскомъ повѣтѣ.

Пока Василиій Ходыка велъ процессъ съ Еловицкимъ, права на Басань и Быковъ предъявилъ новый, совершенно неожиданный соискатель, опиравшійся на права почти фантастическія, но тѣмъ не менѣе, причинившій Ходыкѣ гораздо больше хлопотъ и безпокойства. Новый этотъ соперникъ, называвшій себя княземъ Юріемъ Семеновичемъ со Сквиря Рожыновскимъ-Половцемъ, выдвинутъ былъ кіевскимъ подвоеводителемъ, Яномъ Аксакомъ, мирволившимъ нѣкогда Ходыкѣ, но теперь съ завистью смотрѣвшимъ на его неимоверный успѣхъ.

Янъ Аксакъ, кіевскій подвоеводій, въ послѣдствіи судья земскій кіевскій, представлялъ типъ весьма близкій къ Василию Ходыкѣ. Происходя изъ захудавшаго землянскаго рода, владѣвшаго лишь небольшимъ сельцомъ Путиловщиною въ овруцкомъ повѣтѣ, онъ упорно, не разбирая средствъ, всю жизнь скоплялъ имущество и оставилъ дѣтямъ въ собственность 4 мѣстечка съ замками и 15 сель въ воеводствахъ кіевскомъ и волынскомъ. Карьерою своею Аксакъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своимъ юридическимъ познаніямъ и способностямъ. О немъ установилось мнѣніе, какъ о самомъ опытномъ знатокѣ судопроизводства по литовскому статуту, и современники высказываютъ наивно въ похвалу Яну Аксаку то, что онъ умѣлъ всякій приговоръ такъ обставить, что его не рѣшался кассировать ни трибуналь, ни королевскій задворный судъ, хотя-бы онъ явственно противурѣчилъ справедливости. Исполняя обязанности кіевского подвоеводія и судьи, Аксакъ, опираясь на свою репутацію первокласснаго юриста, всегда готовъ былъ, конечно за соответственное вознагражденіе, покривить душею, оправдать виновнаго и обвинить праваго, примѣръ чему былъ выше представленъ въ дѣлѣ Ходыки съ Крывковичемъ; но, не ограничиваясь посулами, Аксакъ сталъ самъ высматривать сомнительныя дѣла и подставлять лицъ для вчинанія исковъ, если при этомъ онъ ожидалъ сколько нибудь крупной для себя прибыли. Зная отлично приемы и юридическія данныя своего бывшаго кліента, Василия Ходыки, Аксакъ рѣшился вступить въ дѣло покупки имъ басанскаго и быковскаго имѣній, въ полной увѣренности, что такъ или иначе онъ изъ этого дѣла извлечетъ для себя барышъ. Обдумавъ обстоятельства дѣла, онъ выдвинулъ

подставное лице, именовавшее себя княземъ Юріемъ Половцемъ-Рожыновскимъ.

Въ кievскомъ княженіи съ весьма давняго времени существовалъ родъ князей Половцевъ со Сквиря Рожыновскихъ. По фамильному преданію этого рода, онъ происходилъ отъ половецкаго хана Тугорхана (тестя Святополка II Изяславича), сынъ котораго Карыманъ переселился въ русскую землю, принялъ крещеніе подъ именемъ Льва и получилъ обширный удѣлъ въ кievскомъ княжествѣ, будто еще отъ Владиміра Мономаха. Трудно рѣшить, на сколько было достовѣрно это фамильное преданіе князей со Сквиря Половцевъ-Рожыновскихъ; несомнѣнно однако то, что въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ родъ владѣлъ обширными землями въ кievскомъ княжествѣ, на которыя получилъ подтвердительныя грамоты отъ князей: Владиміра Ольгердовича и Олелька Владиміровича. Земли эти лежали частью около самаго Кіева, частью же распредѣлялись по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Одна большая половина земель ихъ находилась между рѣками: Стугною, Теревомъ и Росью, вдоль по бассейнамъ рѣкъ: верхняго Ирпеня, Раставицы и Каменки, и центромъ этой части, а равно резиденціею князей Половцевъ былъ ими-же основанный замокъ Сквирь (нынѣ городъ Сквиря). Другая также обширная половина ихъ владѣній находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ повѣтахъ остерскомъ и переяславскомъ, между рѣками: нижнимъ теченіемъ Десны, Сновью, Остромъ и Удаемъ; центромъ этой половины владѣній былъ замокъ Рожыновъ, лежавшій въ остерскомъ повѣтѣ. Къ этой половинѣ владѣній князей Половцевъ со Сквиря Рожыновскихъ принадлежали города: Нѣжинъ, Басань и Быковъ съ окружающими ихъ грунтами и селами. Татарское разореніе, постигшее Кіевщину въ концѣ XV столѣтія, легло всею своею тяжестью на имѣнія князей Половцевъ: замки ихъ были разграблены и разрушены, села разорены, народонаселеніе угнано въ полонъ или бѣжало, словомъ, по выраженію грамоты великокняжеской: „помѣстія ихъ весьма спустошались отъ недруговъ нашихъ“. Два послѣдніе представителя рода, князья: Михайло Юрьевичъ и сынъ его, Яцко Михайловичъ напрасно пытались, „не литуючи здоровья и маетностей“, отражать нападенія хищниковъ; они были почти совершенно разорены и числились лишь *de jure* владѣльцами обширныхъ земель, не приносявшихъ имъ теперь никакой дѣйствительной пользы. Въ 1536 году умеръ князь Яцко Михайловичъ, поручая опеку надъ своими дѣтьми и иму-

ществомъ своимъ пріятелямъ, землянамъ кіевскимъ: Ивану Немиричу и Юрію Скобейку. Въ дошедшемъ до насъ его духовномъ завѣщаніи онъ проситъ опекуновъ заложить немногія, оставшіяся въ окрестности Кіева свои помѣстья, а деньги употребить на выкупъ сына Демьяна, попавшаго въ татарскую неволю, и на обезпеченіе другаго малолѣтняго сына Семена, въ заключеніе-же, какъ-бы предчувствуя скорое прекращеніе своего рода, онъ отказываетъ, въ случаѣ бездѣтной кончины своихъ дѣтей, все оставшееся имущество Ивану Немиричу. Не знаемъ, возвратился-ли князь Демьянъ Половецъ изъ плѣна, но во всякомъ случаѣ какъ онъ, такъ и братъ его, Семень, скончались безпотомно, потому что 30 лѣтъ спустя послѣ смерти князя Яцка, сынъ Ивана Немирича—Іосифъ, предъявилъ великому князю Сигизмунду Августу завѣщаніе Яцка съ просьбою передать ему права на всѣ владѣнія вымершаго рода князей Половцевъ. Такъ какъ заявленіе Немирича послѣдовало до люблинской униі, когда дѣйствовало еще литовское право по отношенію къ землевладѣнію, то требованіе его не было удовлетворено; имѣнія вотчинныя и выслуженныя, въ случаѣ прекращенія рода владѣльцевъ, должны были поступить въ государственную собственность; на этомъ основаніи имѣнія князей Половцевъ-Рожыновскихъ были частью приписаны къ господарскимъ староствамъ, частью розданы, въ качествѣ службъ, новымъ лицамъ, въ томъ числѣ вѣзвначительная доля и Іосифу Немиричу.

Всю эту давно уже минувшую и забытую исторію вспомнилъ, около 1600 года, Янъ Аксакъ и рѣшился сдѣлать изъ нея оружіе противъ Ходыки. Онъ ознакомился съ документами и генеалогіею послѣднихъ представителей рода князей Половцевъ и рѣшился воскресить его. Замокъ Рожыновъ и окружавшее его мѣстечко были приписаны еще въ 1568 году къ остерскому староству; въ числѣ другихъ жителей мѣстечка было нѣсколько боярскихъ семействъ, несшихъ службу въ пользу остерскаго замка и, по мѣсту жительства, называвшихся боярами Рожыновскими. Одинъ изъ этихъ бояръ: Юрій Семеновичъ Рожыновскій въ 1592 году оказался причастнымъ къ козацкому возстанію Косинскаго и за эту вину остерскій староста, Ратомскій, конфисковалъ его боярскую отчизну. Возвратившись въ Остеръ, Юрій Рожыновскій долженъ былъ въ качествѣ „рукодайнаго слуги“ поступить въ услуженіе къ старостѣ. Конечно, положеніе его было далеко не блестящее; между тѣмъ случайное созвучіе его фамиліи и

отчества обратили вниманіе Аксака, по совѣту котораго, вѣроятно въ отсутствіи Ратомскаго, Юрій Рожыновскій взломалъ двери въ комору, гдѣ хранился архивъ старостинскій, и похитилъ всѣ хранившіеся въ немъ документы, относившіеся къ роду князей Половцевъ-Рожыновскихъ и къ ихъ имѣніямъ, и сбѣжалъ съ ними въ Кіевъ. Здѣсь онъ передалъ документы Аксаку и, выдавая себя за сына князя Семена Яцковича Половца-Рожыновскаго, поручилъ Аксаку хлопотать о возстановленіи своихъ правъ на наслѣдственныя имѣнія своихъ предковъ. Въ 1602 году Аксакъ и Рожыновскій заключили формальный договоръ, по которому Аксакъ обязывался на свой счетъ „доходить“ имѣній, растроченныхъ опекунами мнимаго отца Рожыновскаго, послѣдній-же, не имѣя возможности „ложить великихъ коштовъ и накладовъ, для своего убожества“, уступаетъ Аксаку половину „дойденнаго“ имущества. Вооружившись этою сдѣлкою, Аксакъ велъ одновременно искъ и противъ остерскаго старосты Ратомскаго, и противъ Василя Ходыки, требуя возвращенія своему кліенту наслѣдства князей Половцевъ-Рожыновскихъ; онъ предъявлялъ въ поддержаніе иска грамоты князей Владиміра Ольгердовича-Оделька Владиміровича, завѣщаніе князя Яцка Михайловича Половца и документы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что кліентъ его есть дѣйствительно Юрій Семеновичъ Рожыновскій.

Какъ ни было сомнительно родство послѣдняго съ князьями Половцами, дѣло въ рукахъ столь опытнаго дѣльца, какъ Аксакъ, становилось грознымъ для его противниковъ. Дѣйствительно, пользуясь тѣмъ, что староста Ратомскій, принявшій горячее участіе въ дѣлѣ перваго лже-Димитрія, находился въ отсутствіи изъ староства, Аксакъ успѣлъ выиграть дѣло во всѣхъ инстанціяхъ и въ 1606 году вступилъ во владѣніе замкомъ Рожыновымъ и окружающими его селами и засчиталъ эти имѣнія въ свою долю, въ пользу же мнимаго князя Половца обязался возвратить имѣнія быковское и басанское. Онъ повелъ дѣло съ Ходыкою такъ, что, не вникая въ правильность покупки имъ имѣній у Кошколдовича и не оспаривая правъ прежнихъ владѣльцевъ, доказывалъ, что самъ Остафій Дашкевичъ владѣлъ этими имѣніями неправильно и что отецъ его получилъ жалованную на нихъ грамоту только потому, что великій князь Александръ не зналъ, что пустынные въ то время земли принадлежали по праву князьямъ Половцамъ-Рожыновскимъ, предкамъ его кліента. Встрѣтивъ сильнаго и опаснаго противника въ лицѣ Аксака, Ходыка употребилъ всѣ

силы для защиты; онъ и доказывалъ несостоятельность генеалогіи Рожыновскаго, и выхлопоталъ изъ литовской метрики копии документовъ Дашкевичей, и наконецъ, несмотря на всевозможные приговоры, не допускалъ противника къ фактическому владѣнію имѣніями, причемъ онъ находилъ опору въ протекціи кievскаго воеводы, князя Константина Острожскаго, не любившаго Аксака и считавшаго его злостнымъ казуистомъ и лихоимцемъ. Собразивъ положеніе дѣла, не нуждаясь притомъ болѣе въ своемъ клиентѣ, такъ какъ остерскія волости уже находились въ его рукахъ, Аксакъ, желая отдѣлаться вмѣстѣ и отъ Ходыки, и отъ Рожыновскаго, присовѣтовалъ послѣднему, вмѣсто продолжительнаго и безплоднаго процесса, удовлетвориться небольшимъ, но дѣйствительнымъ вознагражденіемъ. Слѣдуя его совѣту, мнимый князь Половецъ-Рожыновскій уступилъ въ началѣ 1605 года за нѣсколько сотъ копъ грошей свои притязанія на Басань и Быковъ переяславскому старостѣ, князю Янушу Константиновичу Острожскому, сыну кievскаго воеводы. Такимъ образомъ Ходыка лишился важнѣйшей своей опоры и пріобрѣлъ могущественнаго противника. Немедленно, въ 1605 году, князь Янушъ Острожскій завялъ съ помощью вооруженнаго отряда Басань и Быковъ и на жалобу Василя Ходыки отвѣтилъ встрѣчнымъ искомъ. По совѣту Аксака, вмѣсто того, чтобы доказывать свои права на спорныя имѣнія, князь Острожскій напалъ на самую слабую сторону Ходыки: онъ обвинилъ его въ незаконномъ присвоеніи себѣ шляхетскаго званія, за что тотъ по закону долженъ былъ подлежать конфискаціи имущества; притомъ кн. Острожскій утверждалъ, что если-бы Ходыка даже и могъ доказать дворянское происхожденіе, то онъ потерялъ дворянскія права, такъ какъ въ теченіи многихъ лѣтъ живя въ городѣ, занимался торговлею и отдавалъ деньги въ ростъ. Ходыка долженъ былъ предъявить документы, доказывавшіе его дворянство; онъ и представилъ вышеупомянутыя свидѣтельства: гетмана Ходкевича 1568 года и короля Стефана 1589 г., но, въ виду столь сильныхъ противниковъ, какъ князь Острожскій и Аксакъ, онъ не осмѣлился показать сомнительныхъ, вѣроятно, подлинниковъ, а представилъ лишь копии, посвидѣтельствованныя кievскимъ магистратомъ, утверждая, что подлинныя грамоты сгорѣли въ 1600 году во время пожара, истребившаго въ замкѣ домъ Ходыки, въ которомъ хранились будто всѣ его документы. Къ копіямъ этимъ Ходыка присоединилъ свидѣтельство, выданное ему кievскимъ войтомъ Яцкомъ Балыкою

и всѣмъ магистратомъ, въ томъ, что, хотя онъ и велъ нѣкоторое время торговлю, но не занимался ею лично, а поручалъ ея веденіе факторамъ, со времени-же полученія грамоты о дворянствѣ въ 1589 году и вовсе ее оставилъ.

Среди юридическихъ препирательствъ процессъ затягивался все дальше и дальше, а между тѣмъ переяславскія помѣстья находились во владѣніи князя Острожскаго. Для Ходыки важнѣе всего было получить возможность завѣдыванія ими, и для того, чтобы достигнуть этой цѣли, въ 1607 году онъ предложилъ князю Острожскому кончить дѣло миромъ. Обѣ стороны согласились на слѣдующія условія: Ходыка продалъ князю Янушу свои права на басанское и быковское имѣнія, получилъ въ задатокъ 3,000 золотыхъ, а остальную сумму долженъ былъ получить при окончательномъ совершеніи крѣпостнаго акта; между тѣмъ, впредь до его совершенія, князь Острожскій возвратилъ ему имѣнія для приведенія въ порядокъ движимаго имущества. Получивъ обратно помѣстья, Василій Ходыка сталъ оттягивать подъ разными предлогами совершеніе продажной записи, пока въ 1608 году не умеръ кievскій воевода князь Константинъ Острожскій. По смерти отца, князь Янушъ Константиновичъ былъ постоянно занятъ то раздѣломъ волынскихъ имѣній съ братомъ, то сенаторскими обязанностями въ качествѣ краковскаго кастеллана; онъ проживалъ постоянно то въ столицѣ, то въ Острогѣ и сталъ мало заботиться о переяславскихъ помѣстьяхъ: Ходыка воспользовался этимъ положеніемъ, не совершилъ вовсе продажной записи и даже отказался возвратитъ задатокъ. Послѣдніе 8 лѣтъ жизни Василій Ходыка прожилъ относительно спокойно: онъ повывадалъ многочисленныхъ своихъ дочерей замужъ, частью за богатыхъ мѣщанъ, частью за дворянъ кievскаго воеводства, и заботился главнымъ образомъ о выплатѣ имъ приданнаго, всю-же поземельную собственность, умирая въ 1616 году, отказалъ единственному сыну Федору Васильевичу, который подписывался уже Крыницкимъ, а не Ходыкою. Федоръ этотъ, отличавшійся безпокойнымъ нравомъ и склонностью къ самоуправству, встрѣчается въ многочисленныхъ тяжбныхъ дѣлахъ до 1640 года. Громадное наслѣдство онъ еще увеличилъ новыми приобрѣтеніями, по большей части захваченными насильно. Впрочемъ это большое состояніе, приобрѣтенное не трудомъ, а темными средствами, оказалось непрочнымъ; козацкая гроза, поднявшаяся въ 1648 году, захватила всю территорію, на которой помѣщались маетности пановъ Крыниц-

нихъ и уничтожила безслѣдно ихъ благосостояніе: Быковъ и Басань вошли, въ качествѣ сотенныхъ мѣстечекъ, въ составъ переяславскаго козачьяго полка, а внуки Василия Ходыки-Крыницкаго должны были искать убѣжища на Волыни и проживать тамъ на весьма скудныхъ средствахъ.

О братьяхъ Василия Ходыки и потомствѣ ихъ до насъ, къ сожалѣнію, дошло гораздо менѣе документовъ, чѣмъ объ основателѣ знатности ихъ рода. Постараемся извлечь, на сколько дозволяютъ дошедшія до насъ свѣдѣнія, данныя о судьбѣ другихъ представителей рода Ходыкъ, остававшихся въ средѣ кіевскаго мѣщанства. Когда Василий Ходыка пріобрѣлъ переяславскія помѣстья, онъ передалъ свою городскую торговлю брату Федору, успѣвшему еще раньше подъ его покровительствомъ скопить довольно значительное состояніе. Федоръ Ходыка, уступавшій брату въ способностяхъ, не отличался отъ него ни нравственными качествами, ни приемами въ достиженіи практическихъ цѣлей. Занимая должность кіевскаго райцы, онъ постепенно расширялъ свои связи и вліяніе въ кружкѣ городской аристократіи и въ началѣ XVII столѣтія сталъ добиваться избранія въ войты. Впрочемъ достигъ этого избранія было не легко: войтомъ кіевскимъ съ 1592 года былъ представитель партіи старожилыхъ мѣщанъ, Яцко Балыка, котораго, при нормальномъ теченіи дѣлъ въ теченіи 18 лѣтъ не могли сдвинуть съ мѣста приверженцы Ходыки. Но съ конца XVI столѣтія борьба мѣщанскихъ кіевскихъ партій осложнилась весьма важнымъ вопросомъ, имѣвшимъ широкое значеніе для жизни всего края,—это былъ вопросъ о введеніи церковной уніи, горячо покровительствуемой польскимъ правительствомъ. Лишь только унія была превозглашена на брестскомъ соборѣ, она немедленно отразилась на жизни Кіева; этотъ городъ, вмѣщавшій въ себѣ важнѣйшіе храмы и святыни православныя и бывший мѣстомъ пребыванія православнаго митрополита, необходимо было уніятамъ завоевать для упроченія своего дѣла; не удивительно поэтому, что усилія іерарховъ, подписавшихъ унію, и поддерживавшаго ихъ правительства въ самомъ-же началѣ устремились къ тому, чтобы овладѣть кіевскими церквами и духовными учрежденіями. Уже съ 1597 года встрѣчаемъ распоряженія: объ отнятіи кіевской архимандріи у ревностнаго поборника православія, архимандрита Никифора Тура, о передачѣ митрополичьихъ и монастырскихъ имѣній въ распоряженіе принявшаго унію митрополита Михаила Рогозы и его

пріемника Ипатія Потея, о передачѣ уніятъ кіевскихъ церквей и монастырей и т. д. Но распоряженія эти долго оставались безъ послѣдствій: кіевское какъ бѣлое, такъ и монашеское духовенство не признало уніи и не хотѣло подчиниться власти уніятскихъ митрополитовъ; попытки овладѣть церквами были отражены при помощи кіевского населенія, дружно поддерживавшаго свое духовенство; правительству необходимо было прежде опереться на какую-нибудь вліятельную партію въ городѣ и попытаться провести съ ея помощью задуманное дѣло. Оно и обратилось къ кружку городской аристократіи, состоявшему по преимуществу изъ лицъ пришлыхъ, не связанныхъ ни происхожденіемъ, ни солидарностью убѣждений съ массою жителей и готовому служить всякому направленію изъ-за удовлетворенія личнаго корыстолюбія и честолюбія. Главнымъ представителемъ этого кружка въ данное время былъ райца Федоръ Ходыка, давно уже ожидавшій удобнаго случая для того, чтобы съ помощью правительства усилить свое вліяніе въ городѣ; онъ сразу заявилъ себя горячимъ поборникомъ уніи и вѣрнымъ слугою правительства и не переставалъ подстрекать какъ уніятскаго митрополита, такъ и польскаго воеводу къ примѣненію строгихъ мѣръ для проведенія насильно задуманной религіозной перемѣны.

Между тѣмъ заботы правительства о введеніи уніи, равно какъ и начавшіяся смуты крестьянскія и козацкія, дѣлали положеніе края все болѣе и болѣе тревожнымъ. Среди неудовольствія народонаселенія, крутыя дѣйствія польскаго правительства и покровительствуемыхъ имъ партій вызывали все болѣе и болѣе рѣзкія вспышки въ народныхъ массахъ. Собиралась медленно гроза, которая должна была разразиться черезъ сорокъ лѣтъ страшною катастрофою; но для людей такого закала, какъ Ходыка, будущее страны было безразлично; обыкновенно люди безпринципные, стремящіеся къ удовлетворенію исключительно личнаго интереса, сосредоточиваютъ все свое вниманіе и всю дѣятельность на сегодняшнемъ днѣ, о будущемъ они не думаютъ; чѣмъ болѣе общее положеніе общества смутно и тревожно, тѣмъ съ большимъ удобствомъ они бросаются на поживу. Среди накопившагося раздраженія и въ городѣ, и въ кіевской области, въ 1609 году назначенъ былъ кіевскимъ воеводою человекъ рѣшительный и крутой по характеру, но весьма распорядительный, энергичный и пользовавшійся репутаціею опытнаго администратора и искуснаго полко-

водца. То былъ Станиславъ Жолкевскій. Федоръ Ходыка умѣлъ свискать его милость, выставляя своихъ противниковъ—войта Балыку и поддерживавшую его городскую партію людьми злонамѣренными, склоннымъ къ смутамъ и бунту, ищущими популярности и потому мирволящими незаконнымъ истинятамъ городской черни. Между прочимъ было два дѣла, въ которыхъ войтъ и магистратъ пассивнымъ поведеніемъ навлекли на себя неодобреніе властей: одно изъ нихъ состояло въ бездѣйствіи городского уряда въ вопросѣ о передачѣ православныхъ церквей уніатамъ, и даже въ косвенной поддержкѣ православнаго духовенства, другое—въ томъ, что магистратъ уклонялся отъ расходовъ на возобновленіе укрѣпленій кievскаго замка. Въ виду смутнаго положенія края, на сеймѣ 1607 г. постановлено было вновь отстроить и укрѣпить въ Кіевѣ замокъ и воеводѣ поручено было возложить расходы на жителей воеводства, главнымъ же образомъ на богатую городскую общину; но ни народонаселеніе, ни магистратъ не желали расходовать своей казны на постройку укрѣпленій, возведеніе которыхъ конечно они не считали для себя особенно желательнымъ. Оба дѣла сразу поставили магистратъ въ холодныя отношенія къ воеводѣ и послужили вмѣстѣ съ тѣмъ точками сближенія между нимъ и Федоромъ Ходыкою и его партією.

Между тѣмъ, надѣясь на поддержку новаго воеводы, уніатское духовенство рѣшилось дѣйствовать смѣлѣе. Уже нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Кіевѣ уполномоченный официалъ уніатскаго митрополита Потей, нѣкто Антоній Грековичъ. Въ 1605 году, Грековичъ, бывшій тогда еще діакономъ, подлежалъ духовному суду за какой-то скандалъ, „екссессъ“, совершенный въ стѣнахъ монастыря. Вѣроятно онъ и поплатился-бы за свой проступокъ, если-бы Потей, въ виду его преданности уніи, не защитилъ его своимъ покровительствомъ. Вскорѣ милость къ нему Потей усилилась до того, что, быстро повышая въ должностяхъ своего любимца, онъ, наконецъ, сдѣлалъ его своимъ официаломъ и поручилъ ему важное дѣло—отнять у православныхъ въ Кіевѣ церкви и монастыри. Въ первое время порученіе это оказалось весьма труднымъ; Грековичъ успѣлъ завладѣть, и то не безъ большихъ препятствій, однимъ только выдубицкимъ монастыремъ и, постоянно встрѣчая отказъ духовенства и ропоть жителей, не зналъ, что дальше предпринять. Но послѣ назначенія воеводою Жолкевскаго, онъ заручился поддержкою свѣтскаго уряда и рѣшился поступать энергичнѣе. Въ воскресенье, на первой недѣлѣ великаго поста, въ

1610 году, когда всѣ приходскіе священники города собрались для совершенія соборомъ церковной службы въ храмъ святой Софіи, туда явился съ конвоемъ Грековичъ; онъ предъявилъ грамоту Потей, назначавшую его митрополичьимъ намѣстникомъ и, когда духовные не согласились признать его, онъ выгналъ ихъ изъ церкви, принялъ храмъ въ свое вѣденіе и опечаталъ его. Дѣйствія эти возбудили въ народѣ страшное негодованіе: находившіеся въ церкви: войтъ Яцко Балыка, бурмистры Матвѣй Мачоха и Денисъ Мартыновичъ, а также другіе члены магистрата, протестовали противъ поступка Грековича, объявили, что городъ не признаетъ его духовной власти, и съ угрозами удалились изъ церкви. Въ тотъ-же день вечеромъ толпа народа собралась у выдубицкаго монастыря и изъ среды ея одинъ изъ козаковъ выстрѣлилъ изъ мушкета въ Грековича; послѣдній едва успѣлъ спастись, выбѣжавъ изъ монастырской ограды и укрывшись на берегу Днѣпра. Духовенство, магистратъ, православные дворяне кievскаго воеводства и находившіеся въ Кіевѣ козаки подали жалобы на Грековича въ гродскій судъ о насиліи и буйствѣ въ церкви; съ своей стороны Потей жаловался на духовенство и на членовъ магистрата за самоуправство, и послѣднихъ упрекалъ въ томъ, что они состоятъ въ сношеніяхъ съ козаками и подстрекають ихъ къ бунту; въ доказательство Потей предъявилъ письмо, полученное кievскимъ подвоеводитіемъ отъ козацкаго гетмана, Григорія Тискиневича, въ которомъ послѣдній угрожалъ „оного ростригу (Грековича), еслибы умыслу своего отмѣнити не мѣлъ, гдѣжь колвекъ здыбавши, якъ пса убити“. Начался продолжительный процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ, но до конца его не дожилъ кievскій войтъ Яцко Балыка. Въ 1613 году должность войта была уже вакантною и за нее вступили въ борьбу двѣ сильныя партіи: большинство мѣщанъ выбрало одного изъ сыновей послѣдняго войта—Дениса Балыку¹⁾, но воевода настоялъ на утвержденіи не его, а кандидата меньшинства—Федора Ходыки. Впрочемъ положеніе новаго войта въ магистратѣ было не особенно удобно; большинство райцевъ и бурмистровъ принадлежали къ числу его противниковъ и городское населеніе вообще относилось къ нему враждебно. Немедленно послѣ своего

¹⁾ Яцко Балыка оставилъ 4 сыновей: Александра, Созона, Дениса и Богдана; послѣдній составилъ весьма интересныя записки о своемъ участіи въ московскомъ походѣ 1612 года, которыми вскорѣ подѣлимся съ читателями „Кіевской Старины“.

назначенія, Ходыка поднялъ вопросъ о постройкѣ замка на городской счетъ, но представители цеховъ и городскихъ корпорацій отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ; въ то-же время выдвинуто было другое, совершенно противоположное предложеніе, и магистратъ, согласившись съ нимъ, показалъ, что идетъ не по одной съ паномъ войтомъ дорогѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ занятія Грековичемъ софійскаго храма православные лишены были соборной церкви; желая восполнить этотъ недостатокъ, магистратъ рѣшилъ возобновить древнюю каменную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, развалины которой находились въ рынкѣ (на Подолѣ). Церковь эта построена была еще при кievскихъ князьяхъ, но въ 1482 году ее сожгли татары. Магистратъ, цехи, богатые граждане и „посполство“ приняли участіе въ сборѣ денежныхъ средствъ и усердно принялись за дѣло подъ руководствомъ архитектора, италіянца Севастіана Брачи, жившаго уже давно въ Кіевѣ ¹⁾), на дозорцею той работы былъ панъ Созонъ Балыка, упрощенный отъ всего мѣста“. Отстройка началась 13 мая, а 1 октября была уже окончена. Войтъ совершенно устранился отъ этого общаго городского дѣла и не переставалъ хлопотать о постройкѣ замка, но только послѣ трехлѣтнихъ усилій, благодаря безпрестаннымъ настояніямъ воеводы, успѣлъ наконецъ начать ее. Въ 1616 году подъ его руководствомъ принялись планировать гору Уздыхальницу, господствовавшую надъ замкомъ ²⁾), но вскорѣ работа эта была прекращена и Ходыка долженъ былъ отказаться на время отъ должности войта. Въ 1618 году Жолкевскій получилъ должность канцлера и мѣсто его на кievскомъ воеводствѣ занялъ чело-

¹⁾ Дочь Севастіана Брачи была замужемъ за Богданомъ Балыкою.

²⁾ Замокъ находился на горѣ *Киселевкѣ*, которая господствовала надъ Подоломъ со стороны нижняго флоровскаго монастыря, а гора *Уздыхальница*—лежащая противъ *Киселевки*, находится нынѣ по правую сторону андреевскаго спуска. Въ ту пору она была значительно выше, а понижена частію тогда-же, частію въ позднѣйшее время, особливо въ 50-хъ годахъ нижняго столѣтія, въ генераль-губернаторство Бибикова. Свѣдѣнія о постройкѣ успенской церкви и о планировкѣ Уздыхальницы заимствованы изъ неизданной кievской лѣтописи Ильи Кошачковскаго. Вотъ что говорить лѣтописецъ о послѣднемъ сооруженіи: „Року 1616 при воеводѣ кievскомъ Станиславѣ Жолковскомъ, старанемъ и коштомъ пановъ мешанъ кievскихъ: пана войта на тотъ часъ Федора Ходыки и бурмистра Матвея Мачохи и всего посполства мѣста Кіева, копали гору Уздыхальницу, когорая стоить предъ замкомъ кievскимъ; а выкопали полшеста-сажня у звышъ, а нашли тамъ печерку трохъ саженей у гору, и вширь саженъ; тамъ нашли горщикъ порожній и написано на стѣнѣ имя: Павелъ; знать, же то колясь былъ пустильничъ“.

въѣтъ болѣе мягкій и терпимый—Тома Замоискій; притомъ въ томъ же году Кіевъ, благодаря политическому такту Петра Сагайдачнаго, подчинился вліянію козацкаго гетмана; одновременно съ этими событіями въ городѣ произведены были новые выборы и должность войта занялъ, въ качествѣ представителя народной партіи, Семень Мелешкевичъ.

Пока живъ былъ Сагайдачный и пока надъ православною и народною партіею въ Кіевѣ простиралось его покровительство, мы не находимъ въ документахъ упоминаній о Федорѣ Ходыкѣ. Но послѣ смерти славнаго козацкаго гетмана, когда польское правительство нашло возможнымъ возвратиться къ продолженію въ Кіевѣ насильственныхъ мѣръ противъ православія, онъ опять является на сцену въ прежней роли пособника и рачителя правительственныхъ заботъ о расширеніи уни. Уже въ концѣ 1621 года Ходыка вновь занимаетъ должность войта и начинаетъ исправленіе своего уряда жалобою королю на кіевскихъ мѣщанъ въ томъ, что они уклоняются отъ обязанности „прикладатися до муниципіи замка“, очевидно, онъ продолжаетъ прежнюю тактику, подымая старый вопросъ о возведеніи и содержаніи кіевскихъ укрѣпленій на счетъ города; точно также отнесся онъ и къ другому щекотливому вопросу—о передачѣ уніатамъ кіевскихъ православныхъ церквей. Исполнить это намѣреніе теперь было значительно труднѣе, чѣмъ во время занятія софійскаго собора Грековичемъ. Теперь, благодаря дѣятельности Сагайдачнаго, восстановлена была церковная православная іерархія; притомъ православіе пріобрѣло многочисленныхъ и усердныхъ защитниковъ въ усилившемся козачествѣ. Опасность рѣзкихъ мѣръ испыталъ на себѣ самъ Грековичъ. Въ 1618 году онъ предъявилъ королевскую грамоту, выданную еще въ 1612 г., о подчиненіи михайловскаго златоверхаго монастыря уніатскому митрополиту, и собирался овладѣть имъ насильно, но 15-го февраля на Звѣринцѣ былъ задержанъ квартировавшими тамъ козаками и „противъ Выдубицкаго монастыря подъ ледъ посаженъ воды пити“¹⁾.

Наученный опытомъ Грековича, Ходыка медлилъ исполненіемъ передачи церквей уніатамъ, выжидая удобныхъ для того обстоятельствъ; наконецъ таковыя по его мнѣнію представились въ 1624 году. Въ концѣ предъидущаго года погибъ въ Витебскѣ подъ ударами выведенныхъ имъ изъ терпѣнія мѣщанъ, гонитель

¹⁾ Также изъ лѣтописи Ильи Коцаковскаго.

православія Іосафать Кунцевичъ; смерть его вызвала въ польско-католическомъ обществѣ страшное раздраженіе и побудила правительство къ крайне репрессивнымъ мѣрамъ противъ православія. Желая воспользоваться удобною минутою и оказать правительству услугу, соотвѣтственную его настроенію, Федоръ Ходыка рѣшился покончить дѣло передачи церквей въ Кіевѣ. Въ сопровожденіи бурмистровъ, райцевъ и мѣщанъ своей партіи и какого-то священника Ивана Юзефовича, перешедшаго въ унию, онъ отправился опечатывать православныя церкви. Но оказалось, что въ средѣ кіевскихъ мѣщанъ страхъ передъ правительственною реакціею, грозно и жестоко покаравшею Витебскъ, былъ слабѣе преданности своей церкви и своей народности. Ходыку окружила толпа мѣщанъ и квартировавшихъ въ городѣ козаковъ; среди нареканій и попрековъ войтъ и его товарищи были схвачены: священнику Юзефовичу отрубили голову, войтъ-же Федоръ Ходыка раздѣлилъ участь Грековича, — его также бросили въ Днѣпръ „воды пити“.

Послѣ трагической смерти Федора Ходыки осталось три сына его: Іосифъ, Иванъ и Андрей. Свѣдѣнія о нихъ въ архивныхъ источникахъ весьма скудны и разрознены, но, хотя до нѣкоторой степени, даютъ характеристику ихъ дѣятельности: всѣ три брата продолжаютъ играть въ городѣ видную роль и слѣдуютъ направленію отца, они постоянно находятся въ рядахъ той, слабой числомъ, но сильной поддержкою польскаго правительства городской аристократической партіи, которая стремилась къ проведенію антинаціональныхъ цѣлей среди кіевского городского населенія. Братья Ходыки являются не только, подобно отцу, поборниками униі, они, по примѣру большинства дворянъ кіевской земли, стараются примкнуть къ господствовавшей народности, усваивая себѣ ея національныя характеристическія черты. Всѣ дошедшіе до насъ акты, составленные Ходыками, даже въ официальныхъ сношеніяхъ ихъ съ магистратомъ, писаны по польски, а не по русски, всѣ подписи ихъ, въ качествѣ райцевъ и свидѣтелей также на польскомъ языкѣ. Давныя, собранныя нами о судьбѣ ихъ, заключаются въ слѣдующихъ немногихъ свѣдѣніяхъ, которыя мы перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1631 году всѣ три брата занимали должности райцевъ въ магистратѣ, что видно изъ процесса, который они вели съ

своимъ двоюроднымъ братомъ Федоромъ Васильевичемъ Крыницкимъ, пограбившимъ у нихъ лошадей и возы съ товарами въ своемъ имѣнии Басани, а также изъ подписей ихъ на купчихъ крѣпостяхъ, совершенныхъ въ этомъ году.

Въ 1637 году Іосифъ Ходыка занималъ уже должность кievскаго войта, а братъ его Андрей—должность райцы; имя Ивана не упоминается среди членовъ магистрата. Вскорѣ потомъ умеръ Іосифъ Ходыка и на его мѣсто избранъ былъ войтомъ Самуиль Мехидовичъ, но въ 1644 г., и этотъ войтъ скончался и король Владиславъ IV грамотою, данною 18-го мая, утвердилъ кievскимъ войтомъ Андрея Ходыку. Выбирая его изъ числа 4 кандидатовъ, предложенныхъ магистратомъ, король слѣдующимъ образомъ мотивируетъ оказанное имъ предпочтеніе: „потвержаемъ Андрея Ходыку, сына славетнаго негды Федора Ходыки, войта кievскаго, добре намъ и мѣсту заслуженнаго мужа, который, противъ бунтовъ козацкихъ крѣпко стоячи при достоинствѣ нашемъ господарскомъ, горломъ запечатовалъ, а брата родного зопшого негды Іосифа Ходыки, войта также кievскаго, добре урядъ справуючаго“. Притомъ король указываетъ на опытность Андрея Ходыки, которую онъ приобрѣлъ, „засѣдаючи зъ молодыхъ лѣтъ своихъ на вряде поменевнаго мѣста Кіева“. Въ дальнѣйшемъ текстѣ грамоты король поручаетъ новому войту: „бунтовникамъ и шкодливимъ замишкою въ мѣстѣ нашомъ Кіевѣ вчасно забѣгати, и выкротныхъ и непослушныхъ въ войтовскомъ присуду водлѣ права карати“. Инструкцію эту усердно исполнялъ Андрей Ходыка до 1648 года, пока не вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Не сообразивъ послѣдствій и не предугадавъ его размѣровъ, Ходыка продолжалъ усиленно преслѣдовать въ городѣ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи козакамъ и принималъ строгія мѣры противъ мѣщанъ „зуфалыхъ“ (непокорныхъ). Между тѣмъ событія слѣдовали съ поразительною быстротою и вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что на этотъ разъ козацкое движеніе восторжествуетъ; кievское населеніе стало заявлять все болѣе и болѣе свое сочувствіе движенію и козаки приближались къ городу. Положеніе войта и его партіи сдѣлалось весьма труднымъ. Нѣкоторые члены магистрата, жаловался впоследствии Андрей Ходыка, составили заговоръ противъ войта и рѣшились не только лишить его уряда, но даже отнять имущество и самую жизнь. Долгое время войтъ принужденъ былъ скрываться и, наконецъ, въ на-

чалъ 1649 года, онъ подписалъ отреченіе отъ должности и письменно призналъ незаконными всѣ свои дѣйствія въ теченіе четырехлѣтняго управленія городомъ. Мѣсто войта занялъ представитель народной партіи—Богданъ Сомковичъ.

Въ 1651 году, послѣ берестецкой битвы и занятія Кіева Радзивилломъ, появляется еще разъ Андрей Ходыка и спѣшитъ возбудить искъ противъ лицъ, заставившихъ его отречься отъ должности; но съ удаленіемъ польскаго войска, онъ исчезаетъ навсегда изъ города. Имущество, скопленное мѣщанскою вѣтвью рода Ходыкъ, разсѣялось также безслѣдно, какъ и имѣнія, захваченныя ихъ родственниками Крыницкими. Ходыки должны были оставить Кіевъ вмѣстѣ съ тѣмъ иноземнымъ правительствомъ, въ угоду которому они попирали интересы своихъ согражданъ. Дальнѣйшая судьба ихъ рода намъ неизвѣстна, но въ рядахъ кіевского мѣщанства послѣ 1651 года имени Ходыкъ болѣе не встрѣчается.

В. Антоновичъ.

Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

Поставивъ заглавіе статьи, прежде чѣмъ дать слово автору оной, считаемъ нужнымъ по поводу ея сказать отъ себя нѣсколько словъ. Предлагаемая статья, по намѣренію автора, должна быть руководящею или пояснительною къ тѣмъ дорожкамъ и доселѣ неизвѣстнымъ документальнымъ свѣдѣніямъ о состояніи народнаго образованія въ періодъ раздѣловъ Польши на обширныхъ пространствахъ Украйны, Волыни, Подолія, Бѣлоруссіи и Литвы, Подлясья и Холмщины, съ которыми онъ намѣренъ познакомить читателей «Кіевской Старины», въ видѣ подлинныхъ донесеній и отчетовъ тогдашнихъ инспекторовъ или ревизоровъ школьныхъ. Но, помимо этой ближайшей и, такъ сказать, случайной цѣли, она имѣетъ самостоятельное, весьма важное значеніе. Она даетъ намъ глубоко задуманный, и съ точки высшаго взгляда освѣщенный очеркъ той системы общественнаго образованія и воспитанія, которая создана была въ Польшѣ въ эпоху ея политической агоніи въ прямыхъ видахъ возрожденія отчизны, которая представляетъ собою первый въ Европѣ опытъ перехода народнаго образованія отъ вольной профессіи подъ опеку государства и въ разрядъ его задачъ, была примѣнена на всемъ протяженіи польско-русскихъ областей и вмѣстѣ съ ними перешла къ намъ и нами принята и поддержана.... По этой системѣ воспитались цѣлыя поколѣнія въ сѣверо и юго-западномъ краѣ нашемъ, по ней многіе годы слагалось здѣсь умственное и политическое настроеніе открытыхъ для нея сферъ, ею пропитаны были всѣ вновь зарождавшіяся подъ вліяніемъ событій симпатіи и стремленія интеллигентной массы, она проникала во всѣ изгибы строя общественнаго, отпечатлѣвалась на всемъ складѣ и характерѣ жизни, ея духъ царилъ и тогда, когда измѣнились ея формы. Помѣщаемая статья обнимаетъ эту систему въ ея основаніяхъ, открываетъ ея идею, духъ и характеръ, чего мы не имѣемъ относительно послѣдующихъ господствовавшихъ у насъ системъ образованія. О другихъ сторонахъ и качествахъ настоящаго изслѣдованія представляемъ судить самимъ читателямъ,—мы-же сочли нужнымъ сказать эти нѣсколько словъ лишь съ цѣлію предупредить читателя о значеніи статьи и отношеніи, какое она имѣетъ къ программѣ журнала. Только ознакомившись по ней

съ системою національнаго польскаго образованія, господствовавшей долгое время на территоріи сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, мы можемъ уяснить и правильно оцѣнить въ нихъ прошломъ многія явленія внѣ сферы народнаго образованія и тѣмъ болѣе въ самой этой сферѣ, равно проникнуться сознаниемъ необходимости и желаніемъ собрать уцѣлѣвшія свѣденія о состояніи у насъ образованія въ такой періодъ, о которомъ мы почти или совсѣмъ ничего не знаемъ, а собравъ ихъ постепенно, произвести потомъ правильную группировку и оцѣнку. Уважаемый авторъ статьи полагаетъ солидное начало такому дѣлу и мы глубоко признательны ему какъ за поднятіе такого первостепенной важности вопроса въ исторіи нашего недавняго прошлаго, такъ и за твердую и широкую его постановку. Ждемъ общанныхъ имъ «визитъ» и «рапортовъ»; всѣхъ-же, кому вѣдомы и доступны такіе и подобныя имъ матеріалы, просимъ подѣлиться ими съ читателями «Кіевской Старины».

Ред.

Въ судьбахъ русскаго народа, входившаго въ составъ польской рѣчи посполитой, одна изъ самыхъ видныхъ ролей принадлежитъ безъ сомнѣнія школамъ. Это были тѣ могучія орудія ассимиляціи русскаго народа съ польскимъ, которыя неизмѣнно и вѣрно дѣлали свое дѣло, не смотря на бурю потрясающихъ политическихъ событій, не смотря на отчаянное противудѣйствіе цѣлямъ ихъ со стороны духовенства, запорожья и простаго народа, не смотря на могущественное заступничество со стороны русскаго царства. Польскія школы поглотили сперва древніе русскіе княжескіе роды, потомъ дворянство, высшее духовенство, измѣнили сельское духовенство, мѣщанъ¹⁾. Новый духъ и бытъ руководящихъ классовъ неизбѣжно вліялъ на бытъ остающаго, простаго народа. Благодаря преимущественно школамъ, Польша вернула Россіи древнее достояніе ея, Русь сѣверо и юго-западную, только въ видѣ нищаго духомъ и тѣломъ, невѣжественнаго и забитаго крестьянства, которое смутно представляло свое родство съ вели-

¹⁾ Конечно, уважаемый авторъ не отвергаетъ въ этомъ дѣлѣ значенія и другихъ историческихъ факторовъ, каковы: система внутренней, въ своемъ родѣ международной политики въ Польшѣ, со времени городельской и люблинской уніи, уніи церковная съ орудіями ея распространенія, соціальное подчиненіе массы русскаго населенія польскому землевладѣльческому классу, отношенія экономическія, строгаго-общественныя и семейныя, особляво смѣшанные браки въ высшихъ классахъ, на что указывалъ еще авторъ „Пересторои“ (Акты зап. Рос. т. IV).

Ред.

кимъ сѣверно-русскимъ населеніемъ и предстало въ такомъ складѣ своего быта, своихъ симпатій и антипатій, что русское правительство вынуждено было употреблять и доселѣ употребляетъ чрезвычайныя усилія для измѣненія этого быта, а русскіе публицисты принуждены время отъ времени напрягаться въ доказательствахъ того, что „это край русскій, русскій, русскій“....

Школа—лучшій и наиболѣе надежный другъ семьи и общества, церкви и государства. Но она можетъ быть наиболѣе злымъ и наиболѣе опаснымъ врагомъ ихъ. Не смотря на потерю въ сѣверо и юго-западномъ краѣ вышихъ, руководящихъ классовъ, Россія получила въ нихъ болѣе прочную опору, чѣмъ какую вѣками создала себѣ въ нихъ Рѣчь Посполитая, опору въ національности и церковномъ обрядѣ народа, и если бы мы сознавали могущественную силу школы, какъ создала ее польская Рѣчь Посполитая, намъ не пришлось-бы видѣть потрясающихъ событій въ этомъ краѣ, искусственныхъ средствъ къ обрусѣнію его, не пришлось-бы теряться въ доказательствахъ о національности „этого края“, не пришлось-бы смущаться пугаломъ (дѣйствительнымъ, или мнимымъ) сепаратизма. Къ сожалѣнію, вышло наоборотъ: созданныя и одушевленные послѣднимъ напряженіемъ Польши школы въ сѣверо и юго-западномъ краѣ продолжали существовать и даже получать поддержку до 1831 года! Затѣмъ всѣ онѣ разомъ закрыты, и медленно, туго, съ боязнію появлялись вмѣсто ихъ русскія учебныя заведенія, а низшія, сельскія школы казались невозможными до самаго 19 февр. 1861 года...

Исторія польскаго общественнаго образованія раздѣляется на два періода—первымъ раздѣломъ Польши. До 1773 года оно было дѣломъ свободной профессіи, католическая церковь успѣла соединить въ своихъ рукахъ всѣ нити его, наложить на него печать свою; съ этого-же года оно строго подчиняется государству, становится гражданскимъ, національнымъ. То, что извѣстно русской публикѣ о просвѣщеніи въ Польшѣ, относится почти исключительно къ первому періоду его. Учебники исторіи русской литературы теребятъ этотъ періодъ на всѣ лады, чтобы опредѣлить характеръ южно-русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII в. и объяснить значеніе его въ тогдашней литературѣ сѣверно-русской. Насколько въ самомъ началѣ своемъ наука исторіи русской литературы раздувала значеніе польскаго образованія для Россіи, такъ что Гречъ называетъ XVII вѣкъ „польскимъ періодомъ“ въ исторіи просвѣщенія Россіи и даже Теофана Прокоповича относить

къ „польскимъ писателямъ Россіи“, настолько нынѣшніе изслѣдователи исторіи русской литературы умаляютъ это значеніе его, сводя его къ іезуитскимъ школамъ и относясь къ нему съ презрительною улыбкою. Наши учебники и руководства ничего не знаютъ о борьбѣ іезуитскихъ школъ съ стариннымъ представителемъ образованія въ Польшѣ — краковскою академіей, открытою въ 1401 году, по образцу парижскаго и англійскихъ, а не итальянскихъ университетовъ. Эта почти двухвѣковая борьба была не менѣе ожесточенная, чѣмъ борьба іезуитовъ съ школами диссидентовъ, и сопровождалась всѣми приѣмами іезуитства: обличеніями въ неправомыслии и безвѣріи, пасквилями, уличными свалками и т. п. Въ основаніяхъ этой борьбы заключается объясненіе многихъ противоположностей, которыя такъ поражаютъ насъ въ польскомъ характерѣ XVII вѣка. Не іезуиты, но краковская академія, не смотря на свой упадокъ, поддерживала въ Польшѣ связь съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Тогда какъ іезуитское образованіе сполна проникнуто было практическимъ характеромъ, стремленіемъ къ господству надъ совѣстью и чувствомъ населенія, традиціи краковской академіи, даже во времена полнаго ослабленія ея, держали ее преимущественно на интересахъ науки и въ связи съ своими прототипами, на которые она указывала соотечественникамъ, искавшимъ высшаго образованія. Въ учрежденіи южно-русскихъ училищъ того времени, особенно кievской академіи, странно сошлись оба эти теченія тогдашней польской образованности. Отсюда внутреннее противурѣчіе и несостоятельность ихъ.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Польшѣ появляется малочисленная и скромная по виду духовная община, такъ же поставившая своею задачею общественное образованіе. Король Владиславъ IV, такъ много сдѣлавшій для южно-руссовъ возстановленіемъ православной кievской митрополіи, поддержкой плановъ Петра Могилы, покровительствомъ народа, вызвавъ въ Польшу эту общину, не обманулся въ своихъ надеждахъ на нее. Піаристы сразу обнаружили въ своихъ школахъ стремленія, рѣзко расходившіяся съ іезуитскими. Далеко уступая іезуитскимъ школамъ въ численности, въ широтѣ курса и въ богатствѣ, піаристскія школы, своими учебными планами, своими методами преподаванія и задачами обученія, болѣе соответственными потребностямъ просвѣщенія, скоро пошатнули громадное зданіе іезуитской образованности. Съ реформою, произведенною въ піарскихъ школахъ *Конарскимъ* (въ 1740 г.), звѣзда іезуитской образованности закатилась въ Польшѣ

Ея не могли поддержать появившіяся на помощь ей съ конца XVII вѣка базилианскія училища. Учрежденный съ тою же цѣлю въ отношеніи къ русскому народу, съ какою орденъ іезуитовъ установленъ былъ въ католическомъ мірѣ, возбужденномъ реформацией, базилианскій орденъ въ самомъ началѣ своемъ поставленъ былъ въ тѣсныя отношенія съ іезуитами. Намѣренія папства, выраженные въ учрежденіи униі, не допускали самостоятельности въ учрежденіи базилианскихъ школъ и требовали близкой опеки надъ ними. Поэтому базилианскія школы не имѣли оригинальности и всегда находились въ хвостѣ іезуитскихъ школъ.

Школы въ Польшѣ учреждали и другіе монашескіе ордена, какъ то: бенедиктины, миссіонеры, цистерны, каноники регулярные, доминикане, театины, тринитары, коммунисты, реформаты; но онѣ были весьма незначительны, то открывались, то закрывались, и не имѣли вліянія на ходъ образованія въ Польшѣ.

Школы диссидентовъ, въ томъ числѣ и православныя, преслѣдуемая религиознымъ фанатизмомъ, существовали не долго (исключая академію кievскую). Однѣ протестанскія школы удержались до раздѣла Польши.

Всѣ эти школы, различаясь между собою количествомъ классовъ и учебныхъ предметовъ, имѣли одинъ основной типъ, грамматико-риторическій, къ которому, смотря по средствамъ, прибавляли еще: математику, иногда философію, право, или богословіе. Полный составъ школъ, учреждаемыхъ краковскою академіей (*filia academia cracoviensis*), былъ слѣдующій: *грамматика, риторика, математика, философія и право*. Въ самой академіи за этимъ курсомъ слѣдовали факультеты: *богословскій, философскій, медицинскій и юридическій*. Въ іезуитскихъ школахъ было пять классовъ: *инфима, грамматика, синтаксисъ, риторика и поэзія*. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ за этимъ курсомъ слѣдовали: *философія и богословіе*. Въ іезуитской виленской академіи были факультеты: *философскій и богословскій*, впоследствии и *юридическій*. Піарскія школы, до реформы Конарскаго, имѣли одинъ типъ и состояли изъ семи классовъ: *pro forma* или *parva infima, infima maior, грамматика, синтаксисъ, поэзія, риторика и философія*. Въ каждой пятиклассной и въ піарскихъ семиклассныхъ школахъ курсъ каждого класса продолжался одинъ годъ и учителя были классные. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ философіи (этика, физика, логика, метафизика и математика) обучали три года, богословію четыре года.

Всѣ эти школы подвѣдомственны были только тому учрежденію, которое устроило ихъ. По старинному праву, краковская академія открывала свои филии, или принимала подъ свое покровительство школы, по желанію частныхъ лицъ—ихъ устроителей. Эти школы носили названіе *академическихъ*. Орденскими школами завѣдывали *провинціалы* каждаго ордена.

Всѣхъ такихъ школъ въ Польшѣ, ко времени перваго раздѣла ея, было около 116, именно: академическихъ 10, іезуитскихъ 67, піарскихъ 27, протестантскихъ 5 и базилианскихъ 7 (въ *Бучачь*, *Умани*, *Любарь*, *Шарогородь*, въ *Вильнѣ*, *Владиміръ*, *Жировицахъ*)¹⁾. Изъ этого числа школъ не меньше половины приходилось на русскія области Польшы²⁾.

Ни краковская академія, ни монашескія ордена не заботились начальнымъ обученіемъ и не имѣли въ своемъ вѣдѣніи ни одной первоначальной школы. Это обученіе сполна принадлежало приходскому духовенству и устроено было сообразно приходскимъ нуждамъ его. Такія школы первоначально устроились при главныхъ церквахъ или соборныхъ (*фага*) и назывались *фарными*. Въ нихъ обучали латинскому языку и порядкамъ католическаго богослуженія, съ цѣлію готовить органистовъ, которымъ въ прежнее время открыта была дорога и къ духовному сану. По образцу этихъ школъ открывались, по милости благодѣтелей, школы и въ нѣкоторыхъ приходсахъ. Лукашевичъ (1, 455) насчитываетъ ихъ въ 1740 году до 1500, но безъ всякихъ основаній. Ко времени перваго раздѣла Польшы ихъ оказалось въ Малопольшѣ 60, въ Великопольшѣ 45 и, судя по многимъ даннымъ, особенно по школьнымъ рапортамъ и визитамъ послѣдующаго времени, ихъ было въ цѣлой Польшѣ не болѣе 400. Въ русскихъ

¹⁾ *Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Ks. Litewskiem, od najdawniejszych czasów aż do roku 1794 r. Przez Józefa Lukaszewicza. IV t. Poznań 1851 r.* Трудъ обширный и весьма добросовѣстный, но безъ надлежащей критики, особенно во второмъ томѣ, въ которомъ означается реформа, произведенная Конарскимъ въ піарскихъ школахъ, а затѣмъ особою комиссіей въ цѣломъ составѣ школъ.

²⁾ Въ это число школъ не входятъ такъ называемыя *Studia*, съ курсомъ философіи и богословія, называемыя еще *noviciаты*, для приготовленія молодыхъ людей, получившихъ образованіе, къ поступленію въ монашескій орденъ. Такихъ *студій* базилиане имѣли въ эту пору 11, именно: въ Вильнѣ, Львовѣ, Лавровѣ, Серженѣ, Полоцкѣ, Жировицахъ, Витебскѣ, Владиміръ, Луцкѣ, Жидичинѣ и въ Холмѣ.—Не входятъ въ это число школъ и духовныя семинаріи (*seminarium*) для приготовленія приходскихъ священниковъ. Изъ всѣхъ попытокъ основать отдѣльную семинарію для униатовъ удалось только холмскому епископу *Рылу*, который открылъ семинарію въ Холмѣ въ 1760 г.

(православныхъ и униатскихъ) приходахъ въ это время повсюду почти видимъ при церквахъ школы, въ которыхъ церковный дякъ обучаетъ охотниковъ чтенію и пѣнію церковному. Въ XVIII вѣкѣ это были послѣднія и единственныя убѣжыща русской народности въ Польшѣ, а потому простой народъ и низшее, сельское духовенство чрезвычайно дорожили ими и не жалѣли на поддержку ихъ своихъ приношеній хлѣбомъ, зерномъ и т. п., тѣмъ болѣе, что при школахъ въ это время пріючивались и нищіе, калѣки, сироты.

Но если о первомъ періодѣ польскаго общественнаго образованія мы получаемъ недостаточныя свѣдѣнія, то о второмъ періодѣ его въ русской литературѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Что извѣстно ей о реформѣ народнаго образованія, послѣдовавшей за первымъ раздѣломъ Польши и долженствовавшей между прочимъ окончательно ассимилировать въ Польшѣ русскую народность? Что извѣстно ей о дѣятельности „эдукаціонной избы“ варшавскаго герцогства, закрѣпившей за польскимъ общественнымъ образованіемъ начала, выработанныя этою реформою, и завѣщавшей созданному Россіей Царству Польскому опредѣленный типъ польскаго національнаго образованія, ставшій школьнымъ культомъ поляковъ? Что мы знаемъ о противудѣйствіи этому культу въ самомъ польскомъ обществѣ, со стороны польскихъ славянофиловъ, не мало вліявшемъ на возникновеніе событій 1831 года? Этотъ культъ руководилъ и учебною реформою маркиза Велепольскаго....

Между тѣмъ, реформа учебныхъ заведеній въ Польшѣ и вообще этотъ второй періодъ польскаго общественнаго образованія успѣлъ перевоспитать поляковъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, господствуя въ немъ до самаго 1831 года, и не безслѣдно прошелъ въ исторіи русскихъ учебныхъ заведеній. Одинъ изъ близкихъ друзей и совѣтниковъ молодаго императора Александра I, сынъ Адама Чарторыйскаго, главы польскихъ реформаторовъ временъ раздѣловъ Польши, не мало вліялъ на систему преобразованія русскихъ учебныхъ заведеній при учрежденіи въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, и, если сравнить тогдашніе протоколы, записки, журналы и самую организацію учебныхъ заведеній съ уставами польской комисіи народнаго просвѣщенія 1783 года, то окажется не мало заимствованій изъ нихъ.

Намѣреваясь познакомить читателей „Кіевской Старины“ съ состояніемъ учебныхъ заведеній въ сѣверо и юго-западномъ краѣ

въ періодъ раздѣловъ Польши по рапортамъ визитаторовъ ихъ, нигдѣ еще не напечатаннымъ ¹⁾, считаемъ нужнымъ предварительно сообщить свѣдѣнія объ учебной организаціи въ Польшѣ того времени или о послѣдовавшей тогда реформѣ общественнаго образованія ²⁾.

Въ 1773 году въ католическихъ странахъ произошло событіе, давшее сильный толчекъ правительственнымъ заботамъ объ общественномъ образованіи. Это было уничтоженіе іезуитскаго ордена. Послѣ іезуитовъ оставались огромные капиталы, поземельныя владѣнія, зданія, назначенныя на содержаніе учебныхъ заведеній. Нужно было распорядиться этимъ наслѣдствомъ, нужно было подумать о дальнѣйшей судьбѣ іезуитскихъ школъ, составлявшихъ большинство почти въ каждой изъ этихъ странъ. Стали появляться первые проекты ближайшей опеки государства надъ общественнымъ образованіемъ и общаго типа учебныхъ заведеній.

Въ Польшѣ это событіе совпало съ другимъ событіемъ, потрясшимъ ее до основанія, именно съ первымъ раздѣломъ ея.

¹⁾ Одинъ изъ этихъ рапортовъ, именно: *Ks. Szczepana Hołowczyca Raport wizyty generalnej południowo-wschodnich wydziałów szkolnych... w roku 1782*, напечатанъ въ *Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. Краковъ 1877 г. т. I, стр. 21—70.

²⁾ Источниками этихъ свѣдѣній служили для насъ:

a) *Ustanowienie komisyyi nad edukacją młodzi narodowej szlacheckiej dozorcajcej. W Warszawie 24 października 1773 r.*

b) *Mowa w dzień rocznicy otwarcia towarzystwa do ksiąg elementarnych na sessyi dnia 7 marca 1778—1786 r. Przez Ks. S. Piramowicza. Warszawa*. Эти рѣчи Пирамовича, бывшаго секретаремъ комисіи просвѣщенія и означеннаго общества, а на самомъ дѣлѣ душою обохъ этихъ центральныхъ учреждений, были публичными отчетами о ходѣ реформы общественнаго образованія и служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для объясненія побужденій и цѣлей, вообще смысла преобразованій. Онѣ печатались ежегодно отдѣльными брошюрами. Одна изъ рѣчей, именно 1780 года, принадлежитъ піаристу Поплавскому, члену того-же общества.

в) *O rozporządzeniu i wydoskonaleniu edukacji obywatelskiej. Projekt podany... komisyyi edukacji w marcu 1774 r.*; напечатано въ *Warszawie 1775 r.*; 184 стр. in 8°. Принадлежитъ тому-же піаристу Поплавскому. Проектъ Поплавскаго легъ въ основу уставовъ комисіи просвѣщенія, въ составленія которыхъ авторъ проекта принималъ съ Пирамовичемъ самое дѣятельное участіе.

г) *Przepisy dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodzkie i do szkół parafijalnych. Warszawa 1776 r.*

д) *Ustawy komisyyi edukacji narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane. W Warszawie 1783 r.* in fol. 64 стр.

Въ одномъ и томъ-же мѣсяцѣ (августѣ) появились и булла Климента XIV объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, и опредѣленіе сейма объ „уступкѣ“ сосѣднимъ государствамъ значительныхъ областей. И прежде, со времени поселенія б. польскаго короля Станислава Лещинскаго въ Парижѣ, съ огромнымъ дворомъ, привлекавшимъ изъ Польши множество посѣтителей, особенно со времени реформы піарскихъ школъ, произведенной воспитанникомъ этого двора Конарскимъ, въ Польшѣ раздавались голоса противъ іезуитскаго образованія и вообще противъ существующаго устройства школъ. Кружокъ піаристовъ дружно работалъ въ направленіи и духѣ новыхъ идей о воспитаніи, распространявшихся по Европѣ, надъ разрушеніемъ іезуитской риторики, метафизики, „альваровскихъ“ методовъ, толковалъ о *правѣ природы* и морали, какъ основаніяхъ для воспитанія челоуѣка, составляя учебники. Ловкѣ, Кондильякѣ и Гельвецій наиболѣе приходились по душѣ польскимъ мыслителямъ. Съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ при дворѣ установился цѣлый кругъ новыхъ людей, въ которомъ подвергалось осмѣянію все іезуитское и вмѣстѣ съ нимъ все старое, начиная отъ кунтушей. Какъ въ средѣ аристократіи гордо поднимали напудренные головы свои маркизы, доморощенные Вольтеры и т. п., такъ въ средѣ духовенства обращали на себя вниманіе свои Кондильяки, аббаты философы, по-

текста и нѣсколько листовъ съ образцами рапортовъ, распредѣленіемъ учебныхъ предметовъ по классамъ, по днямъ и часамъ и т. п.

Въ русскомъ переводѣ этотъ уставъ (не въ полномъ видѣ) напечатанъ въ *Сборникѣ административныхъ постановленій Царства Польскаго, ведомства нар. просвѣщенія*. Т. I, 1868 г. Варшава.

Въ дополненіе къ уставу комиссія просвѣщенія издала еще: *Przepis dla dyrektorów*, и особо *dla professorów*, а въ 1787 г. *Powinności nauczyciela, mianowicie zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia*. Warszawa. 211 стр. и 13 стр. предисловія. Это послѣднее (безъ сомнѣнія и первыя два) наставленіе составлено Пирамовичемъ.

е) *Wizyty i Rapporta* о состояніи учебныхъ заведеній того времени, хранящіяся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ, которымъ мы пользуемся благодаря просвѣщенному вниманію старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, т. с. Герарда.

Изъ сочиненій по этому предмету можно указать только на *Historya szkół*—Лукашевича. Изложеніе этого періода заключается во второмъ т. стр. 166—492, съ восторженными похвалами реформъ.

Упомянемъ еще о напечатанномъ въ 1878 г. въ Варшавѣ *Dawne wychowanie szkolne* (въ Польшѣ), *przez Jana Zaruskiego*—только для того, чтобы предостеречь читателя отъ этой компіляціи, переполненной собственными измышленіями, лживыми цифрами и крайне пристрастными сужденіями автора.

кончившіе съ „предразсудкомъ“, принявшіе духовный костюмъ и объѣтъ безженства единственно ради всецѣлаго посвященія себя наукѣ. И въ прежнее время, начиная еще съ короля Іоанна-Казимира, появлялись хотя и робкіе голоса о шаткости польскаго общественнаго и государственнаго строя, о шляхетской разнузданности, угнетенномъ и бѣдномъ положеніи низшихъ классовъ, въ особенности крестьянъ и т. п. Теперь, въ виду тяжбаго удара и грозной опеки со стороны трехъ сильныхъ державъ, всѣ голоса соединились въ напряженныхъ поискахъ за панацеей отъ всѣхъ золъ, за средствомъ поддержать и укрѣпить государство, восторжествовать надъ политикою сосѣднихъ державъ. Быстро всѣ сошлись въ убѣжденіи, что главною причиною всѣхъ золъ была прежняя система воспитанія, что отнынѣ государство, доселѣ считавшее школу постороннимъ для себя, частнымъ и свободнымъ занятіемъ, должно взять ее въ исключительное свое вѣдѣніе и въ основу всѣхъ своихъ улучшеній положить правильное образованіе. Тотъ-же сеймъ, который утвердилъ „уступку“ значительныхъ областей сосѣднимъ державамъ, по предложенію литовскаго подканцлера Хребтовича, постановилъ: учредить особую комиссію (министерство) для завѣдыванія какъ всѣмъ имуществомъ по-іезуитскимъ, такъ и всѣми учебными заведеніями въ краѣ, „не исключая ни одного“. Предсѣдателемъ этой комиссіи сеймъ назначилъ виленскаго епископа князя *Иматія Масамскаго*, членами: плочкаго епископа князя *Понятовскаго* (дядю короля), гнѣзненскаго воеводу *Сулковскаго*, подканцлера литовскаго *Іоакима Хребтовича*, писаря литовскаго *Иматія Поточкаго*, генерала *Адама Чарторыйскаго*, ордината *Андрея Замойскаго* и старосту копаницкаго *Понинскаго*. Это были люди различныхъ партій политическихъ, но слывціе за самыхъ образованныхъ въ средѣ аристократіи и, исключая перваго, третьяго и послѣдняго, которые готовы были ловить въ мутной водѣ рыбу, за самыхъ преданныхъ интересамъ Польши¹⁾). Изъ среды всѣхъ этихъ членовъ наиболѣе выдѣлялся всецѣлымъ посвященіемъ себя

¹⁾ До 1793 г. комиссія не получала для себя самой подробнаго устава. Такой уставъ составленъ былъ членомъ этого сейма, извѣстнымъ въ Польшѣ математикомъ, краковскимъ профессоромъ *Яномъ Снядецкимъ*, при сотрудничествѣ ректора виленскаго университета *Толобута*, и утвержденъ сеймомъ. Этотъ уставъ напечатанъ въ исторіи Лукашевича, т. II, стр. 169—180, въ примѣчаніи. Весьма любопытнымъ комментариемъ къ нему служатъ письма самого Снядецкаго изъ Гродна къ своимъ пріятелямъ (*Listy Jana Śniadeckiego. Poznań 1878 г.*).

трудамъ комисіи, 24 лѣтній Игнатій Потоцкій. Хилый, болѣзненный, онъ рано сталъ было мечтать о посвященіи себя на служеніе церкви; но домашній учитель его, эскъ-іезуитъ *Григорій Пирамовичъ*, отклонилъ его отъ этого намѣренія и убѣдилъ посвятить себя покровительству и реформѣ образованія въ Польшѣ. Игнатій Потоцкій является потомъ во главѣ всѣхъ начинаній и важнѣйшихъ дѣлъ комисіи. Въ польской литературѣ онъ признается душею всей дѣятельности комисіи (Лукаш. 11, 257). На самомъ дѣлѣ душею комисіи и самого Потоцкаго былъ секретарь ея, тотъ-же домашній учитель и другъ Потоцкаго, эскъ-іезуитъ Пирамовичъ ¹⁾, принадлежавшій къ той новой религиозной школѣ, которая примиряла христіанство съ философіей Локка и Кондилляка (сенсуализмъ). Преданный до энтузіазма идеѣ возрожденія Польши, безпредѣльно вѣрившій въ силу новыхъ идей, въ возможность быстрого созданія „новыхъ людей“, необыкновенно дѣятельный, даровитый, пылкій, Пирамовичъ постоянно стоялъ за спиною своего друга, постоянно выдвигалъ его впередъ для вліянія въ аристократическихъ сферахъ въ пользу всѣхъ проектовъ комисіи, авторомъ которыхъ былъ по преимуществу онъ самъ. Впослѣдствіи, при измѣнившемся составѣ комисіи, когда по выраженію Снядецкаго, „одни изъ членовъ ея скучали (въ засѣданіяхъ), другіе, занятые иною службою, не могли удѣлить своего вниманія для такой важной отрасли государственнаго управленія, а третьи присутствовали только для вида (*dla figurowania*) ²⁾, Пирамовичъ одинъ съ своимъ другомъ аристократомъ несъ на себѣ трудъ комисіи просвѣщенія.

Для приѣма и устройства имущества, оставшагося послѣ іезуитовъ, сеймъ назначилъ двѣ комисіи, одну для Короны, другую для Литвы. Понятно, что это были комисіи, огромныя по числу

¹⁾ Пирамовичъ род. во Львовѣ въ 1735 г. Онъ происходилъ отъ русскихъ родителей, обучался у іезуитовъ и самъ сталъ іезуитомъ, но скоро почувствовалъ къ своему ордену глубокое отвращеніе. Братъ его Михаилъ Пирамовичъ былъ кievскимъ каноникомъ и официаломъ; онъ хлопоталъ объ устройствѣ въ Житомирѣ униатской духовной семинаріи, для которой пожертвовалъ дѣсти тысячъ злотыхъ, а король подарилъ мѣсто подъ постройку зданій; но событія 1789 года на Волыни и послѣдовавшіе затѣмъ раздѣлы Польши остановили это дѣло въ самомъ началѣ. Григорій Пирамовичъ написалъ много педагогическихъ сочиненій, имѣвшихъ большое значеніе въ польской литературѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы встрѣтимся ниже. Умеръ въ 1801 году въ Куровѣ, въ должности пробоща куровскаго и каноника каменецкаго.

²⁾ *Listy Jana Śniadeckiego*, стр. 16.

членовъ. Въ составъ ихъ втерлось много такихъ лицъ, которыя искали случая поправить свое состояніе, разстроенное послѣдними событіями или слишкомъ широкою жизнію. По повѣркѣ имущества, оказалось, что представители іезуитовъ, въ ожиданіи своей участи, не ушли изъ Польши съ пустыми руками: наличныя суммы, серебро и драгоценности большею частію изчезли, вѣковыя лѣса вырублены или запродавы, многія земельныя угодья и поля оказались въ чертѣ другихъ владѣній. Но гораздо больше іезуитовъ причинили ущербъ этому имуществу, предназначенному служить основнымъ и пока исключительнымъ фондомъ для расходовъ по устройству общественнаго образованія, эти сами комисіи и во главѣ ихъ самъ предсѣдатель комисіи просвѣщенія, епископъ Массальскій, съ членомъ ея Сулковскимъ. Комисіи должны были обезпечить по-іезуитскія имущества такимъ образомъ: хранившіяся въ разныхъ рукахъ суммы раздать желающимъ магнатамъ и шляхтичамъ за опредѣленный вѣчный процентъ, подъ залогъ ихъ имѣній, а имѣнія, по оцѣнкѣ ихъ, отдать въ вѣчную аренду. Началось грабительство этихъ денегъ и имѣній самими членами комисій (*rozdawniczych*), полученіе большихъ суммъ подъ залогъ разоренныхъ или не стоющихъ имѣній, полученіе земель за ничтожную аренду и безъ всякой гарантіи въ уплатѣ ея. Однихъ капиталовъ разграблено такимъ образомъ болѣе семи милліоновъ золотыхъ. Одинъ Сулковскій взялъ 584,658 золотыхъ, и эти деньги пропали! Епископъ Массальскій истратилъ гораздо больше ¹⁾. Оставшіеся при школахъ іезуиты, не получая содержанія, бросили занятія, школы закрылись, ученики разбѣжались.

Но это грабительство государственнаго эдукационнаго имущества, такъ быстро смѣнившееся благородные порывы къ возрожденію государства посредствомъ образованія, эта мрачная картина разоренія тѣхъ средствъ, на которыхъ главнымъ образомъ опиралась дѣятельность комисіи просвѣщенія, не остановили и не ослабили намѣреній другихъ дѣятелей этой комисіи, хотя во главѣ ея продолжалъ оставаться тотъ-же Массальскій, а также и многихъ частныхъ лицъ. Ходили разныя теоріи и планы устройства учебныхъ заведеній. Болѣе и болѣе оживлялись піаристы и одерживали верхъ началами своихъ школьныхъ преобразованій.

¹⁾ *Historja szkół*—Лукашевича, т. II, стр. 189—248. Впослѣдствіи Массальскій былъ повѣшенъ въ Варшавѣ, на улицѣ, возмущавшеюся чернію, по подозрѣнію въ продажности непріятелямъ Польши.

Въ комиссію просвѣщенія стали поступать письменныя сообщенія о необходимости поспѣшить преобразованиемъ учебныхъ заведеній и самыя проекты реформы ихъ. Изъ нихъ всего болѣе обратилъ на себя общее вниманіе проектъ, поданный въ мартѣ 1774 года піаристомъ Поплавскимъ, бывшимъ учителемъ и префектомъ варшавскихъ піарскихъ школъ. Это было упомянутое нами сочиненіе его: *O rozporządzeniu i wydoskonaleniu edukacyi (объ организаціи и улучшеніи обученія)*, напечатанное въ слѣдующемъ году. Поплавскій развиваетъ въ немъ тѣ начала, какія уже проводились въ піарскихъ школахъ со времени Коварскаго. Признавая всю прежнюю систему только драпировкою образованія, прикрывавшею внутреннюю пустоту и распущенность, онъ требуетъ дѣйствительнаго воспитанія и усовершенствованія физическаго и нравственнаго. Чтобы стать дѣйствительнымъ, воспитаніе должно быть какъ можно болѣе *естественнымъ* и основываться на изученіи *естества* (*jestestwo*—модное въ то время слово въ польскомъ учебномъ кругѣ), т. е. наукъ естественныхъ, математики, науки о правѣ природы и о естественной нравственности. Греческій языкъ, преподававшійся во всѣхъ прежнихъ школахъ, онъ находитъ излишнимъ, латинскій—полезнымъ по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ римскихъ писателей, и по историческимъ причинамъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, считаетъ полезными въ быту. Изученіе религіи въ объемѣ курса прежнихъ школъ находитъ совершенно излишнимъ и замѣняетъ его воспитаніемъ въ духѣ общей религіозной идеи, оставляя только самыя элементарныя свѣдѣнія о христіанской религіи, необходимыя для присутствованія при главныхъ богослуженіяхъ и при исполненіи важнѣйшихъ обрядовъ, и какъ можно болѣе требуетъ заботъ о моральномъ руководствѣ воспитанниковъ. Въ преподаваніи рѣшительно требуетъ замѣнить латинскій языкъ польскимъ и все направленіе образованія строго сообразовать съ благомъ отечества. Эту идею Поплавскій прилагаетъ къ высшимъ, среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ и къ частнымъ училищамъ, и проектируетъ сообразныя съ нею новыя курсы и порядки въ каждомъ изъ этихъ училищ¹⁾. Въ концѣ своего проекта онъ обращается съ горячимъ словомъ ко всему народу польскому. Онъ говоритъ (между прочимъ): „присмотрись только и

¹⁾ Между прочимъ онъ предлагалъ открыть четыре университета: въ Познани, Калишѣ, Острогѣ и Вильвѣ, и въ каждомъ сельскомъ приходѣ школу.

разсуди, есть ли совѣщаніе въ сеймахъ, есть ли справедливость въ судахъ? какова исполнительность высшаго правительства и чиновниковъ? Многосложна наша конституція, но мало въ ней благодѣтельныхъ установленій. Въмѣсто свободы—своеволіе, благородство—въ почетномъ имени, добродѣтель и заслуга—не только въ забвеніи, но и въ пренебреженіи. Страна—безъ войска, народъ—безъ уваженія, отечество—безъ сыновъ, собственность—безъ свободы и увѣренности, обширныя поля—безъ обработки, обширныя провинціи—безъ населенія! Откуда-же этотъ упадокъ, это несчастіе? Слѣдствіе не бываетъ безъ причины, а плодъ безъ сѣмени. Если станешь постепенно и вѣрно идти отъ причины къ причинѣ, то придешь къ несомнѣнному убѣжденію, что всѣ эти потери и страшныя послѣдствія произошли отъ пороковъ въ цѣломъ строѣ нашего общественнаго управленія“.

„Что преимущественно служить источникомъ зла, то прежде всего нужно и поправлять. Ты согрѣшилъ, несчастный народъ, установленіемъ дурнаго управленія, ты и терпѣлъ отъ него; устройствомъ надлежащаго управленія ты поднимешь твое благополучіе и станешь высоко счастливымъ. *Къ этому ничто не приведетъ тебя такъ вѣрно и успѣшно, какъ надлежащее народное образованіе и воспитаніе“.*

Этотъ сильный голосъ простаго ксендза произвелъ большое впечатлѣніе въ цѣломъ польскомъ обществѣ. Онъ заглушилъ всѣ другіе голоса, тѣсно совпалъ съ убѣжденіями главныхъ дѣятелей комисіи просвѣщенія и самого короля, и задача учебной реформы рѣшена была быстро и окончательно. Заманчивая картина естественности воспитанія, возстановленія счастья въ цѣлой странѣ, побѣда надъ политикою сосѣднихъ державъ, находившихъ нужнымъ обезсилить Польшу, льстила всѣмъ партіямъ. Противные голоса, не имѣя силы краснорѣчія Поплавскаго, довольствовались ворчаніемъ по угламъ или отрывочными и тощими фразами ¹⁾). Какимъ образомъ исторія подготовила поляковъ къ увлеченію философій Локка и

1) Изъ другихъ тогдашнихъ проектовъ напечатаны были: 1) *Edukacya obywatelska, przez A. K. Warszawa 1774 r.* 186 стр. Авторъ этого проекта, пиаристъ Адольфъ Каменскій, совѣтуетъ не дѣлать крутаго перелома въ системѣ образованія и соблюсти постепенность. Онъ настаиваетъ на необходимости основать школу по философій съ древними языками, хотя въ курсъ его входятъ и естественныя науки съ самою модною въ то время изъ наукъ—, *правомъ природы“*, и требуетъ, чтобы устроенъ былъ особый классъ философій съ преподаваніемъ: логики, психологій, онтологій, космо-

Кавдильяка, какимъ образомъ изъ прежней пылкой поклонницы и любимой дочери папскаго Рима встала теперь поклонница верховнаго права натуры, обезличивающаго христіанство и подчиняющаго церковь служенію политическимъ и патріотическимъ задачамъ, мы не будемъ объ этомъ говорить. Но несомнѣнно, что глубокое потрясеніе въ цѣлой странѣ и тяжкій ударъ, нанесенный самолюбію шляхты раздѣломъ,—съ одной стороны, съ другой пропасть, раскрывшаяся предъ глазами поляковъ, были причиною того быстрого вихря идей, который привелъ ихъ въ заколдованный рай и закрѣпилъ въ немъ мечты ихъ. Политика и школа заключили между собою священный союзъ въ стремленіи къ одной и той-же цѣли, съ полной увѣренностью въ скоромъ и прочномъ исполненіи ея.

Впечатлѣніе, произведенное проектомъ Поплавскаго, высоко поставило иіаристовъ въ общественномъ мнѣніи. Они стали ближайшими сотрудниками комисіи просвѣщенія по устройству новой учебной организаціи; ихъ школы должвы были прежде всего осуществить идею реформы, представить новыя программы, методы, учебники и т. п. Тѣмъ временемъ возстановлялись закрытыя іезуитскія школы, выбирались охочіе и способные изъ бывшихъ іезуитовъ и назначались на должности учителей; базилианскіе монахи привлечены къ большому участию въ общественномъ образованіи и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣланы наследниками школьныхъ іезуитскихъ зданій подъ условіемъ содержать школы; разыскивались и призывались *академики* (учившіеся въ краковской академіи) для занятія учебныхъ должностей, особенно въ средѣ католическихъ священниковъ. Чтобы успѣшнѣе возстановить школы и пока установить въ нихъ какой-нибудь порядокъ, постепенно обновляя и упрочивая его, комисіа просвѣщенія прежде всего раздѣлила всю тогдашнюю Польшу на десять учеб

логін и т. п. Способамъ изложенія инслей онъ совѣтуетъ учить только тогда, когда самая мысль ученика будетъ уже достаточно содержательною и прочною, такъ что обученіе краснорѣчію въ проектѣ его относится къ послѣднему классу. Каменскій даетъ между прочимъ совѣтъ учредить „Общество для изданія учебниковъ“, пригласивъ къ нему лучшія силы. 2) *Sposob edukacyi w XV listach opisany, ktore do komisyyi edukacyi narodowej od bezimiennego autora byly przesyłane. R. P. 1775* 244 стр. Авторъ, писарь коронный *Францисекъ Бѣлинскій*, сильно нападаетъ на всегдашнее увлеченіе Польши иностраннымъ воспитаніемъ и въ послѣднее время французскимъ. Проектъ Бѣлинскаго, заключающій въ себѣ мало оригинальности относительно самаго устройства учебныхъ заведеній, заботится преимущественно о приготовленіи хорошихъ учителей и гувернеровъ для дѣтей и объ уваженіи къ національнымъ началамъ.

ныхъ округовъ (wydziałów): въ каждомъ изъ этихъ округовъ назначила одно учебное заведеніе окружнымъ (szkoły wydziałowe), прочія назвала подокружными (szkoły podwydziałowe), сельскія—приходскими (parafialne). Ректоръ окружной школы поставленъ былъ во главѣ цѣлаго округа, проректоръ подокружной школы имѣлъ въ своемъ ближайшемъ вѣдѣніи находившіяся въ районѣ ея школы сельскія¹⁾. Такими округами и окружными школами были назначены: 1) *великопольскій*—въ Познани, 2) *малопольскій*—въ Краковѣ, 3) *мазовецкій*—въ Варшавѣ, 4) *волинскій*—въ Кременцѣ, 5) *украинскій*—въ Винницѣ, 6) *піарскій*—обнимавшій школы піаристовъ, разбросанныя по цѣлой Польшѣ. Эти шесть округовъ носили общее названіе коронныхъ. Прочіе четыре назывались литовскими и были слѣдующіе: 7) *литовскій*—въ Гроднѣ, 8) *русскій*—въ Новогрудкѣ, 9) *польскій*—въ Брестѣ литовскомъ и 10) *жмудскій*—въ Крѣжахъ. Всѣхъ окружныхъ и подокружныхъ школъ было 70, считая въ томъ числѣ и піаристскій конвиктъ подъ Варшавой. Ректоры окружныхъ школъ обязаны были заботиться о присканіи кандидатовъ на учительскія мѣста и о руководствѣ какъ ихъ, такъ и бывшихъ учителей въ подготовкѣ къ новому курсу и способу обученія.

За этими заботами послѣдовали заботы о приготовленіи учебниковъ, на основаніи предположенныхъ учебныхъ плановъ. Предстоялъ трудъ огромный. Сразу замѣнить въ цѣломъ преподаваніи и изученіи латинскій языкъ польскимъ, когда доселѣ не было даже польской грамматики, предупредить въ школахъ появленіе той варварской смѣси словъ польскихъ съ латинскими, которая въ то время господствовала во всѣхъ польскихъ канцеляріяхъ, составить польскую учебную терминологию и т. д., все это требовало соединенія многихъ и опытныхъ рукъ и работы продолжительной. Коммиссія просвѣщенія воспользовалась совѣтомъ піариста Адольфа Каменскаго и учредила общество для изданія учебниковъ (*Towarzystwo elementarne*, иначе *Towarzystwo do ksiąg elementarnych*). Предсѣдателемъ этого общества назначенъ былъ Игнатій Потоцкій, секретаремъ Пирамовичъ. Главный контингентъ членовъ его давали піаристы,

¹⁾ Коммиссія просвѣщенія удержала старья названія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Словомъ *школа* (schola) обозначался собственно классъ. *Школа*—училище съ однимъ классомъ (элементарное), а всякое учебное заведеніе, имѣющее болѣе одного класса, называлось *школами*; имѣющее не менѣе трехъ классовъ именовалось *школами высшими* (szkoły wyższe).

изъ которыхъ особенно дѣятельными были: Поплавскій, Копчинскій, Клюкъ и др. Въ составѣ этого общества появился тогда еще молодой, прославившійся блестящими успѣхами своими въ наукахъ въ Римѣ, уроженецъ Волыни *Гуло Колонтай*, каноникъ краковскій; онъ сразу выдвинулся своими высокими дарованіями, необыкновенною энергіей и непоколебимою вѣрою въ возможность быстрого обновленія всего строя государственнаго посредствомъ реформы образованія. Впослѣдствіи это былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Польши и противниковъ политики сосѣднихъ государствъ. Ему главнымъ образомъ принадлежитъ „конституція 3-го мая“. Когда Польша окончательно уже погибала, когда всѣ видные дѣятели ея или сложили оружіе для мирной жизни, или искали теплаго пріюта при новыхъ дворахъ, онъ одинъ оставался неукротимымъ съ своею вѣрою въ воскресеніе Польши, въ силу новой школы польской и свою вѣру завѣщаль послѣдующимъ вождямъ ея ¹⁾. Общество торжественно открыто было 7 марта 1776 года, въ присутствіи короля, многихъ магнатовъ и поборниковъ учебной реформы. Пирамовичъ произнесъ восторженную рѣчь: онъ говорилъ преимущественно на тему, что „вся надежда государства—Рѣчи Посполитой—въ направленіи воспитанія молодежи“. На учебники и руководства онъ указывалъ въ этой рѣчи, какъ на главныя основы и орудія школы и къ дѣлу ихъ привязывалъ весь смыслъ и духъ реформы. Съ этихъ поръ „Общество для изданія учебниковъ“ становится главнымъ дѣтелемъ по исполненію реформы. Коммисія просвѣщенія, члены которой мало знакомы были съ техникой школы, охотно уступила обществу всю учебную и воспитательную часть и скоро превратилась въ бюрократическое учрежденіе, которое такъ громилъ Снядецкій въ своихъ письмахъ къ Колонтаю ²⁾. Всѣ проекты, инструкціи, уставы и наставленія, приготовляемые обществомъ, разсматривались въ коммисіи просвѣщенія и издаваемы были отъ ея имени.

Общество объявило на составленіе учебниковъ конкурсъ, а само преимущественно занялось разработкою уставовъ и подроб-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи изъ многочисленныхъ сочиненій его выдаются: *Listy do Stanisława Małachowskiego i Thadeusza Czackiego*, о предметахъ политики и образованія. Krakow 1842. 4 тома; *O stanie oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III. Poznań 1841*; *Uwagi o Księstwie Warszawskiem. Warszawa 1808 r.*

²⁾ *Listy Jana Śniadeckiego*, стр. 14—51.

ныхъ наставленій о преподаваніи и воспитаніи. Въ томъ-же 1776 году оно приготовило, а комиссія издала *Przepis dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodskie i do szkół parafialnych* (Наставленіе для ректоровъ, префекта, директоровъ для школъ воеводскихъ и приходскихъ), опредѣляющей общія отношенія и задачи главныхъ органовъ воспитанія въ школахъ. Въ 1777 г. Чарторыйскій осматрѣлъ всѣ школы на Украинѣ и Подоліи. Въ слѣдующемъ году въ первый разъ осматрѣны были всѣ школы визитаторами, назначенными комиссіей изъ среды членовъ общества для изданія учебниковъ ¹⁾. Въ 1781 году комиссія просвѣщенія издала выработанный Пирамовичемъ *Projekt ustaw dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej* (Проектъ устава академій и друиыхъ школъ въ областяхъ Рѣчи Посполитой) и предписала, чтобы съ началомъ учебнаго 1781½ г. ученіе во всѣхъ школахъ открыто было по новымъ планамъ. Въ то-же время Колонтай командированъ былъ въ Краковъ для лучшаго руководства преобразованиемъ академіи. Въ 1782 года комиссія командировала четырехъ членовъ „Общества изданія учебниковъ“, для осмотра всѣхъ учебныхъ заведеній и для соображеній на мѣстѣ, насколько въ каждомъ изъ нихъ примѣненъ учебный планъ и насколько этотъ планъ соотвѣтствуетъ своему назначенію на дѣлѣ. Визитаторы (между которыми былъ и Пирамовичъ, осматривавшій школы на Подлясьи и въ Бѣлоруссіи ²⁾), ректоръ виленской академіи *Почобуть* (іезуитъ, извѣстный въ свое время астрономъ) и Колонтай, въ качествѣ ректора краковской академіи, составили, по порученію комиссія просвѣщенія, особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Игнатія Потоцкаго для разсмотрѣнія результатовъ этой ревизіи. „Въ теченіи шести недѣль, ежедневно по вѣсколько часовъ“, по словамъ Пирамовича (въ рѣчи 7 мар. 1783 г.), эта комиссія въ полномъ засѣданіи разсматривала всѣ подробности ревизіи, исправила и дополнила первоначальный проектъ устава, который, по разсмотрѣніи его въ полномъ засѣданіи комиссія просвѣщенія, изданъ былъ въ 1783 году (*Ustawy komisyyi edukacyi narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane* (Правила, предписанныя комиссіею народнаго образованія для академій

1) Объ этихъ двухъ осмотрахъ упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1777 г.

2) Визитаторомъ школъ украинскихъ и волынскихъ былъ въ это время Кс. Голловичъ; о визитѣ его мы упомянули выше. Отчетъ Пирамовича доселѣ не отысканъ. Предполагается, что это долженъ быть одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ отчетовъ.

и *всѣхъ школъ Рѣчи Посполитой*). Такимъ образомъ, насколько быстро рѣшены были общія основанія реформы и направленіе образованія, настолько медленно и осторожно подвигалась разработка самой системы обученія, и окончательная регламентация этой системы послѣдовала только послѣ тщательной повѣрки ея на самомъ дѣлѣ. Такъ заботились реформаторы о томъ, чтобы каждое правило и каждое явленіе въ школьной жизни вполне проникнуто были направлениемъ и духомъ реформы.

Въ рѣчи своей 7 марта 1786 года, Пирамовичъ, коснувшись существовавшего въ нѣкоторыхъ польскихъ кругахъ недовольства новымъ обучениемъ въ школахъ, говорилъ: „кто хочетъ судить о дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ и духѣ комисіи просвѣщенія, тотъ долженъ судить объ этомъ только послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и на основаніи утвержденныхъ ею положеній. За этотъ документъ мы отвѣчаемъ“. Пирамовичъ выражаетъ увѣренность, что отечество наградитъ ихъ похвалою за принятую систему образованія. Дѣйствительно, поляки доселѣ съ гордостью указываютъ на этотъ уставъ и выражаютъ несомнѣнное убѣжденіе, что если бы три державы не вмѣшались во внутреннія дѣла Польши и не прекратили самаго существованія ея, новая система образованія скоро и вѣрно обновила бы все государство и высоко поставила бы его въ Европѣ. Послѣдуемъ совѣту Пирамовича и разсмотримъ не только уставъ, но и всѣ дополненія къ нему.

Общею задачею образованія уставъ полагаетъ нравственное и физическое воспитаніе учащихся.

Академіи краковская и виленская именуется *главными школами* (Szkola główna) и каждая заключаетъ въ себѣ четыре факультета: богословскій, философскій (съ математическими науками), медицинскій и юридическій. Всѣ дѣла главной школы рѣшаются въ совѣтѣ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ предсѣдателей коллегій, заслуженныхъ профессоровъ, ординарныхъ или дѣйствительныхъ (aktualnych) профессоровъ и „имѣющихъ степень профессора“. Этому совѣту подчиняются и всѣ школы, находящіяся въ краѣ (въ Коровѣ—краковскому, въ Литвѣ—виленскому), для ревизіи которыхъ онъ избираетъ изъ среды своихъ членовъ *визитаторовъ*, на два года, наблюдая главнымъ образомъ за точнымъ исполненіемъ въ школахъ установленій комисіи просвѣщенія и единствомъ духа и направленія ихъ. Для непосредственнаго наблюденія за преподаваніемъ въ главной школѣ и для рѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ состояніемъ его

учреждены двѣ коллегіи—наукъ физическихъ (медицины, естествознанія, математики) и моральныхъ (богословія, философіи, исторіи, литературы и права), изъ всѣхъ преподавателей соответственныхъ предметовъ. Коллегіи разсматриваютъ также учебныя сочиненія и присуждаютъ учебныя степени. Предсѣдатель коллегіи обязанъ посѣщать лекціи профессоровъ по предметамъ ея. Ректоръ главной школы избирается на четыре года—особымъ, оригинальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ всѣхъ профессоровъ и изъ депутатовъ отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ и даже отъ учениковъ (!) школы, состоявшей при главной школѣ. Ректору поэтому предоставлены и особыя полномочія: онъ былъ судьей всѣхъ профессоровъ, учителей и всѣхъ служащихъ въ округѣ главной школы; онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію устранить отъ должности каждаго профессора и учителя, лишить его жалованья, уволить учителя безъ права поступленія вновь на учительскую службу. Предсѣдатели коллегій избираемы были совѣтомъ также на четыре года. Профессорскій кругъ составляли: *заслуженные* профессора, окончившіе срокъ на пенсію (за видный срокъ—всего шестнадцать лѣтъ службы!),—они пользовались отъ главной школы квартирою, получали двѣ трети послѣдняго своего содержанія, состояли непрѣмвными членами совѣта и коллегій и могли, если бы пожелали, быть вновь назначены къ преподаванію; *ординарные* профессора, ихъ *товарищи*, избираемые для помощи профессорамъ въ преподаваніи, и *вице-профессоры*, заступающіе въ необходимыхъ случаяхъ мѣсто профессоровъ. Всѣ профессора избираются совѣтомъ по конкурсу. Кандидаты представляютъ сочиненія по предмету, на который объявленъ конкурсъ; мѣсто предоставляется тому, чье сочиненіе окажется лучшимъ. Ректоръ, предсѣдатели коллегій и профессора утверждаются въ своихъ должностяхъ комиссіей просвѣщенія. Выборъ ректора комиссія могла кассировать по своему усмотрѣнію.

Главная школа должна была служить не только образовательнымъ центромъ своего округа, но и учебнымъ учрежденіемъ, обязаннымъ распространять науки въ цѣломъ краѣ. поддерживать ихъ на высотѣ, которой онѣ достигли въ Европѣ, для чего издавать учебныя сочиненія, учреждать публичныя лекціи и публичныя учебныя засѣданія, производить учебныя изслѣдованія въ краѣ, сноситься съ заграничными академіями и т. п. Главная школа, говоритъ Цирамовичъ въ своей рѣчи 1783 года, будетъ

вмѣстѣ и ученою академіей, по подобію заграничныхъ, и прибавляетъ: „между заграничными и нашими академіями будетъ та разница, что наши будутъ служить исключительно пользѣ отечества“.

Какимъ-же образовательнымъ и ученымъ интересамъ главнымъ образомъ должна служить главная школа? Что именно она должна поставить центромъ образованія и мѣрою учености? „Науку о природѣ“, отвѣчаетъ Пирамовичъ въ той-же рѣчи, объясняя главную мысль организациі главныхъ школъ. Онъ сильно нападаетъ на противниковъ этой науки и глубоко вѣрится въ могущественную силу ея. „Естественная исторія, говоритъ онъ, одною рукою указываетъ намъ на Творца, возбуждая къ Нему почтеніе, удивленіе и благодарность, другою—на способы пользованія этими дарами для нуждъ, удобства и удовольствія разумнаго существа (*jestestwa*)... Если она еще многое не открыла въ природѣ, то это для того, чтобы поуздѣрить (*zatomować*) слишкомъ смѣлые порывы человѣческаго ума къ постиженію высшихъ тайнъ, обнаружить слабость его и посредствомъ ограниченія излишняго любопытства побудить его употреблять свои силы и время на добываніе своего счастья изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми она надѣлила его въ достаточной для этого мѣрѣ... Наука о природѣ, которая, преимущественно предъ всѣми науками, въ самой высокой степени усовершенствована открытія древняго и новаго міра, освобожденная отъ заблужденій, такъ долго связывавшихъ искренность ея, эта наука, заключающая въ себѣ *физику, химию, естественную исторію и математику*, станетъ давать изъ своего лона неизмѣримыя богатства на пользу цѣлаго края и каждаго человѣка. *Наука права*, въ неразлучномъ товариществѣ съ политикой и общественной экономіей, озаренная свѣтомъ здраваго разсудка и предводительствуемая наукою о *правѣ природы* и нравственности (*obyczajów*), стряхнетъ съ себя ту мерзость, которую набросили на нее дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ, а также невѣжественные, прямо противные естественной правдѣ приемы, существующіе подъ именемъ права (*prawności*). Въ изученіи божественныхъ тайнъ и откровеній (въ природѣ), при руководствѣ основаній вѣры, безбожіе будетъ посрамлено, побѣждено и потеряетъ силу сбивать философію съ истиннаго пути. Религія, поставленная въ своемъ дѣйствительномъ (!) видѣ, освѣщая умъ высшимъ свѣтомъ, даетъ сердцу самыя сильныя побужденія къ добродѣтели,—скрѣпляя узы общественности, удерживаетъ людей въ предѣлахъ обязан-

ностей ихъ,—дѣлая ихъ вѣрными своему долгу, приводитъ къ неизмѣнному счастью. Эти виды, прибавляетъ ораторъ, управляли всѣми нашими усиліями, при разсужденіи о томъ предметѣ, о которомъ мы сказали“ (*объ организаціи учебной части въ главной школѣ*).

Польскіе школьные реформаторы черпали такимъ образомъ свои идеи изъ первыхъ источниковъ. Не естественныя науки, которыя въ то время отнюдь не предъявляли подобныхъ претензій, а философскія мечтанія, сулившія свѣту новую породу людей, скорое обновленіе всего міра, управляли воззрѣніями ихъ. Дѣлаемъ польскимъ реформаторамъ честь и соглашаемся, что они не были слѣпыми подражателями Базедова, воспитательная система котораго быстро распространялась тогда въ Германіи и обѣщала сдѣлать людей добродѣтельными и мудрыми безъ всякаго труда и напряженія, полагаясь единственно на природу. Нѣтъ, они *самостоятельно* опирались на Руссо. Аббатъ Кондильякъ пособилъ польскимъ аббатамъ-реформаторамъ выйти съ этою основою на гладкую дорогу. „Духъ человѣческой есть продуктъ природы; въ природѣ присутствуетъ и дѣйствуетъ Богъ“. Этими двумя основными положеніями философіи Кондильяка польскіе реформаторы вполнѣ достигали своихъ цѣлей: удовлетворяли старое, ревнивое чувство вѣры, которое іезуиты въ Польшѣ только разжигали и фанатизировали, а не просвѣщали и укрѣпляли, и тѣмъ успѣшнѣе прививали на польской почвѣ идею естественнаго развитія, какъ лучшаго средства скоро получить новыхъ людей и обновить государство. Оставалось только обратить всѣ усилія на *направленіе* образованія и воспитанія.

Мы именно сомнѣваемся, чтобы польскіе реформаторы, сосредоточивая университетскую науку на физическихъ предметахъ и на естественной нравственности, имѣли въ виду прямую ученую разработку этихъ предметовъ и приложеніе ея къ тѣмъ „дарамъ природы, которыми Творецъ надѣлялъ Польшу“, какъ выражается Пирамовичъ въ той-же рѣчи. Безъ сомнѣнія отдѣльныя личности, подобно Снядецкому, Сташицу и др., понимали значеніе этихъ наукъ въ прямомъ смыслѣ. Быть можетъ даже цѣлый составъ профессоровъ краковской главной школы глядѣлъ на эти науки глазами Снядецкаго, ненавидѣвшаго Канта за его „критику чистаго разума“. Но тотъ-же Снядецкій, въ своихъ письмахъ, о которыхъ мы уже не разъ упоминали, впадаетъ въ сильное раздраженіе при одномъ воспоминаніи о комисіи просвѣщенія, за

ея нерадѣніе и небрежность въ отношеніи къ научнымъ потребностямъ краковской главной школы, особенно по предметамъ естественныхъ наукъ, за преслѣдованіе профессоровъ, преданныхъ своему дѣлу, за измѣну ея ею-же изданнымъ уставамъ, за назначеніе лицъ, негодныхъ къ дѣлу, за тормозъ всѣхъ дѣлъ, за то, что комиссія просвѣщенія совсѣмъ иного ожидала отъ главной школы, а не спокойнаго служенія наукъ. Не можемъ не привести нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ. По поводу протеста отъ имени всѣхъ профессоровъ краковской главной школы противъ дѣйствій комиссіи просвѣщенія, въ 1788 г., Снядецкій пишетъ: „мы всѣ, исполняя свои обязанности, спокойно ожидаемъ рѣшенія, отъ котораго для многихъ изъ насъ будетъ зависѣть, продолжать-ли службу или бросить ее. Таково уже несчастное назначеніе въ Польшѣ академіи, что самыя старательныя заботы ея не могутъ доставить корпораціи ея вниманія, ни довѣрія; заботятся гораздо болѣе о преслѣдованіи честныхъ тружениковъ, чѣмъ о поддержкѣ и поощреніи ихъ“ (стр. 8). Упомянувъ объ увольненіи комиссіей безъ всякой причины профессора Богдановича и о назначеніи ею, по собственному усмотрѣнію, на должность предсѣдателя физической коллегіи никуда негоднаго Тищияскаго, чѣмъ оскорблены были всѣ профессоры, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „далъ бы Богъ, чтобы Рѣчь Посполитая дала другое какое-либо назначеніе учебнымъ суммамъ, когда ихъ употребляютъ на униженіе труда и заслуги и на прямой ущербъ наукъ и краю“ (стр. 11). „Ты самъ, пишетъ онъ Колонтаю, наилучше знаешь, что комиссія просвѣщенія то какъ-будто спитъ, то работаетъ, но всегда извращая то, что установила, и не держась настоящей и твердой системы въ своихъ работахъ. Уже три года мы испытываемъ на себѣ крайнюю нерегулярность ея; касса ея не только нерегулярно отпускаетъ жалованье, но даже не удостоиваетъ отвѣтомъ; не знаю, что дальше будетъ. Нужно установить законы, чтобы сдѣлать комиссію болѣе дѣятельною, но не такъ смущающею людей своими противурѣчіями и постояннымъ нарушеніемъ своихъ уставовъ, какъ то было доселѣ ¹⁾. Неустойчивость въ законахъ, доселѣ бывшая заразою и даже характеромъ польскаго правительства, никогда не привяжетъ талантливыхъ людей къ дѣлу обра-

¹⁾ Выше мы уже упоминали, что на гродненскомъ сеймѣ Снядецкій добился утвержденія устава для самой комиссіи. имъ составленнаго.

зованія. Эта неустойчивость извратила все, что было въ нашей академіи хорошо устроено, и такъ глубоко, что если не наступитъ еще одна прочная реформа, именно относительно трехъ сотъ тысячъ (положенныхъ на содержаніе ея), расходуемыхъ ежегодно, то можно сказать, что большая половина этой суммы погибла и обращена во вредъ наукамъ и образованію“ (стр. 17). Часто упоминаемая о своихъ долгихъ и тщетныхъ просьбахъ и стараніяхъ исходатайствовать необходимую сумму на приобрѣтеніе математическихъ инструментовъ, „совершенно необходимыхъ для лекцій“, Снядецкій восклицаетъ: „измучила меня эта медленность и это недовѣріе“ (стр. 34). То же самое было, по его словамъ, съ другими снарядами, о которыхъ ходатайствовала главная школа. Инструментовъ и пособій по другимъ предметамъ, о которыхъ ходатайствовалъ совѣтъ, коммисія не приобрѣла; ботаническій садъ оставался въ запущеніи; клиника отдана была по распоряженію коммисіи въ синекуру любимцу нѣкоторыхъ членовъ ея, какому-то ксендзу Мирошевскому, который поселился въ ней съ комфортомъ и, „ничего не дѣлая и не умѣя дѣлать“, широко тратилъ средства ея на содержаніе себя, цѣлаго штата прислуги при себѣ, своихъ собакъ, лошадей, чѣмъ глубоко возмущены были всѣ профессора (стр. 39—44). Снядецкій завѣряетъ, что „въ цѣломъ краѣ установилось мнѣніе, что коммисія ни о чемъ не заботится по нерадѣнію“ (przez leniństwo). Члены коммисіи позволяли себѣ писать ректору главной школы оскорбительныя письма; профессора назначаемы были не по выбору, а по протекціи лицъ, служащихъ въ коммисіи; такъ-же точно производилась раздача окладовъ, прибавокъ и т. п. „Профессоры были того мнѣнія, что коммисія поступаетъ съ академіей, какъ со стадомъ скота“ (стр. 49). Протесты совѣта и ходатайства оставались безъ вниманія. Ко времени втораго раздѣла Польши цѣлый совѣтъ рѣшился занести въ сеймъ жалобу на дѣйствія коммисіи (что Снядецкій и сдѣлалъ на гродненскомъ сеймѣ).

Мы увѣрены, что между коммисіей и главною школою существовало только простое недоразумѣніе: послѣдняя хлопотала исключительно въ интересѣ науки, тогда какъ коммисія заботилась главнымъ образомъ о направленіи и духѣ, во имя котораго предпринята была реформа. Не академіи съ ихъ наукою, но среднія и низшія школы, выпускающія главный контингентъ молодыхъ силъ для края, были главнымъ предметомъ заботъ коммисіи. Къ нимъ мы и перейдемъ.

Мы сказали, что школы раздѣлены были на окружныя и подокружныя. Это раздѣленіе основывалось преимущественно на недостатокѣ учителей. Въ окружныхъ школахъ было положено шесть классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, исключая пятаго класса, курсъ котораго былъ двухгодичный. Въ подокружныхъ школахъ полагалось три класса, каждый съ двухгодичнымъ курсомъ, и предметы преподаванія положены были въ нихъ тѣ-же самыя и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ школахъ окружныхъ. Въ окружныхъ школахъ штатъ былъ слѣдующій: ректоръ, префектъ, шесть учителей, проповѣдникъ и два учителя иностранныхъ языковъ; въ подокружныхъ: проректоръ, три учителя, проповѣдникъ и учителя иностранныхъ языковъ. Въ окружной школѣ въ первомъ и второмъ классѣ, а въ подокружной въ первомъ классѣ учителя были классные, въ прочихъ классахъ предметные.

Въ *уставѣ* намѣчены были лишь самыя общія опредѣленія каждаго курса. Въ дополненіе къ уставу коммисія издала наставленія (Przeriszy) для учителей съ болѣе подробнымъ изложеніемъ предметовъ преподаванія, но преимущественно со стороны воспитательной. Учебники издавались медленно. Поэтому, какъ подтверждаютъ и школьные рапорты, составъ программъ на дѣлѣ далеко не всюду былъ одинаковъ. Представимъ основныя начала ихъ.

Въ *первомъ классѣ* положено было проходить: грамматику (склопенія и спряженія), ариметику (до дробей), нравственность (обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, учителямъ и товарищамъ), начатки географіи и естественной исторіи. Всякія письменныя упражненія, кромѣ чистописанія, запрещены были для этого класса. Упражненія изустныя требовалось преимущественно сосредоточивать на выговорѣ, который долженъ быть „громкимъ, ровнымъ, выразительнымъ и приличнымъ (przuzwoity).

Во *второмъ классѣ*—продолженіе тѣхъ-же наукъ: грамматика съ общими правилами синтаксиса, ариметика до тройнаго правила, по естественной исторіи оканчивается ботаника, по нравственности объ отношеніи слугъ къ панамъ своимъ и обратно, о добрыхъ и дурныхъ поступкахъ¹⁾; по географіи не указанъ предѣлъ для этого класса.

¹⁾ Учебникъ нравственности для этихъ двухъ классовъ составленъ и изданъ прежде всѣхъ другихъ—тѣмъ-же пiarомъ Ант. Поплавскимъ, проектъ котораго о реформѣ школъ имѣлъ наибольшій успѣхъ. Это была книжечка въ 92 стр., изданная въ

То-же самое положено было пройти въ первомъ классѣ окружающихъ школъ.

Далѣе учителя раздѣлялись по предметамъ, точнѣе — по группамъ предметовъ, которые они преподавали.

Учитель краснорѣчія (wypowu) въ III, IV и V классахъ продолжалъ съ учениками *грамматику* и занималъ ихъ переводами латинскихъ авторовъ; въ VI классѣ преподавалъ *краснорѣчье и поэзію*. Учебникомъ по грамматикѣ служила: *Grammatyka dla szkół narodowych przez X. Onufrego Kopczyńskiego, zawierająca prawidła języka polskiego i łacińskiego*. (*Грамматика для народныхъ школъ кс. Онуфрія Копчинскаго, содержащая правила польскаго и латинскаго языка*). Въ первый разъ она напечатана была въ 1778 г. и тотъ часъ предписана къ употребленію въ школахъ. Это была не только первая грамматика польскаго языка, но и первая проба присвоенія польскому языку того мѣста, которое занималъ доселѣ въ польскихъ школахъ языкъ латинскій. Въ отношеніи къ общему духу и характеру новой учебной системы, это была попытка не только отнять у латинской грамматики значеніе дрессировки мысли, пріученія къ труду, и низвести латинскій языкъ въ разрядъ другихъ, живыхъ языковъ, изучаемыхъ для обыкновенныхъ практическихъ потребностей, но и отнять это значеніе у грамматики вообще, направивъ ее преимущественно на матеріальную, а не формальную сторону языка. По словамъ Копчинскаго, грамматика его имѣетъ основую общую грамматику, или природу (*natura*) языка, а „природный и единственный способъ изученія всякаго языка есть слушаніе, чтеніе и повтореніе его“. На этомъ основаніи онъ помѣстилъ въ своей грамматикѣ только тѣ правила, которыя свойственны каждому языку. Конечно, что такимъ образомъ первая польская учебная грамматика вышла крайне скуднымъ и поверхностнымъ руководствомъ къ изученію этого языка, лишивъ его оригинальности и самобытности. Но что должно было въ такой грамматикѣ остаться отъ латинскаго языка, въ особенности послѣ знаменитаго Альвара ¹⁾, на которомъ глав-

первый разъ въ 1776 году подъ заглавіемъ: *Nauka moralna dla szkół narodowych na klasze I i II*. Всѣ статьи имѣютъ характеръ простыхъ наставленій. Все основывается на *правѣ природы*, которая производитъ и потребности, и соответственныя имъ обязанности. Наставленія ученикамъ занимаютъ 24 стр., въ остальной части изложены наставленія учителямъ о преподаваніи этой науки.

¹⁾ *Emmanuelis Alvares societate Jesu de institutione Grammatika, libri tres*. Изданій этой грамматики было много десятковъ.

нымъ образомъ покоилось зданіе іезуитскаго школьнаго образованія! Учители, воспитанники прежнихъ школъ, засыпали комиссію просвѣщенія возраженіями противъ этой грамматики. Копчинскій писалъ опроверженія, объясненія ¹⁾, въ концѣ которыхъ въ сущности выходило, что этихъ недоумѣній и возраженій не было бы, если бы учителя знакомы были съ новою философіей и съ логикою Кондилляка! Изученіе польскаго языка въ грамматикѣ Копчинскаго идетъ сравнительно съ латинскимъ и первый служить цѣлю, второй пособіемъ. Такимъ образомъ латинскій языкъ не составлялъ отдѣльнаго предмета изученія. Въ наставленіяхъ (przerisy) учителямъ комиссія предписывала кромѣ того въ преподаваніи грамматики „первѣе всего заботиться объ отечественномъ языкѣ, а потомъ о латинскомъ“ и наблюдать, чтобы дѣти на лекціяхъ говорили „чистымъ польскимъ языкомъ“. „Отсель, прибавляетъ наставленіе, ученики къ школахъ будутъ говорить попольски“ (а не полатыни, какъ было дотолѣ). Не меньшій, но умный и благодѣтельный переворотъ произведенъ и въ наукѣ краснорѣчія. Наставленіе учителямъ выясняетъ различіе между краснорѣчіемъ и риторикой и доказываетъ, что риторика можетъ пособить, но не сдѣлаетъ краснорѣчивымъ. „Краснорѣчіе не должно быть краснословіемъ (krasomówstwo). Нужно хорошо изучить движенія, управляющія человѣческимъ сердцемъ, которое нужно возбуждать, склонять, побѣждать“. Наставленія особенно предостерегаютъ учителей отъ упражненія учениковъ въ диспутахъ, опугнахъ, доказательствахъ и опроверженіяхъ данныхъ положеній и т. п. іезуитскихъ школьныхъ приемовъ краснорѣчія. Къ сожалѣнію учебникъ въ этомъ новомъ духѣ вышелъ только въ 1792 г. ²⁾, когда въ цѣломъ краѣ уже окончательно рушился всякій порядокъ. Учителямъ все время предоставлено было въ этой наукѣ руководствоваться частными наставленіями Квинтиллиана и Лонгина и образцами изъ Цицерона, Тита Ливія,

²⁾ Эти объясненія Копчинскаго напечатаны у Лукашевича т. II, стр. 456—464 въ примѣчаніи.

¹⁾ Это было сочиненіе самого Пирамовича: *Wyмова i poezyia dla szkół narodowych pierwszy raz wydana. W Krakowie 1792 g.* 403 стр. Разсылая его по школамъ, комиссія просвѣщенія отзывалась о немъ, какъ о „прекрасно составленномъ и во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающемъ своему назначенію“. Учебникъ Пирамовича пользуется въ польской учебной литературѣ большою славой и, вмѣстѣ съ Грамматикой Копчинскаго, принятъ былъ въ школахъ Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго.

Тацита, Фенелона и Роллена, а также—что было тоже новостью—изъ „отечественныхъ ораторовъ“. Для поэзіи также не было учебника до 1792 года. Наставленія учителямъ требовали составлять (zbięgać) свои руководства „по Аристотелю, Горацию, Виду, Боало, Дюбоа, Риппеню и Фенелову“. Требовалось сообщать ученикамъ только общія свѣдѣнія о стихосложеніи и не терять времени на занятія частными стихотворными формами, которыя въ іезуитскихъ школахъ составляли главную статью поэтическихъ упражненій. Требовалось дать понятіе прежде о польскомъ стихосложеніи, потомъ о латинскомъ и при разборѣ образцовъ указывать „сходство между Виргиліемъ и Тассомъ, между Горациемъ и Кохановскимъ и т. д.“. Письменные упражненія, задаваемые на домъ (zabawу domowe), должны были состоять въ составленіи разсказовъ и писемъ различнаго рода. Предписывалось также заохочивать учениковъ составлять стихи, но не принуждать ихъ къ тому.

Учитель нравственности и права преподавалъ: *нравственность* (наука obuczajów), *право природы*, *право политическое*, *экономію*, *исторію* и *географію*. Всѣ эти науки вмѣстѣ, по мысли комиссіи просвѣщенія, должны были имѣть одну основу—природу человѣка, одинъ общій предметъ—справедливость и одну цѣль—усвоить ученику основаніе и духъ естественной правды въ личныхъ поступкахъ, въ общественномъ устройствѣ, въ политикѣ и въ исторіи. Впереди очевидно должна была идти наука о естественномъ правѣ (prawo natury). До конца этого періода комиссія не издала учебника по этому предмету, если не считать: *Nauka prawa przyrodzonego, politycznego, ekonomiki politycznej i prawa narodów* (*Наука о правѣ естественномъ и политическомъ, политическая экономія и право международное*), изданной въ 1785 году въ Вильнѣ профессоромъ главной школы Стройновскимъ и назначенной для студентовъ, а не для учениковъ. По отрывочнымъ опредѣленіямъ этой науки въ уставѣ и въ наставленіяхъ учителямъ трудно составить себѣ понятіе о полной системѣ этой науки въ школахъ. Въ школьныхъ рапортахъ (отчетахъ) о ходѣ преподаванія говорится объ этой наукѣ вскользь, или туманно и неопредѣленно, въ формѣ разсужденія о пользѣ и значеніи этой науки, того или другого предмета въ ней и т. п., такъ что нѣтъ возможности составить себѣ программу занятій и бесѣдъ учителя съ учениками. Въ рапортѣ петроковскихъ школъ, считавшихся между лучшими піарскими школами, за 1784 г., говорится объ этой нау-

къ нѣскольکو опредѣленіе, чѣмъ въ другихъ, просмотрѣнныхъ нами: „естественнымъ правомъ называется все то, что предписываетъ человѣку внутренней инстинктъ и здравый умъ, указывая ему, что для него полезно, что вредно, дабы, повинаясь этимъ указаніямъ, онъ могъ сдѣлать себя счастливымъ. Естественное право получило свое начало отъ вѣчнаго права—самой премудрости Божіей. Изъ разсматриванія состава человѣка и душевной дѣятельности его ясно видно, что онъ имѣетъ въ себѣ все то, что нужно для познанія естественныхъ правъ и для пользованія ими“. Эти права и правила пользованія ими даны человѣку самимъ Богомъ. Эти права и правила, „это Божіе распоряженіе въ себѣ человѣкъ познаетъ посредствомъ внутренняго вдохновенія (*patcnienia*) и таинственнаго побужденія своей воли къ добру“. Это опредѣленіе въ устахъ учителя—монаха естественно вызывало сомнѣніе въ необходимости искупленія человечества отъ первороднаго грѣха и самой откровенной религіи. О первомъ учитель умалчиваетъ (естественное право не признавало его), о второй онъ замѣчаетъ: „подобно природный умъ самъ собою не могъ установить приличныхъ обрядовъ богослуженія, то отсюда слѣдуетъ, что естественная религія сама по себѣ недостаточна и нужна религія откровенная“. Просто и ясно! Широкое поле для мечтаній учителя, широкая дорога для „природныхъ“ потребностей и симпатій ученика! На этомъ-то основаніи долженствовала быть построена и наука о нравственности. Кромѣ учебника для перваго и втораго классовъ, тотъ-же Поплавскій издалъ, уже въ 1787 году, учебникъ для третьяго класса: *Moralna nauka dla szkół narodowych na trzecią klasę pierwszy raz wydana. W Krakowie 1787 r.* Она содержитъ въ себѣ трактатъ о личныхъ поступкахъ каждаго человѣка, или объ общихъ отношеніяхъ къ товарищамъ (добродѣтели и пороки). Для дальнѣйшихъ классовъ вовсе не было руководства¹⁾. По рапортамъ нужно полагать, что болѣе или менѣе общими предметами въ дальнѣйшихъ занятіяхъ этою наукою служили обязанности каждаго человѣка въ отношеніи къ самому себѣ и къ другимъ людямъ; о собственности, ея происхожденіи, разныхъ способахъ пріобрѣтенія, о духовномъ завѣщаніи, о просрочкахъ

¹⁾ Пиаристы напечатали въ 1788 году для своихъ школъ французскій текстъ съ польскимъ сочиненіемъ: *La véritable politique de Qualité*. Varsovie. 1788. Эта книжка не была распространена въ другихъ училищахъ.

и т. п.; объ общественности и обязанностяхъ въ отношеніи къ ней. Къ этому прибавляли иные о христіанскихъ добродѣтеляхъ въ отношеніи къ самому себѣ, ближнимъ и къ Богу. Объясненія сопровождались переводами изъ латинскихъ авторовъ о разныхъ добродѣтеляхъ, причемъ, конечно, въ большей части школъ эти переводы служили альфою и омегою нравственныхъ наставленій. Преимущественно переводили изъ Цицерона: *de officiis*, *de prudentia*, *de justicia*, *de fortitudine*, а также нравственные отрывки изъ Овидія и Виргилія. Если принять во вниманіе, что латинскій языкъ вообще поставленъ былъ въ школахъ своею матеріальною, а не формальною стороною, то приходится удивляться, какимъ образомъ реформаторы рассчитывали создать изъ учениковъ „новую породу людей“ по нравственнымъ наставленіямъ Цицерона, Овидія, Виргилія. Въ высшемъ классѣ наука нравственности сливалась съ наукою *права политическаго и экономіей*. Уставъ ограничивается только слѣдующимъ замѣчаніемъ о преподаваніи этого предмета. „Въ наукѣ права нужно быть какъ можно осмотрительнѣе, дабы всѣ начала его основаны были на правѣ естественномъ и строжайшей справедливости и дабы молодые умы подготовлены были къ пониманію недостатковъ въ законахъ каждой страны и способовъ усовершенствованія законодательства (*przygotowywać umystry młodzi do postrzegania w szczególnych ustawach każdego kraju ich niedostatki i upatrywania sposobów wydoskonalenia prawodawstwa (!)*). Наставленія учителю ограничиваются изложениемъ значенія этой науки и направленія въ преподаваніи ея. Онѣ придаютъ главную силу общимъ рассужденіямъ о достоинствѣ такой или иной политики, доказательствамъ, что „всѣ почти неурядицы, заблужденія, анархія происходятъ отъ незнанія своихъ правъ и обязанностей“, что „ничего нѣтъ проще и легче политики правды“ и т. п. Учитель обязывается всячески и ежеминутно оберегать эту *политику правды*, основанную на правѣ естественномъ, подвергая съ учениками критикѣ всѣ политическія событія въ краѣ. „Тако, поясняетъ наставленіе. когда появится новое постановленіе, учитель будетъ разбирать его на основаніи правилъ (политики правды); когда онъ услышитъ о какой-либо несправедливости, покажетъ, откуда она произошла и какъ вредна для всѣхъ; когда случится говорить о какомъ-либо правительствѣ, долженъ показать, въ чемъ оно не согласуется съ счастьемъ народа“ и т. п. Изъ этихъ наставленій можно видѣть, что главными пунктами ея были: понятіе объ управленіи

въ государствѣ, назначеніе правительства, обязанности его (на основаніи естественнаго права)—обезпеченность собственности и правъ каждаго гражданина, счастье всѣхъ и каждаго, обязанности гражданъ—исполненіе законовъ (praw), уплата податей и т. п. Усердіе, способности и благоразуміе учителя должны были составить по этимъ указаніямъ планъ цѣлой науки. Въ лучшихъ школахъ показывается пособіемъ для учителя по этому предмету: *Essais sur divers sujets interressants de politique*—Ваттера. Въ нѣкоторыхъ школахъ находимъ, вслѣдъ за трактатами о взаимныхъ обязанностяхъ правительства и гражданъ, трактатъ о политикѣ международной, который состоялъ изъ чтенія и разбора договоровъ, начиная съ вестфальскаго и оканчивая версальскимъ (или и далѣе). Затѣмъ знакомили учениковъ съ организаціей Рѣчи Посполитой польской (король, сенатъ, шляхта, сеймы, финансы, войско и т. п.), по книгѣ піариста Сяшетульскаго: *O samowładności rządu w narodzie polskim* (1785 г.).—Наука экономіи должна была познакомить учениковъ съ обязанностями человѣка въ отношеніи къ дому и хозяйству (*powinności człowieka w rządzie domowym, gospodarskim*). Въ наставленіи учителю эта наука представляется благодѣтельною для края, въ которомъ хозяйство находилось въ первобытномъ состояніи, шляхта тратила свои средства на разгульную жизнь, ремесла и производства были въ младенчествѣ отъ пренебреженія къ нимъ въ шляхетскомъ словіи. Но учителю не дана даже обшая программа этой науки и только внушалось „тѣмъ временемъ собирать, что найдетъ лучшаго по этому предмету для нашего края“, да рекомендовалось водить учениковъ къ ремесленникамъ для ознакомленія ихъ съ разными орудіями, ихъ назначеніемъ, способомъ производства и т. п.,—въ лавки, гдѣ продается одежда, разная посуда, мебель и т. п.,—на базары для ознакомленія съ цѣнами на зерновой хлѣбъ, причинами повышенія и паденія цѣнъ на него и т. п. Преподаваніе исторіи и соединенной съ него географіи требовалось соединять съ чтеніемъ источниковъ. Всообщая исторію оканчивалась паденіемъ западной римской имперіи. Польская исторія преподаваема была по книгамъ: *Widok królestwa polskiego*—Вѣльянскаго, а потомъ по *Historya książąt i królów polskich*—Ваги. Лучшіе учителя у піаровъ сначала читали съ учениками лѣтопись Кромера, потомъ *Historya narodu polskiego*—Нарушевича (начинается введеніемъ христіанства въ Польшу, оканчивается домомъ піастовъ) и затѣмъ переходили къ учебнику ксендза

Ваги.—Главною цѣлью исторіи наставленія (przerisy) полагають „обученіе добродѣтелямъ и нравственности“.

Учитель физики также соединялъ въ своихъ рукахъ нѣсколько наукъ, каковы: огородничество, земледѣліе, наука о сохраненіи здоровья, естественная исторія, физика, химія и наконецъ исторія искусствъ и ремесль, особенно о строительномъ искусствѣ. Эти науки шли въ такомъ порядкѣ: въ III классѣ преподавалось огородничество, при чемъ читаемы и переводимы были отрывки о томъ-же предметѣ изъ латинскихъ авторовъ. Въ IV классѣ проходили земледѣліе съ такими-же статьями изъ латинскихъ авторовъ. Обѣ эти науки должны были служить „введеніемъ въ физику“. Въ V классѣ (двухгодичномъ) положена была: физика, минералогія, ботаника и наука о сохраненіи здоровья. Первая, вторая и четвертая также сопровождалась чтеніемъ латинскихъ авторовъ. Требовалось также ознакомить учениковъ съ зоологіей, но только желающихъ. Въ VI классѣ оканчивалась физика и проходила химія и исторія искусствъ и ремесль. Последняя требовала отъ учениковъ письменныхъ упражненій (разказовъ, писемъ и даже разсужденій) „о болѣе любопытныхъ предметахъ“. При совершенномъ недостаткѣ учебниковъ и программъ (кромѣ зоологіи, изд. въ 1789 г., ботаники, изд. въ 1785 г. и физики, о которыхъ см. у Лукашевича т. II, стр. 454 и 455), уставъ не преминулъ указать и для этихъ предметовъ статьи (wypisy) изъ римскихъ авторовъ, которыя учителя съ учениками должны были переводить на лекціяхъ, въ особенности изъ Плинія. Изъ искусствъ преимущественное вниманіе обращалось на постройки и подъ громкимъ именемъ архитектуры сообщались свѣдѣнія объ общихъ требованіяхъ постройки жилищъ, сараевъ и т. п. Относительно ремесль, учитель долженъ былъ прибѣгать къ тому-же способу обученія, какой рекомендованъ учителю права по части экономіи, именно—посѣщенію съ учениками мастерскихъ, базаровъ и т. п. Что касается физики, то наставленіе учителю, въ ожиданіи выхода задуманнаго комиссіей учебника (Губе, директоръ варшавскаго кадетскаго корпуса вызвался составить ее, но медлил и едва издалъ первую часть ея въ 1792 году), даетъ такой совѣтъ: „чтобы восполнить недостатокъ содержанія физики (brak w materjachъ fizycznych), учитель поставитъ для себя правиломъ—сообщать ученикамъ то, что наиболѣе полезнаго открыли въ природѣ великіе философы (wielcy filozofowie)“(!), и какъ во всѣхъ наукахъ естественныхъ, такъ въ частности и въ

Физикъ совѣтуетъ учителю не входить въ то, что мало извѣстно ему и останавливаться только на свѣдѣніяхъ ему извѣстныхъ, обращая вниманіе учениковъ на практическую пользу этихъ свѣдѣній и „тѣмъ самымъ дѣлая эту науку полезною“

Учитель математики преподавалъ: въ III и IV кл. геометрію, въ IV и V алгебру, въ VI тригонометрію и логику. Преподаваніе геометріи требовалось примѣнять къ практическимъ цѣлямъ, для чего ходить съ учениками за городъ для измѣреній. Въ преподаваніи логики, по мнѣнію наставленія учителямъ, „немного требуется времени на изложеніе основныхъ правилъ, но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, въ каждомъ практическомъ случаѣ“. Направленіе этой науки достаточно опредѣляется руководствомъ, которое рекомендуетъ для нея уставъ,—логикой Кондильяка, хотя она не была переведена на польскій языкъ до 1802 года. Учители пользовались ею преимущественно въ обработкѣ, сдѣланной піаристомъ Казиміромъ Нарбутомъ и напечатанной въ первый разъ въ 1766 г. (*Logika—Kaz. Narbuta*).

Языки французскій и нѣмецкій были обязательными. Греческій языкъ конечно не былъ положенъ ни обязательнымъ, ни не-обязательнымъ.

Наконецъ религія, которой долженъ былъ обучать проповѣдникъ (*kaznodzieja*). Соответственно новымъ идеямъ, она перемѣщалась съ классной кафедры на церковную. То, что приписывалось въ то время праву природы, конечно дѣлало излишнимъ обученіе религіи откровенной, потому-что нельзя-же было вводить ее въ кругъ учебныхъ предметовъ ради однихъ обрядовъ, для которыхъ она появилась, по словамъ петроковскаго учителя-піариста, выражавшаго общее убѣжденіе реформаторовъ. Только признаніе первороднаго грѣха и догмата объ искупленіи ведетъ за собою цѣлую систему истинъ, не похожихъ на естественныя свѣдѣнія и требующихъ изученія. Одна религіозная мораль, на которую сведено было тогда христіанство (сколько и теперь къ тому попытокъ подъ видомъ благочестія и добродѣтели!), достаточно могла быть внушена богослуженіемъ и проповѣдію.—Въ польскихъ школахъ разсматриваемаго времени классное обученіе религіи полагалось только для I и II классовъ. Оно производилось въ праздничные и воскресные дни предъ литургіей по получасу и ограничивалось обученіемъ: символу вѣры, молитвѣ Господней, ангельскому поздравленію Богоматери, десяти заповѣдямъ, заповѣдямъ церковнымъ и таинствамъ. Послѣ обѣда въ тѣ-же дни ученики

слушали чтеніе изъ священной исторіи. Вотъ и все обученіе! За то всѣ ученики должны были ежедневно въ 7 часовъ утра собираться въ костелъ на литургію и каждый мѣсяць исповѣдываться!

Вотъ курсъ, которому предназначено было обновить молодя поколѣнія Польши и возродить польское государство къ новой жизни. Это курсъ, выражаясь языкомъ нашего времени, реальный. Существенное отличіе его отъ современнаго намъ реализма заключается въ господствѣ идеи надъ фактомъ, отвлеченной теоріи надъ явленіемъ. Въ основѣ этой системы лежитъ, проходя по всему строю ея, не индукція—основное орудіе естественныхъ наукъ, но тотъ-же старый, такъ злоупотребляемый іезуитами силлогимъ, дедукція. Это система идей о природѣ, полученныхъ путемъ умозрѣнія и имѣющихъ слишкомъ отдаленныя и поверхностныя отношенія къ дѣйствительной природѣ. Сенсуализмъ на христіанской почвѣ превратился въ натурализмъ, вселившій Бога въ природу и поклонявшійся ей,—поэтический, мечтательный, обнаружившій много прекрасныхъ, благородныхъ порывовъ, но еще больше горькихъ заблужденій (мистическія секты). Живая, пылкая натура поляковъ, съ своею традиціонною порывистою преданностью религіи, въ виду своеволія шляхты, составлявшей главную опору общественной и государственной жизни, въ виду извращенія религіи іезуитами, обратившими ее въ роскошную декорацію и подавшими руку шляхетской распущенности, эта натура, чувствуя, какъ шатается и быстро уходитъ подъ ногами ея традиціонная почва, легко увлеклась ученіемъ, которое было въ то время едва ли не самымъ искреннимъ и чистымъ въ своихъ стремленіяхъ и задачахъ и обѣщало сохранить самое дорогое достояніе ея—государство и религію ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что реформаторы польской школы, рѣшаясь замѣнить всѣ существовавшія дотогѣ системы образованія одною и сдѣлать ее обязательною для всѣхъ, исключительно, открывая первый примѣръ въ Европѣ государственной школы, должны были взвѣснить всю важность своей задачи и послѣдствія ея. Нужно отдать имъ справедливость: они старались сдѣлать свой курсъ гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ тѣ легкомысленныя си-

¹⁾ Въ Польшѣ никогда не прививалась философія и не было самостоятельныхъ философскихъ системъ. Приведенные длиннымъ ходомъ событій въ эту философскую сферу, поляки остались въ ней надолго. Попытки самостоятельной философіи оказались только результатами и развѣтвленіями этой сферы (Товіанскій).

стемы обновленія человѣчества, которыя быстро распространялись тогда въ Германіи. Но тѣмъ не менѣе голосá, въ родѣ голоса Адольфа Каменскаго и Бѣлинскаго (см. выше въ примѣчаніи), вниманіе къ смыслу оппозиціи, въ рядахъ которой могли быть и люди серьезные, показавшіе свои заслуги въ наукѣ, какъ напр. ректоръ виленскаго университета Почобуть ¹⁾, могли бы вывести польскихъ реформаторовъ на болѣе прямую дорогу. Извращеніе іезуитами классическаго міра было глубоко; нравственныя результаты школьной системы ихъ были весьма печальны; эти результаты сильно вліяли на весь гражданскій бытъ и всѣ католическіе государства соединились въ требованіи уничтоженія іезуитскаго ордена. Если и въ наше время, сто лѣтъ спустя послѣ этого событія, многіе мучатся призракомъ іезуитизма при одномъ имени классицизма, то что-же было въ цѣлой Европѣ тотъ-часъ послѣ прекращенія двухвѣковаго плѣна у іезуитовъ? Что было въ Польшѣ въ тотъ историческій моментъ, когда предъ нею съ одной стороны раскрылась бездна, въ которую толкали ее іезуиты, какъ увѣрены были тогда всѣ благомыслящіе люди ея, съ другой стороны быстро очистилось поле, занимаемое этимъ чернымъ воинствомъ? Свѣжія тяжкія раны страны требовали быстрой помощи, изъ Европы приливали идеи, обѣщавшія не только быстрое излеченіе, но и полное обновленіе государства въ слѣдующемъ-же поколѣніи. Пылкая натура не выдержала: стыдъ предъ потомками, стыдъ предъ Европою, опасность окончательной гибели порѣшили дѣло, основа и направление школьной реформы принята быстро, порывисто. Въ роковой моментъ поляки поторопились...

Послѣдствіемъ торопливости были внутреннія противурѣчія новой учебной системы, которыя должны были дать послѣдствія, противоположныя возбужденнымъ ею надеждамъ.

Стараясь поставить свою систему возможно серьезнѣе, реформаторы ввели въ нее цѣлую фалангу предметовъ. Даже при наилучшихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ эта многопредметность могла скорѣе подавить и ослабить, нежели оживить и развить молодые умы, и дать имъ желанный реформою просторъ.

¹⁾ По свидѣтельству Коловтая (Лукаш. т. II, стр. 264 въ примѣчаніи), Почобуть, оставаясь ректоромъ до конца этого періода, никогда не сочувствовалъ реформѣ и никогда не исполнялъ ея всецѣло.

Отъ этихъ многообразныхъ свѣдѣній получается просторъ скорѣе для воображенія и чувства, чѣмъ для молодаго ума. При недостаткѣ системы и основательности, возбужденіе молодыхъ умовъ ведетъ къ претензіямъ на знанія и всестороннія свѣдѣнія, что далеко болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы, обществу и государству.

Въ дѣйствительности этотъ вредъ долженъ былъ простира- раться далеко. Не говоря о крайнемъ обремененіи учителей многочисленными предметами, которое могло подавлять даже наилучшихъ изъ нихъ, учителя, которыми располагала новая школа, и учебныя средства ея были почти противоположны успѣху реформы. За весьма рѣдкими исключеніями, которые достигались путешествіемъ за границу, новыя школы наполнены были старыми учителями. Благая рѣшимость открыть учительскія семинаріи могла быть исполнена только въ 1786 году. Открыты были учительскія семинаріи при университетахъ: краковскомъ на 16 воспитанниковъ, виленскомъ на 8 воспитанниковъ. Но до конца разсматриваемаго періода семинаристы отличались отъ студентовъ только тѣмъ, что получали на свое содержаніе учительскія стипендіи; посѣщая избранные ими факультеты на ряду со всѣми студентами, они не слушали ни педагогики, ни методики, не было даже школы для практики ихъ. Дѣятельность Поплавскаго, какъ руководителя краковскихъ стипендіатовъ, ограничена была только наблюденіемъ за квартирою и общимъ столомъ ихъ и за исправностью факультетскихъ ихъ занятій. Піаристы, имѣвшіе свою, хотя и скромную учительскую семинарію, выславъ въ Краковъ и Вильно своихъ кандидатовъ, скоро возвратили ихъ оттуда и предпочли продолжать образованіе ихъ въ собственной семинаріи и за границей ¹⁾. Проектированный для семинаріи трехлѣтній курсъ на дѣлѣ замѣненъ былъ такимъ образомъ четырехлѣтнимъ, факультетскимъ, и первые учителя, „спеціально“ приготовленные къ своей службѣ, стали появляться въ школахъ только съ 1790 года, когда по цѣлому краю начинался уже послѣдній безпорядокъ. Въ теченіи всего этого періода только въ піарскихъ школахъ и въ нѣсколькихъ другихъ, облагодѣтельствованныхъ мѣстнымъ покровительствомъ (напр. краковская, виленская, кременецкая), собирались „академики“, любившіе свой

¹⁾ Лукашевичъ т. II, стр. 268, въ примѣчаніи.

кружокъ и ненавидѣвшіе старыхъ учителей. Въ остальныхъ школахъ преобладали или исключительно учили старые пробощи и заматорѣлые на Альварѣ іезуиты. Всего типичнѣе выступала эта система въ школахъ базилианскихъ, продолжавшихъ пользоваться учителями изъ *студій* и *новиціатовъ*. Въ 1782 году, т. е. спустя годъ послѣ разсылки во всѣ школы проекта новаго устава съ предписаніемъ точно сообразоваться съ изложеннымъ въ немъ курсомъ ученія и росписаніемъ учебныхъ предметовъ, визитаторъ школъ, участникъ реформы, ксендзъ Головчиць такъ отзывается объ уманскихъ базилианахъ: „на собраніяхъ всего болѣе я занимался съ ними (ректоръ, префектъ, учителя) чтеніемъ уставовъ комисіи. Цѣлый уже годъ лежать у нихъ эти уставы, а они доселѣ не знаютъ, что въ нихъ написано. Я долженъ былъ употребить при этомъ и убѣжденія, и угрозы“¹⁾. Визитаторы въ теченіи всего этого періода, тщательно описывая всѣ стороны школьнаго быта, о преподаваніи отзываются неопредѣленно и уклончиво: „исполняется по уставу комисіи“, на лекціяхъ ученики „отвѣчали (*porisywali się*) хорошо“,—общія всѣмъ визитаторскимъ рапортамъ выраженія.

Что касается учебныхъ пособій, которыхъ такую массу предполагаетъ эта многочисленность естественныхъ предметовъ, то, кромѣ учебниковъ, появившихся уже къ концу этого періода, мы не видимъ въ школахъ почти ничего, исключая самыхъ простыхъ геометрическихъ приспособленій для измѣреній полей и въ нѣкоторыхъ съ десятокъ инструментовъ для математики, физики и химіи. Не одна скудость матеріальныхъ средствъ препятствовала комисіи снабжать школы пособиями. „Нѣсколько сотъ тысячъ, говоритъ Слядецкій²⁾, бросается (комиссіей) на фабрики; стыдно жалѣть нѣсколькихъ тысячъ на инструменты, существенно необходимые для преподаванія“. Если такъ было съ университетами, то, понятно, что было со школами. Обыкновенный приѣмъ занятій во всѣхъ, даже лучшихъ школахъ, было чтеніе и объясненіе учебника, потомъ заучиваніе его. - При недостаткѣ учебника, болѣе способный и образованный учитель бралъ въ руки иностранное пособіе, переводилъ ученикамъ выбравныя отрывки, тѣ записывали ихъ и заучивали. Наиболѣе

¹⁾ *Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. Краковъ. 1877 годъ. т. I, стр. 49.

²⁾ *Listy J. Śniadeckiego*, стр. 34.

общимъ въ этомъ случаѣ было чтеніе классическихкихъ писателей, отрывки изъ которыхъ и цѣлыя трактаты ученики заучивали то въ латинскомъ подлинникѣ, то въ польскомъ переводѣ, который дѣлали въ классѣ. Настойчивое указаніе наставленія учителямъ, дабы отнюдь не требовать отъ учениковъ заучиванія на память того, чего они не поняли, очевидно понято было учителями своеобразно: про заучиваніе сплошь и рядомъ говорится въ школьныхъ рапортахъ.

Не можетъ также не поражать это рѣшительное отрицаніе образовательнаго значенія классическихкихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе къ нимъ за свѣдѣніями естественными и поученіями нравственными,—эта ботаника и минералогія по Плинію, это земледѣліе и огородничество по Овидію и Горацию, хотя бы и Катону, — эта мораль, долженствовавшая возродить общество и государство, по римскимъ стоикамъ и эпикурейцамъ! Если бы даже это была временная уступка старымъ учителямъ, не владѣвшимъ живыми языками, но хорошо владѣвшимъ латинскимъ языкомъ, или неизбѣжная дань шляхтѣ, въ огромномъ большинствѣ скучавшей за іезуитами и враждовавшей противъ новой школы, на половину мирившейся съ нею на Virgilіѣ, Горациѣ, Цицеронѣ и т. п., то и тогда оставалось-бы отложить надежды на „обновленіе“...

Но чѣмъ ближе къ основаніямъ учебнаго курса, тѣмъ глубже противурѣчія его съ главною его задачею. Что могло принести Польшѣ право природы и основанная на немъ добродѣтель? Ничего больше, кромѣ тѣхъ-же, только на новый ладъ, произвола и распущенности, противъ которыхъ она направлена была. Ученіе объ инстинктахъ, какъ откровеніи божества въ природѣ человѣка, о здоровомъ смыслѣ, какъ сознаніи этихъ инстинктовъ, о долѣмости ихъ для счастья человѣка—въ своемъ конечномъ результатѣ имѣетъ только грубое развитіе своего я, самопоклоненіе, упругія эгоистическія отношенія, которыя только разрушаютъ и общественность, и государственность, а не укрѣпляютъ ихъ. Съ этимъ самоиѣніемъ, такъ легко воспламеняющимся, 14—16-лѣтній юноша принимается трактовать о „политикѣ правды“, подвергать критикѣ, по указаніямъ этой политики правды, всѣ законы своей страны, всѣ распоряженія своего правительства, всѣ общественныя явленія, высказывая свои мнѣнія въ классѣ точно на сеймѣ, ищетъ „неправды“ въ законодательствахъ другихъ государствъ, строитъ идеаль польскаго государства и

т. д., съ полнымъ убѣжденіемъ, по внушенію самой комисси просвѣщенія, что „нѣтъ ничего проще и легче политики правды“!..

Далѣе, эта система прямо противурѣчила тому пылкому патриотизму, который возбудилъ ее для своего блага. Нельзя дѣйствительно не сочувствовать всею душою той глубокой печали, которою поражались лучшіе люди Польши, при взглядѣ на ея внутреннія болѣзни и раны. Нельзя не отдать полнаго уваженія этимъ благороднымъ заботамъ объ исправленіи мѣстнаго зла. Но что-же давала новая школа, эта политика правды, основанной на правѣ природы, эта естественная нравственность съ общими добродѣтелями? Она давала, такъ сказать, общечеловѣковъ, всемірныхъ гражданъ, съ пренебреженіемъ относившихся ко всему національному, самобытному, имѣющему право на уваженіе со стороны другихъ народовъ. На этихъ началахъ, идеаль отечества долженъ былъ складываться не по дѣйствительнымъ условіямъ и нуждамъ его, но по отвлеченнымъ стремленіямъ, слишкомъ удаленнымъ отъ всего того, чѣмъ дѣйствительно болѣла и чѣмъ дѣйствительно могла-бы оздоровѣть страна. Чѣмъ глубже и сильнѣе укрѣпляются такіе идеалы, тѣмъ тяжелѣе для страны послѣдствія ихъ. Польскіе школьные реформаторы такъ и поступили; они съ особенною заботою, съ большею чѣмъ къ подробностямъ учебной программы, отнеслись къ воспитанію учениковъ въ духъ и направленіи этой системы.

Послѣдуемъ и мы за ними и рассмотримъ эту воспитательную систему.

(Окончаніе будетъ).

Поляки и русины.

(Къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній).

Въ бытовой исторіи южно-русскаго народа есть область отношеній, достойныхъ особеннаго вниманія изслѣдователя старины. Это—отношенія южно-руссовъ къ полякамъ. Политическая судьба этихъ двухъ народностей, весьма близкихъ и родственныхъ, заключающая въ себѣ что-то роковое, провиденціальное, какъ для нихъ самихъ, такъ и для *третьяго*—старшаго члена этой великой славянской группы—великорусса, достаточно разработана и извѣстна. Но бытовое, внутреннее ихъ взаимоотношеніе еще ждетъ разработки и освѣщенія, на основаніи частныхъ изслѣдованій тѣхъ или другихъ сторонъ ихъ совмѣстной жизни. Въ высшей степени было-бы интересно прослѣдить это бытовое взаимоотношеніе поляковъ и южно-руссовъ съ временъ древнѣйшихъ.

Мы дѣлаемъ попытку положить начало такого рода изслѣдованіямъ или очеркамъ. Людей, болѣе насъ свѣдущихъ, приглашаемъ продолжить начатое нами, пояснить или поправить насъ, вообще сказать больше и лучше, чѣмъ мы можемъ. Въ претевзіи ни въ какомъ случаѣ мы не будемъ;—выиграетъ одна лишь исторія. А исторія намѣчаемыхъ нами отношеній и любопытна, и поучительна. Оговариваемся: мы удаляемся въ область исторіи, не касаясь настоящихъ отношеній.

Для южно-русса полякъ былъ вообще *ляхомъ*, иногда *ляшюкомъ*, въ смыслѣ уменьшительномъ, шустрякомъ, саркастическомъ,—по временамъ *ляшурою*, въ смыслѣ увеличительномъ, тонъ бранномъ, сердитомъ; для поляка—южно-руссъ всегда былъ только *русинъ*, развѣ съ прибавленіемъ *pies*, или другаго ласкающаго слова. Эти названія сами по себѣ, безъ всякихъ измѣненій или приставокъ къ нимъ, опредѣляли національно-практическое различіе двухъ род

ственныхъ народовъ. Тотъ и другой терминъ заключалъ уже въ себѣ, какъ данна, норму отношеній одного народа къ другому, и особый образъ ихъ взгляда одного на другаго. Названія: *ляхъ* и *русинъ* опредѣляли собою двойкй *народный типъ*, никогда не смѣшивавшійся одинъ съ другимъ и не могшй, *при существованіи основныхъ своихъ чертъ*, взаимно уничтожить одинъ другаго. Различіе, полагаемое этимъ типомъ, рѣзко раздѣляло и раздѣляетъ оба народа на два этнографическіе стана и нѣсколько напоминаетъ собою то различіе, которое выражено древнею поговоркою: *не прикасаются жидове самаряномъ*. Интересно найти черты этого различія, этой *неприкасаемости* двухъ народныхъ типовъ, насколько онѣ проявились и запечатлѣлись въ историческомъ преданіи. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ, какъ черты эти выразились въ народномъ словесномъ творествѣ. Между южно-русскими пѣснями есть много такихъ, гдѣ рисуются бытовые взгляды одной народности на другую, съ разнообразныхъ сторонъ, даже до отношеній любовныхъ. Такъ напр. въ одной пѣснѣ говоритъ *русинка*:

„Не тупай, не тупай, ляшку, ногою:
Не ляжу, не ляжу, спати зъ тобою,
А хотъ и ляжу,—не поцілую,
До свого серденька не примилую...

А въ другой представляется говорящую уже *полька*:

А ты—русинъ, а я—полька,
Не торкайся до камзолька!...

А сколько есть народныхъ анекдотовъ, шүтокъ, пословиць, въ которыхъ такъ или иначе представляется ляхъ въ воззрѣніяхъ южно-русса! Въ свою очередь и въ области польскаго народнаго творчества есть много свидѣтельствъ о томъ, какъ смотрѣли поляки на южно-руссовъ въ народно-бытовомъ отношеніи *). Едва-ли не самымъ древнѣйшимъ памятникомъ въ такомъ рядѣ надо считать извѣстную поговорку, идущую по крайней мѣрѣ съ XVI в., обращающуюся въ устахъ обоихъ народовъ и дошедшую до насъ въ двухъ текстахъ—русскомъ и польскомъ:

Якъ свѣтъ свѣтомъ
Не буде русинъ ляху братомъ.
Jak świat światem
Nie będzie rusin polakowi bratem.

*) Вотъ именно такіе памятники народнаго творчества, особенно незаписанные, неизвѣстные, представляютъ наиболее цѣнный матеріалъ для уясненія исторически-бытовыхъ взаимоотношеній того и другаго народа, и мы просимъ какъ почтеннаго автора настоящей статьи, такъ и другихъ, владѣющихъ запасомъ такихъ памятниковъ, сообщать оныя намъ для помѣщенія на страницахъ нашего изданія. *Ред.*

Есть старинный сборничек *Пословиць польскихъ*, составленный иезуитомъ *Григоріемъ Кнапскимъ*, съ различными, очень любопытными къ нимъ комментаріями. Тамъ можно найти много указаній на предметъ, о которомъ у насъ теперь рѣчь¹⁾.—Выходя изъ области народной литературы, укажемъ на старинныя польскія „казанья“ (проповѣди), какъ на богатую сокровищницу народныхъ польскихъ воззрѣній на русиновъ и обратно. Эти казанья, по обычаю того времени, изобиловали анекдотами, шутками, остротами— и вотъ здѣсь-то подчасъ и запечатлѣвались, сюда вносились самыя рельефныя проявленія воззрѣній одного народа на другой. Польская проповѣдь XVII и первой половины XVIII в. замѣняла собою то, что у насъ теперь зовется *публицистикой*, и представляла возможность „казнодѣямъ“ — ораторамъ касаться всевозможныхъ сторонъ политической и общественно-бытовой жизни. Когда мы занимались изслѣдованіемъ проповѣдей характернѣйшаго польскаго „казнодѣя“ XVII в. иезуита *Тома Млодзяновскаго*, то находили у него много мѣстъ, гдѣ говорится о полякахъ и русинахъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ и проводятся параллели между этими народностями, бывшими тогда подъ одной польской Короной. Намъ припоминается теперь одно мѣсто изъ Млодзяновскаго, гдѣ онъ, выставляя на видъ то, что праздникъ пасхи называется у поляковъ *Wielka-noc* (великая ночь), а у русиновъ *Великъ-день*, дѣлаетъ поэтому поводу нѣкоторые политическіе намеки и съ грустью говорить о національной розни обоихъ народовъ. Ибо, замѣчаетъ онъ, что у поляковъ *ночь*, то у русиновъ *день*.—Переходя отъ національныхъ отношеній къ *соціальнымъ*, встрѣчаемъ уже другую бытовую терминологию. Послѣ того, какъ всѣ древнерусскіе, княжескіе и дворянскіе роды, съ Чарторыйскими, Сапѣгами, Тышкевичами во главѣ, перешли въ католичество и совсѣмъ опоячались, а русскаго помѣщика замѣнилъ польскій, для русина дяхъ былъ большею частію *паномъ*, а потому и встрѣчаемъ постоянно такое сопоставленіе въ народной литературѣ: *ляшки-панки*; для поляка русинъ опять таки вообще былъ *хлопомъ*. Если въ національномъ отношеніи, при всемъ различіи народнаго типа, все-таки предполагалась и бывала въ дѣйствительности *терпи-*

¹⁾ Полное заглавіе труда Кнапскаго таково: *Thesaurus latino-polono-graecus*, три тома. Томъ третій называется: *Thesauri polono-latino-graeci adagia* и заcludesъ въ себѣ *польскія пословицы*, сравненныя съ русинскими, латинскими, греческими и друг. Этотъ томъ есть въ кишиневской семинарской библіотекѣ. Л. М.

мость между двумя сторонами, двумя этнографическими лагерями, все-таки оказывалась возможность солидарности между ними и въ некоторых соглашениях, то социальная терминологія уже ясно указываетъ на очевидный симптомъ образовавшейся *вражды* между двумя народностями. Полякъ всегда изъявлялъ притязаніе на *панство*, на господство надъ русиномъ—*хлопомъ* и этимъ возбуждалъ въ послѣднемъ ненависть, всасываемую съ молокомъ матери. Въ полякъ всегда преобладала аристократическая тенденція, въ русинѣ-же всегда билась демократическая жилка. Полякъ, особенно шляхтичъ считалъ для себя приличными только военныя, *рыцарскія* занятія. Онъ уклонялся отъ труда промышленнаго, земледѣльческаго. Эту уклончивость отъ полевой, земледѣльческой работы раздѣляли и польскія женщины. И бѣда приходилась русину, если какъ-нибудь доставалась ему въ жены полька. Вотъ какъ изображаетъ такой супружескій союзъ народная пѣсня:

Бѣда польку спокусила,
 Выйшла полька за русина.
 Русинъ каже: » ходимъ жаты «,
 Полька каже: » ляжмо спати «.
 Пишла полька въ поле жати.
 Та забула серпа взяти.
 Серпъ узяла, хлибъ забула,
 Таки полька дома була.

Свивши себѣ гнѣздо на Руси, польское шляхетство представило торговлю и промышленность жидамъ, а всякія *черныя работы* возложило на русиновъ—*хлоповъ*, а *хлопъ* и въ самой Польшѣ назывался *быдломъ*, т. е. трактовался на равнѣ съ домашнимъ скотомъ. Мыслящіе изъ поляковъ еще въ старыя времена предвидѣли дурной конецъ отъ празднои жизни шляхты и отъ притѣсненія *хлоповъ*. Таковъ былъ упомянутый нами Млодзиновскій. Вотъ напр. чтѣ доворить онъ въ одной своей проповѣди: „Панове шляхта сдѣлали для себя всѣ дни *недѣлей* (воскресеньемъ)“, которая на польскомъ языкѣ называется такъ отъ *недѣланія*; ибо дѣлать, работать въ этотъ день не годится „Иностранцы упрекають насъ за то, что наша шляхта вѣчно въ праздности... Вѣдь вы слышали слѣдующіе стихи:

Nobiles poloni
 Equites boni;

Gens bellicosa,
Sed otiosa¹⁾.

Проводя такимъ образомъ время постоянно въ праздности, шляхта и сдѣлала для себя всѣ дни *недѣлей*. Не хочу я упрекать въ этомъ шляхетскій народъ, но все-таки настаиваю на своемъ, именно, что шляхта сдѣлала для себя всѣ дни *недѣлей*. Какъ-же это? Нужно позаимствовать науки и у инфимистовъ.—Милые инфимисты, какъ по латыни *недѣля* (воскресенье)? Инфимисты отвѣчаютъ: *dies Dominicus*, до слова значить: *панскій день*. И такъ *недѣля* это панскій день. А поѣдь-ка, хлопъ, на торгъ, на мельницу, а иногда и по дрова, вѣдь это *недѣля*, день панскій, *день панщины*; въ поведѣльникъ будешь орать (пахать). во вторникъ молотить, и такъ день за днемъ—все *день панскій*, день панщины. А вѣдь такое положеніе дѣлъ не можетъ нравиться Господу Богу... Ибо хлопы суть только подданные. а не рабы, невольники. Нужно имѣть въ виду, чтобы такое обращеніе съ ними не надобно уже имъ слишкомъ... *Sapienti sat!*—“Да, оно надобно, оно не могло не надобеть, въ особенности русинамъ, при ихъ національной и вѣроисповѣдной розни съ поляками. Унижаемый и оскорбляемый въ качествѣ *хлопа* русинъ сдѣлался по отношенію къ поляку—*пану* сначала *козакомъ*, а потомъ и *гайдамакомъ*. *Козакъ*—это былъ представитель *выдѣлявшася* изъ южнорусскаго народа *рыцарства*, въ противовѣсъ рыцарству или шляхетству польскому, для защиты народной чести и свободы... *Гайдамакъ*—это уже былъ представитель *поголовнаго* народнаго возстанія противъ угнетателей—пановъ и ихъ сподручниковъ—жидовъ. Козачество и гайдамачество русинское и подрѣзало корни польскаго государства. Такимъ образомъ, *соціальная бытовая* отношенія поляковъ и русиновъ подготовили политическое паденіе Польши, а религіозныя притѣсненія первыми послѣднихъ довершили оное. Значеніе русиновъ въ составѣ польскаго государства было очевидно, какъ и ихъ рознь съ поляками. Явилась мысль для упроченія государственнаго единства *ополячить* русиновъ. Избранъ для этого путь, по тогдашнимъ понятіямъ казавшійся наиболѣе дѣйствительнымъ, именно путь объединенія *въ вѣрѣ*. Но вмѣсто единенія, мира, согласія возникла вражда и ненависть

¹⁾ „Благородные поляки—прекрасные всадники; народъ воинственный, но правый“.

религіозная, завязалась ожесточенная борьба на жизнь и смерть. Въ этотъ періодъ образовались особыя бытовые термины, выражавшія взаимныя отношенія сторонъ въ этой области. Со стороны поляковъ пошли въ ходъ бранныя слова: *отщепенцы*, *схизматики*. Польскіе іезуиты особенно были щедры на эти попреки и раздували пламя религіозной вражды. Младзяновскій бросалъ ими направо и налѣво. Такъ, въ своей проповѣди на празднигъ св. дѣвъ, объясняя евангельскую притчу *о десяти дѣвахъ*, онъ говоритъ между прочимъ: „между этими десятью дѣвами были, вѣроятно, польки, литовки, прусачки, а также дѣвы изъ другихъ польскихъ земель; ибо, дѣйствительно, есть между ними и мудрыя, и глупыя. Св. писаніе не докладываетъ намъ, къ какой собственно странѣ принадлежали тѣ десять дѣвъ, и поэтому даетъ свободу думать, что тамъ были дѣвы изъ всякихъ странъ. Все таки однако прилично будетъ спросить: были-ль между ними и русскія по вѣрѣ? Glossa отвѣчаетъ: не было! Но вѣдь и между русскими есть, положимъ, глупыя, но есть же и мудрыя: почему-же онѣ не искали Господа?—Потому что онѣ *схизматички*. Вотъ что говоритъ Глосса: *Exierunt obviam Sponso et Sponsae, id est concordaverunt voluntati sponsi et matris Ecclesiae*!). Да, кто не послушенъ св. костѣлу, тотъ не пойдетъ на встрѣчу Іисусу Христу“! Вотъ какими инсинуаціями тогдашніе польскіе политическіе мудрецы подготавливали государственное единство Польши! Они стали проповѣдывать и насильственно навязывать *русинамъ унию*, которая, по мысли этихъ мудрецовъ, имѣла быть только переходнымъ местомъ къ *католичеству* и за тѣмъ къ *ополяченію*, т. е. къ потерѣ не только вѣры, но и языка. Противясь *унии*, русинъ сталъ защищать вѣру отцовъ, какъ *благочестіе*. Равнодушный до тѣхъ поръ къ *польской вѣрѣ*, онъ сталъ постепенно впитывать въ себя ненависть къ *униатамъ* и *католикамъ*. Во времена гайдамачества эта ненависть достигла поражающихъ размѣровъ. При нѣкоторомъ равенствѣ силъ, двѣ народности, составлявшія одинъ государственно-общественный организмъ, могли бы совершенно уничтожить другъ друга. Кажется, что къ этому періоду ихъ взаимоотношеній должно относить, правда, не возникновеніе, но пол-

!) Вышла на встрѣчу Жениху и Невѣстѣ, т. е. подчинились волѣ Жениха и Матери-Церкви.

ную популяризацію бытовыхъ терминовъ: *psia wiara, psia krew!* съ переводомъ для отвѣта: *собака вира, собака кровь!* Поражающее своимъ сопоставленіемъ извѣстное присловье: *панъ, жидъ та собака—все вира однака!* принадлежитъ несомнѣнно этому времени. Понятное дѣло, что при такихъ взаимоотношеніяхъ двухъ главныхъ столповъ польскаго государства, оно не могло дольше существовать. Русинъ долженъ былъ оставить поляка—угнетателя. Онъ рѣшился отойти жить къ другому брату, съ которымъ разлучила его когда-то давно злая судьбина. И онъ отошелъ, въ полной надеждѣ, что этотъ единовѣрный братъ не погубитъ его вѣры и языка. Онъ отошелъ и вотъ, вмѣсто *русина*, *называемый уже то *малоруссомъ*, то *южноруссомъ*, то *черкасомъ* или *черкешаниномъ*, а то и просто *холомъ*, онъ подперъ своей головой московское царство, помогъ ему превратиться въ *Россійскую Имперію* и въ концѣ концовъ поспособствовалъ ему *покорить поды ноги* и третьяго брата, прежняго своего пана. Гордый полякъ жестоко былъ наказанъ за свое презрѣніе къ меньшему брату. Польша была разорвана на части. Но чтѣ-же? Національную государственную корону полякъ потерялъ, а цанская корона ему все-таки оставлена. Надъ русиномъ ему все таки предоставили быть паномъ! Австрія предоставила ему быть паномъ въ Галиціи, а Россія въ западной и юго-западной своей части. Отношенія соціальныя не измѣнились и національныя остались въ прежнемъ видѣ. Правобережные русины, отошедшіе къ московскому брату и думавшіе найти у него защиту отъ поляка-пана-брата, принуждены были сложить новую печальную *тѣсню рабства* и не на рѣкахъ вавилонскихъ, а на своихъ родныхъ рѣкахъ, ручейкахъ и пригоркахъ... Вотъ начало этой пѣсни про новую *польскую паницину* подъ скипетромъ Россіи:

Була, була Польша, та стала Украина;

Не одбуде сынъ за батька, а батько за сына!

Полякъ по прежнему тѣшилъ себя фантомомъ аристократизма и по прежнему питалъ презрѣніе къ русину — плебею, хлопцу, *вreckосію*..., даже больше: онъ какъ будто вымещалъ на русинѣ паденіе Польши и покореніе себя москалемъ. Онъ по прежнему удалялся производительнаго труда, по прежнему считалъ только себя *рыцаремъ* по природѣ, которому одному прилично носить оружіе....

Сова сову плодитъ,

Мечта мечту родить....

Полякъ, оставался все тѣмъ-же паномъ и ему мечталась старая Польша въ прежнемъ *шляхетскомъ* видѣ и въ прежнемъ пространствѣ—*отъ моря до моря*. Явилось возстаніе 1830 года... Полякъ велъ себя еще какъ истый старо-польскій панъ, полный сознанія своихъ старыхъ правъ надъ русиномъ; но и чувства послѣдняго не измѣнились. Вотъ къ этой-то эпохѣ и относится одно въ записанное преданіе о двухъ письменныхъ памятникѣхъ, живо рисующее подогрѣтыя вновь чувства поляковъ и русиновъ. Это преданіе мы расскажемъ въ такомъ видѣ, какъ оно сообщено намъ однимъ почтеннымъ любителемъ и знаткомъ южно-русской старины¹⁾.

Дѣло происходило въ Каменцѣ-Подольскомъ. Въ одно утро на всѣхъ главныхъ улицахъ города, на болѣе видныхъ мѣстахъ, появились афиши. На каждой изъ нихъ, на большомъ листѣ бѣлой бумаги, большими буквами были написаны по-польски слѣдующіе стихи:

Ty polaku,
Stój w szyszaku
Z orężem do boju!
Ty, rusinie,
Sk..... synie.
Z widłami—do gnoju!

Очевидно, что это было дѣло польскихъ рукъ, въ насмѣшку надъ русскими и для возбужденія духа въ полякахъ. Преданіе прибавляетъ: идутъ по улицѣ два поляка и видятъ афишу— „Co to? Co to? Czytaj!“ -- говорятъ одинъ другому. Начинаютъ читать: „Ty, polaku, stój w szyszaku z orężem do boju“.... О, jak to slicznie, panie, „z orężem do boju“! О, tak, tak!—Coż to dalej?— „Ty, rusinie, sk..... synie, z widłami do gnoju!“—О, jak to do ładu napisano! О, tak, tak tym szelmam rusinam i trzeba!“... Въ городѣ толки, насмѣшки надъ русскими! Поляки высоко стали поднимать головы. Пасквиль попалъ въ тѣть съ ихъ задушевыми историческими чувствами и мечтами. Призывъ на бой, напоминаніе о столь драгоценной привилегіи стоять съ оружіемъ въ рукахъ и защищать свой гоноръ такъ льстило ихъ рыцарскимъ идеаламъ! Съ другой стороны, обреченіе измѣнника—русина на черныя и самыя низкія работы такъ согласовалось съ ихъ давнишнимъ аристократическимъ презрѣніемъ къ хлопугу, къ мужику! И вотъ, во

¹⁾ Федоромъ Владим. Яцимирскимъ въ Кишиневѣ.

всемъ Каменецъ волненіе, возбужденіе.... Русскимъ досадно, стыдно, неловко. Какъ тутъ быть? Сейчасъ-же стали вездѣ срывать пасквильные листы, донесли губернатору. Начали разыскивать, кто писалъ и наклеивалъ афиши.... Но все это ни къ чему не привело. А впечатлѣніе отъ пасквиля росло все больше и больше.... Составился совѣтъ изъ русскихъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Совѣтовались, совѣтовались и порѣшили, что нужно отомстить не иначе, какъ *тѣмъ-же самымъ способомъ*, т. е. отвѣтить на стихи стихами-же и этимъ сгладить впечатлѣніе, сбить спѣсь полякамъ. Въ совѣтъ предложили написать тому—другому изъ среды его-же членовъ и другихъ лицъ. Явилось нѣсколько отвѣтовъ, стали читать: нѣтъ, все какъ-то вяло, безжизненно, не мѣтко.... Тогда представитель семинаріи сказалъ: „есть у насъ одинъ семинаристъ, онъ любитъ писать стихи и пишетъ бойко—остро. Не предложить ли ему? Авось онъ отвѣтитъ, какъ слѣдуетъ“. Согласились. Призвали семинариста. Фамилія его была, кажется, *Гербановскій*. Предложили ему,—говорятъ: такъ и такъ.... Тотъ согласился написать отвѣтные стихи, но только не иначе, какъ *по малороссійски*. „Ничего, пиши и по малороссійски“, сказали ему, только чтобъ вышло хорошо. Написалъ. Приноситъ. Читаютъ:

Ты, поляку,

Цілуй въ с....

Русина и грека!

Гляди жъ себе,

Буде зъ тебе....

Стій, свине, зъ далека!

На пасквиль вышелъ пасквиль, только болѣе рѣзкій, настоящій хлопскій, мужицкій, плебейскій, демократическій. Многимъ въ совѣтъ онъ не понравился, особенно архіерею.... Но обсудили и нашли, что онъ какъ-разъ кстати, что лучшаго въ данномъ случаѣ и желать нельзя. Рѣшено—расклеить его по всемъ улицамъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ былъ наклеенъ польскій пасквиль. И вотъ, опять таки по тому-же комментарию, рано утромъ паны нечаянно натыкаются на новую афишу. Co to? Znow coś napisano. Czytaj! Czytaj! To już coś po rusku.... A nu, nu—czytaj. И они начинаютъ разбирать по слогамъ, какъ говорится *стлябизоватъ*: „Ты, по-ля-ку, ці-луй въ....“ То coś kiepsko, czart wie co.... То pewnie jakiś knysz napisal.... И они ушли со злобой. Читаютъ другіе, третьи и т. д. Къ вечеру контръ-пасквиль произвелъ свое дѣйствіе и прежняго возбужденія среди поляковъ, прежняго

поднятія головъ какъ не бывало... То было время обоюднаго возбужденія, раздраженія, взаимной страстности въ отношеніяхъ между двумя издревле враждующими народностями. Этимъ и объясняется циничность выраженій въ обоихъ пасквиляхъ. Но для исторіи все интересно знать... Интересно и это слово: *грека*. Оно цѣликомъ выхвачено изъ живаго преданія, или недавнихъ сравнительно актовъ и указываетъ на рознь вѣроисповѣдную. Въмѣсто „православной вѣры“ говорили „греческой“ и православнаго величали грекомъ. „А нутежь, нуте, лучше того грека“...., приговаривалъ униатскій офиціалъ Мокрицкій, когда въ 1766 г., по его приказанію, въ м. Корсунѣ били нещаднымъ боемъ одного православнаго священника, сказавшаго о себѣ, что онъ вѣры греческой, и не желавшаго принять униі. Характерно и это слово: *кмишь*, т. е. поповичъ, котораго поляки считаютъ авторомъ русскаго пасквиля. Они хорошо чуяли, что отъ поповичей, отъ дѣтей церковническихъ, главнымъ образомъ идетъ, какъ и прежде шла, нравственная защита народности русинской противъ всяческихъ ея враговъ и притѣснителей. Не даромъ поэтому къ поповичамъ этимъ поляки были особенно непріязненны. Не даромъ поэтому въ извѣстномъ польскомъ *прозѣтѣ* прошлаго вѣка объ искорененіи русинской народности въ Украйнѣ, особенныя репрессіи предполагались противъ священниковъ и ихъ сыновей—*поповичей*. Это былъ интеллигентный слой южно-русскаго народа, не оторвавшійся отъ него, бывшій за одно съ нимъ...

И такъ къ 30 годамъ еще вполюѣ, во всей неприкосновенности, сохранялись взаимныя отношенія и чувства поляковъ и русиновъ, выработанныя прошлымъ тяжелымъ временемъ ихъ совмѣстной политической жизни—подъ польской Короной.

Изъ ближайшаго къ этому времени сохранился слѣдующій характерный разсказъ и относящійся къ нему неписанный памятникъ. Дѣйствіе происходитъ въ Украйнѣ. Въ воскресный день въ одномъ селѣ шла „служба Бога“. Въ церкви присутствовалъ мѣстный панъ-экономъ. При выходѣ крестьянъ отъ обѣдни, онъ остановилъ ихъ у крыльца колокольни для какихъ-то внушеній. Долго длились нотации. Вышелъ священникъ, но его путь былъ прегражденъ столпившимся народомъ. Поглядѣлъ онъ на пана въ сѣромъ кунтушѣ, съ гладкими и свѣтлыми металлическими пуговицами, и на понуро стоявшихъ вокругъ него крестьянъ, поднялъ глаза къ небу и произнесъ такую краткую рѣчь: „украсивъ Богъ небо звѣздами, а землю людьми, а ляха *гудзями* (пуговицами)“.

Народъ разступился при видѣ священника и тотъ спокойно пошелъ домой.

Взаимныя отношенія поляковъ и русиновъ на родной землѣ сихъ послѣднихъ не измѣнялись еще долгое время. Нѣкоторую перемѣну въ нихъ должны были произвести такъ называемыя инвентарныя правила, введенныя въ управленіе генераль-губернатора Бибикова и поего мысли. При объявленіи этихъ правилъ произошли два слѣдующіе извѣстные намъ случая, а что они говорятъ, повятно будетъ всякому. Въ одномъ селѣ кievской губерніи, послѣ объявленія ихъ, мѣстный помѣщикъ, желая порисоваться предъ прибывшей комиссіею (исправникъ, предводитель дворянства и благочинный) своимъ патриотизмомъ, вздумалъ при выходѣ своихъ крестьянъ изъ церкви, сказать имъ по поводу событія *нѣсколько словъ*. Но лишь только онъ въ заключеніе затынулъ хриплымъ и ненатуральнымъ голосомъ продолжительное ура, какъ кто-то изъ толпы прокричалъ: „на свою голову!“ Въ другомъ мѣстѣ исправникъ-полякъ желалъ поглумиться надъ старикомъ священникомъ, потребовавъ отъ него произнесенія приличной случаю проповѣди, но попалъ въ просакъ, какъ и полякъ-помѣщикъ со своими якобы вѣрноподданническими чувствами, всю фальшь которыхъ понимать простой мужикъ. Малообразованный, никогда ничего не писавшій священникъ робкимъ голосомъ сказалъ то, что подсказало ему сердце: „благочестивые прихожане! Какъ нѣкогда Господь избавилъ евреевъ отъ работы египетскія, такъ нынѣ Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь нашъ Императоръ избавляетъ васъ отъ работы ляхамъ“. Народъ молчалъ, не смѣя выразить своихъ чувствъ; комиссія (тотъ-же составъ съ придачею становаго) смутилась. Священникъ почтительно обратился къ предсѣдателю со словами: „ваше благородіе! извольте читать“ (самыя т. е. правила).

„Правила“ не измѣнили положенія дѣла и, по многимъ причинамъ, весьма мало облегчили тяжелый яремъ русина-крестьянина. Господствующій полякъ распорядился, какъ прежде, народомъ, въ народѣ-же возникли толки, недоразумѣнія, волненія, тяжело отразившіяся на его-же спинѣ. Въ находящемся у насъ дневникѣ священника Фоки Струтинскаго есть очень интересныя объ этомъ свѣденія и мы не замедлимъ подѣлиться ими съ читателями „Кievской Старины“.

Отношенія двухъ народностей, державшіяся все это время на почвѣ соціальной, обострились до крайности и ближайшимъ

свидѣтелямъ этихъ отношеній можно было опасаться трагической ихъ развязки. Украинскій народъ свое положеніе подъ русскою державою считалъ не естественнымъ и ждалъ ему конца; по мѣстамъ онъ хранилъ оружіе дѣдовъ и прадѣдовъ, и вѣрилъ, и открыто выражалъ, что настанетъ время, когда оно пригодится... Оружіе было отобрано въ 1849 г. случайно, при отобраніи онаго у пановъ, которымъ Кошутъ внушалъ много не сбывшихся надеждъ. Паны вымещали и эту неудачу на хлопахъ—русинахъ, а они, не зная своего прошлаго, въ недоумѣніи вопрошали: „за що насъ Царь въ неволю ляхамъ отдавъ“?

„Кіевскія народныя волненія“ 1855 г. легли всею своею тяжестью вмѣсто панскихъ на поповскія плечи, по особому недоумѣнію; но поголовное стремленіе въ народъ къ давно вымершему возачеству и то ожесточеніе, съ какимъ незлобивые пасомые старались муками и пытками исторгнуть у своихъ пастырей несуществовавшій указъ о вольности, ясно показали, что народъ не можетъ сносить далѣе двойнаго вѣковаго ярма.

1861 г. положилъ конецъ напряженнымъ до крайности отношеніямъ поляковъ и русиновъ и открылъ имъ возможность забыть старые счеты, устроить новый *modus vivendi*, положить начало новымъ отношеніямъ и новымъ чувствамъ. Какъ обозначились и въ чемъ выразились эти новыя отношенія, объ этомъ надѣмся со временемъ сказать свое слово.

Л. Мацѣвичъ.

Разговоръ Великоѣроссіи съ Малороссіей.

(Литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка).

Стихотворное произведеніе подъ этимъ заглавіемъ мы имѣемъ въ трехъ неполныхъ спискахъ. Одинъ изъ нихъ, заключающій меньше половины сохранившагося текста „Разговора“, найденъ г. П. Ефименкомъ въ рукописномъ сборникѣ второй половины XVIII вѣка, писанномъ, судя по одному заключающемуся въ немъ прошенію дьяка коронской школы, 1761 года, въ глуховской сотнѣ, нынѣшней черниговской губерніи. Другіе же два списка, болѣе полные, но все таки безъ окончанія и съ пропускомъ въ серединѣ, хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ, куда они поступили вмѣстѣ съ другими бумагами И. Е. Бецкаго. Изъ нихъ одинъ относится тоже ко второй половинѣ XVIII вѣка, а другой сдѣланъ въ 1833 году. Впрочемъ, разница между послѣдними двумя списками состоитъ только въ томъ, что въ древнѣйшемъ списокѣ не сохранилось начала „Разговора“, которое, надо полагать, утрачено уже послѣ снятія втораго списка, въ которомъ сохранилось это начало. Затѣмъ, новѣйшій списокъ представляетъ изъ себя буквальное воспроизведеніе древняго, съ нѣкоторыми искаженіями и значительными промахами противъ него. Копистъ 1833 года до того рабски слѣдовалъ своему оригиналу, что не обратилъ вниманія на путаницу въ пагинаціи его и переписалъ его въ безпорядкѣ, перенесши середину въ конецъ, а конецъ въ середину. По видимому, переписчикъ признавалъ этотъ „Разговоръ“ законченнымъ, между тѣмъ какъ по тщательномъ разсмотрѣніи его оказывается, что онъ дошелъ до

нась безъ конца¹⁾. Но этотъ позднѣйшій списокъ важенъ замѣтками И. Е. Бецкаго о происхожденіи и судьбѣ рукописи.

О происхожденіи и судьбѣ списковъ Румянцевскаго Музея И. Е. Бецкій говоритъ слѣдующее: „сочиненіе получено было мною отъ В. Т. Анастасевича съ слѣдующею надписью: „копія списана для г. Домонтовича и послана 29 іюля 1833. Къ митрополиту Евгенію послалъ выписку изъ оной о Шереметевѣ; онъ въ отвѣтъ своемъ называетъ ее прелюбопытною“. Сочиненіе это получено было г. Анастасевичемъ въ проѣздъ его изъ Вильны обратно въ С.-Петербургъ чрезъ *Смѣлое* (полтавской губ., романскаго уѣзда). Должно думать, писано въ царствованіе Елизаветы, послѣ 1739-хъ годовъ, кои явно упоминаются прошедшими“.

Бецкій придавалъ этому „Разговору“ большое значеніе и хотѣлъ издать его въ своемъ альманахѣ „Молодикъ“, выходившемъ въ 1843—1844 годахъ. „Самъ Нарушевичъ, писалъ онъ,—столь важнѣйшія имѣвшій сокровища для своей исторіи, часто ссылается на современныя съ описываемыми имъ событіями пѣснотворенія. У насъ-же и рудникъ едва начать. Есть множество списковъ различныхъ въ журналахъ, въ этомъ кладбищѣ русской прошедшей жизни... Доказано древнѣйшими примѣрами, что исторія началась стихами и что первые историки были поэты; всякій народъ начинаетъ свою исторію пѣснями, сочиненными задолго до принятія письма и изображающими событія; всякое племя имѣетъ своихъ баяновъ, какъ греки имѣли своего Омира. Сѣверные историографы и теперь прибѣгаютъ къ помощи рунъ и сагъ. Въ семъ отношеніи найпаче малороссійская исторія достопамятна; пѣсни до сихъ поръ не всѣ изданы“. Но желаніе Бецкаго издать „Разговоръ“ не увѣнчалось успѣхомъ. Начальникъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи Дубельтъ, имѣвшій сильное давленіе на тогдашнюю цензуру и литературу, на цензурномъ спискѣ этого „Разговора“ написалъ слѣдующее: „Если-бы я былъ цензоръ, то не допустилъ-бы къ напечатанію, потому что тутъ обида Россіи, обида и Малороссіи: первая дѣлаетъ глупые вопросы, вторая хвастаетъ, какъ старая баба и наконецъ—сердце ея изнемогаетъ отъ нашего ига!??“

¹⁾ Краткія свѣдѣнія объ этихъ спискахъ „Разговора“ сообщены въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, за май 1881 г., стр. 199—200.

Къ удивленію, самъ г. Бецкій не замѣтилъ спутанности пагинаціи и текста „Разговора“, который вслѣдствіе этого доходить, мѣстами, до положительной темноты и бессмыслицы. Г. Дубельтъ увидѣлъ въ этомъ „Разговорѣ“ что-то нескладное и неладное и понялъ это въ дурную сторону, будто-бы сердце Малороссіи, по ея словамъ, изнемогаетъ отъ нашего, т. е. великорусскаго ига. Въ самомъ дѣлѣ, въ обоихъ румянцевскихъ спискахъ „Разговора“ онъ заканчивается выраженіемъ какой-то глубокой скорби со стороны Малороссіи, — скорби, которую можно принять за скорбь о потерѣ Малороссіей своей самостоятельности. Вотъ какъ она плачется здѣсь на свою участь:

Глаза имѣя, безъ глазъ стоимъ оцѣпенѣвъ,

Безъ рукъ кажемся храбри, прежде руки имѣвъ.

Уже и лица наша потунились, слезы

Падаютъ колеблющисъ и колѣна дрожа,

Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣшена.

Послѣднія слова, подчеркнутыя Дубельтомъ, онъ и понялъ въ смыслѣ сѣтованія Малороссіи на московское будто-бы иго. А между тѣмъ они суть не что иное, какъ только продолженіе стихотворнаго плача Малороссіи по поводу смерти любимаго ея гетмана Богдана Хмельницкаго, оторванное отъ естественнаго своего начала и поставленное не кстати въ самомъ концѣ рукописи, гдѣ оно имѣетъ какой-то неопредѣленный, загадочный смыслъ.

Возстановивъ естественный порядокъ и смыслъ рукописи, мы, напротивъ, не находимъ въ „Разговорѣ“ ничего обиднаго ни для Россіи, ни для Малороссіи: первая спрашиваетъ Малороссію объ ея происхожденіи, историческихъ судьбахъ и заслугахъ ея для Россіи; вторая рассказываетъ свою исторію и перечисляетъ заслуги свои, оказанныя русскому народу и государству. Вотъ краткое содержаніе „Разговора“.

Малороссія ведетъ свой родъ отъ древнихъ козаровъ (хазаръ) и рассказываетъ, что она сначала управлялась своими вождями, потомъ подчинилась польскимъ королямъ, а наконецъ добровольно отдалась подъ власть російскихъ государей и оказывала, и оказываетъ имъ важныя услуги. Послѣдовательная исторія Малороссіи ведется только съ 1506 года, съ гетманства Леслава Ляцкоронскаго. За нимъ слѣдовали: Венжикъ Хмельницкій, поразившій въ 1534 году крымскую орду подъ Заславлемъ; Свирговскій, одержавшій надъ турками 14 побѣдъ; Богданко, разбившій въ 1576

году на голову крымскихъ татаръ; Шахъ, побившій въ 1577 году молдаванъ, и Петръ Конашевичъ, взявшій городъ Кефу и сражавшійся съ турками подъ Хотиномъ. Всѣ эти гетманы дѣйствовали въ согласіи съ поляками и имѣли общіе съ ними интересы. Но попытки поляковъ привести козаковъ къ западной церкви и обложить ихъ данью вызвали цѣлый рядъ козацкихъ возстаній, подъ предводительствомъ Наливайка, Тараса Трясилы и др. Упомянувъ кратко объ этихъ возстаніяхъ, Малороссія съ подробностію касается эпохи Богдана Хмельницкаго, перечисляетъ всѣ его побѣды надъ поляками: на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ, Пилявцами, Збаражемъ, Жванцемъ и въ другихъ мѣстахъ, восписываетъ похвалу этому гетману и оплакиваетъ его кончину. Послѣ Богдана Хмельницкаго Малороссія входитъ въ общую жизнь Россіи; она не хочетъ уже говорить о своихъ подвигахъ, которые совершаются теперь на глазахъ самой Россіи и потому должны быть извѣстны ей; но Великороссія желаетъ отъ самой Малороссіи слышать правдивый разсказъ о послѣдней ея судьбѣ. Малороссія исполняетъ ея желаніе и разсказываетъ объ отраженіи польскаго короля Яна Казимира отъ Глухова при гетманѣ Брюховецкомъ (1664 г.), о побѣдѣ того-же Брюховецкаго надъ Яблоновскимъ подъ Бѣлой-Церковью (1665 г.), о пораженіи татаръ переяславскимъ полковникомъ Думитрашкомъ надъ Ташлыккомъ (1674 г.), о сожженіи очаковскаго уѣзда козаками (1690 г.), объ осадѣ Очакова (1692 г.) и вообще о сторожевой службѣ козаковъ противъ татарскихъ набѣговъ. Особенное сочувствіе высказываетъ Малороссія къ бѣлоцерковскому полковнику Семену Палѣю, борзенскому уроженцу, который съ охотнымъ отборнымъ войскомъ своимъ оберегалъ границы русскія отъ татарскихъ набѣговъ. Онъ ходилъ въ Бендерщину и въ Бѣлогородчину (Аккерманъ), посылалъ своихъ козаковъ въ Буджакъ, дважды добывалъ Очаковъ и при этомъ однажды ворвался въ крѣпость на плечахъ самихъ турокъ. Схваченный коварно поляками и сосланный въ Магдебургъ; онъ бѣжалъ оттуда, поразилъ поляковъ подъ Фастовомъ и обратилъ въ бѣгство польскаго полковника Рустича. Въ 1695 году всѣ малороссійскіе, слободскіе и запорожскіе казаки участвовали въ походѣ Бориса Петровича Шереметева противъ татаръ и турокъ, взяли четыре каменные города, плѣнили множество турокъ, разорили Казі-Керменъ и Муберенъ и въ 1696 году много содѣйствовали взятію Азова. Подъ Азовомъ было козацкаго войска пятнадцать тысячъ, подъ начальствомъ полковниковъ гадяцкаго Михаила Бо-

роховича, лубенскаго Леона Свѣчки, прилуцкаго Дмитрія Горленка и черниговскаго Якова Лизогуба, который былъ въ то время наказнымъ гетманомъ. Въ то-же время запорожскій атаманъ Яковъ Чалый съ малымъ числомъ козаковъ ходилъ по морю и взялъ восемь турецкихъ кораблей. Черезъ 37 лѣтъ послѣ взятія Азова, т. е. 1733—4 г., полковникъ Галаганъ разбилъ приверженцевъ *ex*-короля польскаго Лещинскаго подъ Солодовцами, а въ 1735—1739 годахъ козаки участвовали въ осадѣ Очакова и Хотина.

Перечисливши всѣ эти подвиги и заслуги козаковъ въ хронологическомъ порядкѣ, Малороссія хотѣла оглянуться назадъ и припомнить заслуги престарѣлаго Палтя во время полтавской битвы 1709 года. По этому поводу Великороссія укоряетъ свою собесѣдницу измѣной Мазепы. Малороссія отвѣчаетъ:

... Измѣна тогда не всей меня была,
Отъ одного Мазепы только произошла,
Съ коимъ никогда о томъ не соглашалась я,
Если-же сіе меня не можетъ оправдать,
И буди то, что онъ былъ, станешь вѣкъ твердить,
То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ.

Затѣмъ слѣдуетъ перечень всѣхъ этихъ измѣнниковъ, къ числу коихъ въ „Разговоръ“ отнесены: стрѣльцы, князь Василиій Голицынъ, сосланный въ Сибирь за взятый ими отъ татаръ подкупъ (1689 г.), Шереметевъ, отданный во время чудновской битвы поляками татарамъ въ неволю (1660 г.), въ которой пробылъ больше 20 лѣтъ. Лопухинъ, казненный Петромъ I по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой, Шейнъ, не подавшій козакамъ помощи въ сраженіи ихъ съ татарами на Черной Долинѣ въ 1736 году, генераль-адмиралъ и кабинетъ-министръ Андрей Остерманъ, оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ, канцлеръ Михайло Головкинъ, коммерцъ-коллегіи президентъ Менгдевъ и др. Въ противоположность этимъ русскимъ якобы измѣнникамъ, Малороссія указываетъ, за послѣднее время, на Разумовскихъ, оказавшихъ важныя услуги русскимъ государямъ:

Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ?
Какъ Елисаветѣ одинъ изъ тѣхъ служилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?

На этомъ и прерывается „Разговоръ“ по имѣющимся у насъ спискамъ его, очевидно составленный не ранѣ царствованія Екаторины II.

Большая часть историческихъ свѣдѣній, заключающихся въ „Разговорѣ“, заимствована авторомъ изъ „Краткаго описанія Малороссіи“, составленнаго неизвѣстнымъ авторомъ около 1734 года ¹⁾; но есть и такія свѣдѣнія, которыя или несогласны съ извѣстіями „Краткаго описанія“, или представляются совершенно новыми. Несогласно съ „Краткимъ описаніемъ Малороссіи“ авторъ „Разговора“ говоритъ о происхожденіи козаковъ отъ козаровъ или хазаръ и представляетъ неудачныя битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками подъ Берестечкомъ и Бѣлоу-Церковью въ благопріятномъ для козаковъ свѣтѣ. Новыми являются свѣдѣнія о Семенѣ Палиѣ, ворвавшемся въ Очаковъ на плечахъ турковъ, о подвигахъ Якова Чалаго подъ Азовомъ въ 1696 году, географическія подробности о пораженіи полковникомъ Галаганомъ поляковъ подъ Солодовцами въ 1734 году, а также свѣдѣнія о посылкѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны, избранныхъ козаковъ въ Пруссію для обученія воинскому искусству, объ участіи козаковъ въ осадѣ Очакова и Хотина въ 1735—1739 годахъ и проч.

Но главный интересъ разсматриваемаго „Разговора“, по намѣренію его автора, состоялъ не въ сообщеніи новыхъ свѣдѣній, а въ группировкѣ уже извѣстныхъ и освѣщеніи ихъ опредѣленною мыслию.

Уже само „Краткое описаніе Малороссіи“, легшее въ основу нашего „Разговора“, не есть собственно хроника, но задается опредѣленною историческою мыслию. „Строго говоря, *Краткое описаніе Малороссіи*, пишетъ его издатель, нельзя назвать хроникой или лѣтописью, т. е. погодной запиской о прошлыхъ событіяхъ; скорѣе это краткая систематическая исторія Малороссіи съ эпохи великокняжеской до 30-хъ годовъ XVIII вѣка, хотя и изложенная по годамъ. Составленіе ея указываетъ на тотъ любопытный моментъ въ исторіи общественнаго развитія въ южной Руси, когда здѣсь періодъ лѣтописанія приходилъ къ концу, и въ средѣ болѣе образованныхъ слоевъ малороссійскаго общества явилась потребность въ систематически связной исторіи края. Первой попытки удовлетворить эту потребность нельзя не видѣть въ замѣчательномъ для своего времени трудѣ гадяцкаго

¹⁾ Оно издано въ книгѣ: „Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ „Хмельницкой“, „Краткаго описанія Малороссіи“ и „Собранія историческаго“. Кіевъ. 1878.

полковника Григорія Грабянки, человекъ ученаго и книжнаго, близко знакомаго съ малороссійскимъ и польскимъ лѣтописаніемъ. Составляя около 1710 года свою „Исторію о презѣльной бравѣ“, онъ предпослалъ ей введеніе „о началѣ проименованія козаковъ, отъ коего рода и племени, купно-же и древнѣйшихъ ихъ дѣйствійхъ“, послѣ чего слѣдуетъ у него сказаніе, „како Малая Россія подпаде лядскому игу“, начинающееся отъ стараго Владиміра и междуособія его сыновей. Но Грабянка не сумѣлъ до конца выдержать роли историка: съ эпохи Богдана Хмельницкаго его исторія болѣе и болѣе впадаетъ въ тонъ лѣтописи. Можетъ быть поэтому, а вѣрнѣе вслѣдствіе разбросанности и многорѣчивости, трудъ Грабянки не исполнѣвъ удовлетворялъ требованіямъ земляковъ, желавшихъ имѣть сваяную исторію своей родины. И въ отвѣтъ на эти требованія явилось „Краткое описаніе Малороссіи“. Основная мысль этого сочиненія — поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта мысль, помимо содержанія, видна уже въ самомъ заглавіи „Краткаго описанія“, гдѣ неизвѣстный историкъ Малороссіи ставитъ себѣ задачей показать, „какъ онаа, послѣ самодержавія великаго князя Владиміра, была подъ польскимъ владѣніемъ, и какъ нескоро послѣ того, по изгнаніи изъ оной ляховъ гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ, приведена подъ высокодержавную руку государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всероссійскаго“, и проч. Исходя изъ этой мысли и въ виду цѣлей преимущественно систематизаціи, автору „Краткаго описанія“ не было нужды собирать историческія свѣдѣнія, подобно своему предшественнику, „зъ розныхъ лѣтописцовъ и изъ діаріушовъ и самобитныхъ старожилловъ свидѣтельствъ“: воспользовавшись довольно обстоятельнымъ трудомъ Грабянки, онъ выбралъ изъ него все, что считалъ болѣе важнымъ въ исторіи Малороссіи, и передалъ это въ формѣ простаго и чрезвычайно сжатаго, но яснаго разсказа, доведя изложеніе событій по 1734 годъ. Что „Краткое описаніе“ есть компиляція или, вѣрнѣе, выборка изъ лѣтописи Грабянки, въ этомъ легко убѣдиться, сличивъ эти сочиненія между собою; но, нужно отдать справедливость, компиляція эта составлена весьма искусно, такъ что представляетъ гораздо болѣе стройности и цѣлостности, чѣмъ ея оригиналъ. Языкъ „Описанія“ гораздо болѣе приближается къ русскому литературному языку XVIII вѣка, нежели

въ другихъ малороссійскихъ лѣтописяхъ; въ немъ нѣтъ подражательности польско-латинскому, стилю, какая замѣчается въ лѣтописи Велички, и оно совершенно чуждо вычурности и церковно-славянской риторикѣ лѣтописи Грабянки. Собственно въ немъ отброшена многорѣчивость послѣдней и принято только фактическое ея содержаніе, отчего „Описаніе“, будучи по объему вдвое меньше лѣтописи Грабянки, немного уступаетъ въ полнотѣ содержанія своему оригиналу... Не смотря на множество фактическихъ и хронологическихъ ошибокъ, „Краткое описаніе Малороссіи“, благодаря краткости и ясности своего изложенія, вполнѣ, какъ видно, пришлось по вкусу современникамъ и вскорѣ получило широкое и довольно разнообразное употребленіе. Такъ, историкъ Малороссіи Н. Маркевичъ свидѣтельствуетъ, что гетманъ Разумовскій приказалъ сдѣлать съ этой хроникѣ копію, оригиналъ которой онъ подарилъ потомъ академіи наукъ. Копія вполнѣ въ послѣдствіи находилась въ яготинской бібліотекѣ князя Василія Николаевича Рѣпина, а имъ получена по наслѣдству отъ матери его, княгини Варвары Алексѣевны, урожденной графини Разумовской, родной внуки гетмана. Этимъ же спискомъ пользовался и самъ Н. Маркевичъ, постоянно называя его въ своихъ ссылкахъ „лѣтописью гетмана Разумовскаго“. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1777 году, членъ Вольнаго Россійскаго Собранія при московскомъ университетѣ Василій Григорьевичъ Рубанъ издалъ свою „Краткую лѣтопись Малыя Россіи“, будто-бы полученную имъ отъ преосвященнаго Георгія Конисскаго; но эта лѣтопись есть не что иное, какъ буквальный почти списокъ „Краткаго описанія“. Небольшая развѣдка между ними замѣчается въ томъ, что языкъ лѣтописи Рубана новѣе и чище, и кромѣ того нѣкоторыя событія (напр. войны Хмельницкаго) переданы болѣе сжато, иныя-же дополнены по другимъ записямъ; но для насъ ясно, что эти, чисто стилистическія, впрочемъ, измѣненія должны быть приписаны кіевскому полковнику, вполнѣ въ послѣдствіи канцлеру и свѣтлѣйшему князю, Александру Андреевичу Безбородку, который, какъ видно изъ предисловія, дополнилъ лѣтопись Рубана изложеніемъ событій съ 1734 по 1776 годъ, а также составилъ „Изъявленіе образа правленія въ Малой Россіи“ и приложилъ списокъ гетмановъ и другихъ старшинъ. Спустя 16-ть лѣтъ послѣ изданія лѣтописи Рубана, та-же самая хроника „Краткое описаніе“ послужила основой и для другаго историческаго сочиненія о Малороссіи, изданнаго въ 1788 году въ Парижѣ Шереромъ,

подъ заглавіемъ: "Annales de la Petite Russie". Между прочимъ, этой хроникѣ суждено было войти, хотя отчасти, въ составъ одного изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ малороссійской исторической письменности — лѣтописи Самовидца. Это случилось въ половинѣ прошлаго вѣка. Одинъ изъ переписчиковъ лѣтописи Самовидца, желая округлить ее, списавъ изъ „Краткаго описанія“ начало, гдѣ разсказывается о событіяхъ въ Малороссіи до войны Хмельницкаго, приточилъ къ лѣтописи Самовидца въ видѣ историческаго введенія къ ней, и продолжилъ эту лѣтопись, прерывающуюся 1702 годомъ, разсказомъ о событіяхъ по 1734 годъ, списавъ его изъ того-же „Описанія“. Въ такомъ видѣ одинъ изъ списковъ лѣтописи Самовидца попалъ въ руки Бодянскаго, который при изданіи лѣтописи слѣдовалъ этому списку преимущественно ¹⁾).

Авторъ „Разговора Великороссіи съ Малороссіей“, очевидно, тоже принадлежалъ къ числу почитателей „Краткаго описанія Малороссіи“; но онъ не ограничился лишь заимствованіемъ историческаго матеріала изъ этого описанія и восполненіемъ его изъ доступныхъ ему источниковъ, а повелъ дѣло далѣе, подчинивъ этотъ матеріалъ опредѣленной, тенденціозной мысли и придавъ ему посильную литературную отдѣлку.

Мы уже знаемъ, что основною мыслию „Краткаго описанія Малороссіи“ было поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта-же мысль отражается и на разсматриваемомъ нами „Разговорѣ“; но ближайшею, непосредственною задачею его было показать исконныя родственныя связи Малороссіи съ Великороссіей, существовавшія уже при первыхъ русскихъ князьяхъ, которыя временно нарушены были польскимъ владычествомъ надъ Малороссіей, но тѣмъ не менѣе всегда побуждали послѣднюю воссоединиться съ Великороссіей, а по воссоединеніи оказывать ей и русскимъ государямъ важныя услуги. Отсюда самъ собою слѣдуетъ выводъ, что Малороссія заслуживаетъ полной признательности и справедливости со стороны Великороссіи. Ближайшимъ поводомъ къ составленію „Разговора“ могла быть перемѣна правительственныхъ отношеній къ

¹⁾ Лѣтопись Самовидца съ приложеніями, Кіевъ, 1878 г., предисловіе стр. III—VIII.

Малороссіи, послѣдовавшая со смертію Елизаветы Петровны, когда Екатерина II задумала уничтожить гетманское достоинство въ Малороссіи и сравнить послѣднюю съ Великороссіей и въ другихъ отношеніяхъ. Изъ „Разговора“ видно, что на Малороссію теперь стали уже смотрѣть довольно косо, какъ на авантюристку, переходившую отъ одного государства къ другому, которая присоединилась къ Россіи только по необходимости, вслѣдствіе крайняго истощенія своихъ силъ въ борьбѣ съ врагами, и подъ владычествомъ Россіи запятнала себя измѣною въ лицѣ Мазепы. Чины малороссійскіе считались ниже соотвѣтствующихъ чиновъ великорусскихъ, да и самая Малороссія признавалась какъ бы вассальною страной по отношенію къ Великороссіи. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ началѣ царствованія Екатерины II нѣкоторые изъ малорусскихъ архіереевъ жаловались на приниженіе малорусскихъ духовныхъ лицъ предъ великорусскими въ это время. Въ 1763 году бѣлгородскій епископъ Іоасафъ Миткевичъ писалъ одному подтавскому другу своему слѣдующее: „Бѣда да горе! всѣ теперь малороссіане вездѣ въ крайнемъ презрѣніи; самые честные люди остаются съ нашихъ, а въ Тѣерь, а въ Владимірѣ промованы, которіи еще и недавно монахами съ русскихъ, однакъ добріе люде и достойные. Сіе по прочетѣ прошу сожечъ; а я разсуждая теперь пребѣдное отчества состояніе, плачу и въздыхаю. Господи помилуй“¹⁾. Въ виду такихъ обстоятельствъ, авторъ „Разговора“, какъ малорусскій патріотъ, старается доказать историческими фактами, что Малороссія искренно и чистосердечно присоединилась къ московскому государству и оказала ему громадныя услуги, что на нее не должно падать нареканіе за измѣну Мазепы, какъ единичнаго лица, которому не сочувствовала Малороссія, и что подобныхъ Мазепѣ измѣнниковъ своимъ государямъ въ самой Великороссіи было гораздо больше, чѣмъ въ Малороссіи. А какъ добровольно присоединившаяся къ московскому государству и постоянно остававшаяся ему вѣрною, она имѣетъ права на нѣкоторыя своеобразныя особенности, унаслѣдованныя отъ прежнихъ временъ, и на равенство съ Великороссіей въ чинахъ. Вотъ какъ отвѣчаетъ Малороссія Великороссіи въ „Разговорѣ“:

¹⁾ Нѣсколько страницъ изъ хроники южнорусской епархіальной жизни въ прошломъ вѣкѣ, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“, 1880 г., т. II, стр. 344.

Не тебѣ, государю твоему поддалась,

При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.

Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель.

Но государь твой и мой общій повелитель.

А разность наша есть въ приложеніяхъ именахъ.

Ты Великая, а я Малая живемъ въ смежныхъ странахъ.

Что-жь я Малой называюсь, а ты Великой,

То какъ тебѣ, такъ и мнѣ ни мало не дико.

Ибо твои предѣлы пространнѣ моихъ,

А моя обширностями поменше твоихъ...

Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ

Одному, не двумъ государямъ присягаемъ, —

Почему почитаю тебя равну себѣ.

Не говори: какъ обществу поддалась и тебѣ!

Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя я мени,

Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,

А не ты республикою повелѣваешь мною.

Ничѣмъ не умаленна царемъ я предъ тобою,

Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,

Обнадежена и впредь милостію тѣхъ.

Послѣднія слова даютъ понять, что „Разговоръ“ составленъ до упраздненія гетманскаго достоинства, съ отказомъ Разумовскаго отъ гетманства въ 1764 году. Это отчасти подтверждаетъ и самый языкъ „Разговора“, по словамъ Бецкаго, значительно „омоскадившійся“, который на этомъ пути занимаетъ середину между „Краткимъ описаніемъ Малороссіи“ 1734 года и „Краткою лѣтописью Малыя Россіи“ Рубана, 1777 года.

Въ видахъ публицистическихъ, авторъ придалъ своему „Разговору“ литературную форму и отдѣлку. „Разговоръ“, очевидно, писанъ лицомъ, получившимъ образованіе въ южно-русскихъ школахъ прошлаго вѣка и, можетъ быть, въ кievской академіи. Объ этомъ свидѣлствуютъ силлабическія вирши „Разговора“, также нѣкоторые излюбленные южно-русскими школьниками сюжеты, попадающіеся въ „Разговорѣ“, наконецъ и самая литературная форма этого произведенія. Послѣ появленія тоническаго стихосложенія Ломоносова, силлабическія вирши продолжали употребляться только въ южнорусскихъ школахъ и употреблялись здѣсь приблизительно до 1767 года¹⁾. Здѣсь, съ легкой руки Θεοφана Прокопо-

¹⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кievской академіи“ отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году“, въ „Трудахъ Кiev. Дух. Академіи“, за июль, 1866 г., стр. 330.

вича, седмая элегія Овидія въ 1-й книгѣ его *Tristium* передѣлывалась южнорусскими стихотворцами на разные лады¹⁾). Подобную передѣлку той-же самой элегіи мы встрѣчаемъ и въ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей“, влагаемую здѣсь въ уста козаковъ, оплакивавшихъ смерть Богдана Хмельницкаго. Самая форма произведенія, — разговоръ или діалогъ, тоже очень нерѣдко встрѣчается въ южнорусской школьной литературѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ, между произведеніями южнорусскихъ ученыхъ: „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ или пѣвцомъ“ и „Разговоръ гражданина съ тектономъ или древодѣлемъ“ Ѳ. Прокоповича, Диалогъ двухъ учениковъ предъ Елизаветою Петровною въ 1744 году. Диалогъ пастырей, писанный послѣ 1750 года, Разговоръ священника съ іеромонахомъ объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, послѣ 1775 года²⁾, Стихотворный сатирическій разговоръ кіево-печерскихъ монаховъ, 1 мая, 1786 года, по поводу предстоявшаго отобранія монастырскихъ имуществъ въ казну³⁾, и др. По своему строю и складу. „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ ближе всего подходитъ къ разговорамъ Ѳеодана Прокоповича и отчасти къ „Разговору священника съ іеромонахомъ“, отличаясь отъ нихъ только стихотворнымъ размѣромъ. Что-же касается содержанія и характера, то въ этомъ отношеніи нашъ „Разговоръ“ стоитъ гораздо выше означенныхъ разговоровъ Ѳ. Прокоповича и „Разговора священника съ іеромонахомъ“ и можетъ быть поставленъ рядомъ съ замѣчательнымъ по своему времени драматическимъ произведеніемъ кіевской академіи, подъ заглавіемъ „Милость Божія“, 1728 года. Последняя пьеса написана по поводу возшествія на престолъ Петра II и восстановленія гетманскаго достоинства въ лицѣ Давида Апостола и съ благоговѣніемъ воспоминаетъ Богдана Хмельницкаго, какъ идеальную личность въ козацкой исторіи⁴⁾. Равнымъ образомъ и „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“, пробѣгая всю почти исторію Малороссіи, съ особливою внимательностію и любовію останавливается на эпохѣ Богдана Хмельницкаго и ставитъ его въ центрѣ мало-

¹⁾ Тамъ-же за январь, 1867 г., стр. 101. См. мои „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, 1881 г., стр. 17.

²⁾ „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, 1881 г., стр. 26 и др.

³⁾ Издавъ въ „Русской Старинѣ“ за 1880 годъ.

⁴⁾ „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка“ 1880 г., стр. 51 и слѣд.

русской исторіи. Сходенъ нѣсколько и анализъ чувствъ дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ. Но авторъ „Разговора“ писалъ уже его не на школьной скамьѣ и присматривался къ дѣламъ внутренней политики Россіи не изъ-за школьныхъ стѣнъ, а болѣе близко и непосредственно. Очень можетъ быть, что онъ и самъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ воинскихъ дѣлахъ, о которыхъ въ первый разъ сообщаются свѣдѣнія въ его „Разговорѣ“.

Передаемъ самый текстъ „Разговора“, насколько онъ сохранился, съ подстрочными примѣчаніями къ нему, допустивъ въ орфографію его, въ мѣстахъ потребныхъ, и вм. господствовавшего и.

Н. Петровъ.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею.

Великорос- Кто ты такова родомъ, откуда взялася?

сія. Скажи, скажи начало, съ чего произвелася?

Малороссія. Отъ древнихъ казаровъ родъ веду и начало ¹⁾,

Названій сперва было у меня немало;

Ибо, по полунощныхъ разсѣянна странахъ,

Въ готскихъ, жмудскихъ и другихъ слыла я именахъ.

В.-Р. И нынѣ какъ зовешся—обяви точно мнѣ,

Подъ кимъ прежде жила, иль кто подлежалъ къ тебѣ?

М.-Р. Отъ разсѣяній Малой Россіею слыву ²⁾,

Издавна своими было вождами живу

И непріятелямъ многимъ сопротивлялась,

Силою, храбро и бодро съ ними сражалась,

Потомъ къ полскимъ королямъ стала ужь надлежать,

А оттуда отдалась другихъ царей искать.

¹⁾ О казарскомъ происхожденіи козачества довольно любопытную статью г. Изопольскаго помѣстилъ Виленскій сборникъ Atheneum, изд. г. Крашевскимъ. См. »Исторію Новой Сѣчи«, А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., ч. 1, стр. 23.

²⁾ О производствѣ названія Россіи отъ »россѣяннѣ« см. »Синопися« Иннокентія Гизела, Кіевъ, 1678 г., лист. 7.

- В.-Р. Кому послѣ в защиту себя привернула
И кому повѣкъ уже служить присягнула?
- М.-Р. Россійскаго Государя предъ всѣми почла,
Ему добровольно себя вѣчно предала
- В.-Р. Зачимъ было тебѣ отъ Полши отдиляця,
Зачимъ другому государю предаваця?
Видно, что не можешь при одномъ долго служить,
Рвешься толко туда и сюда переходить;
Одна самовольность тебя к тому доводитъ,
Которая ненависть к тебѣ другихъ родить.
- М.-Р. Сего вправду сказать ты не можешь про меня,
Будто по самовольности перехожу я:
Но видя толь славнаго Россійскаго царя,
Поддалась ему вѣчно, на турковъ несмотря,
Кои много разъ ко мнѣ дары присылали
И поддачи моей имъ всемѣрно желали.
Я-жь христіанскаго государя предпочла.
Ему в защищеніе повѣкъ себя дала:
Ибо тамъ силы мои много истощались,
Когда поляки злобно надо-мною здѣвались,
Почему здѣсь я уже на вѣкъ утверждена,
Силною рукою отъ враговъ будучи спасенна.
- В.-Р. Такъ ты толко видно тѣмъ вздумала поддаця,
Что не могла своею тамъ силою защищаться,
А не по усердію и вѣрности прямой,
И сидя спокойно ползуешься толко мной?
- М.-Р. Усердіе мое и вѣрность видишь явну,
Добровольну поддачу почетъ за главну,
Чего ежелибы во мнѣ вправду не было,
Войско бы мое себя ему не поддало,
Но искало-бъ въ защиту свою власти другой.
Вспомни, что представила я выше предъ тобой!
И сего не можешь промолвить ты устами,
Будто одними живу твоими трудами;

Ибо в мирно толко время спокойно сижу,

А в воинское и своихъ всѣхъ силъ не щажу.

В.-Р.

Да гдѣ и какіе твои силы и сколько?

М.-Р.

Войска моего щитается нынѣ столко,

Что можно сто иль болше еще тысячь набрать.

Ежели просто толко числомъ полки считать,

Но имѣю десять весьма довольныхъ полковъ),

Бои изъ самихъ лучшихъ состоятъ козаковъ.

А о мѣстѣ и качествѣ спрашивать странно,—

Оно въ своихъ предѣлахъ стройно и пространно.

В.-Р.

Есть ли экзерциція воинская у нихъ,

И были-ль гдѣ в походахъ и именно в какихъ,

Кто надъ ними былъ и есть комендирь главной,—

Представъ, буди знаешь ты, свой видъ какой явной.

М.-Р.

Хотя экзерциціи далной у мене нѣтъ,

Однакъ к воинскимъ дѣламъ привыкла з давнихъ лѣтъ

И неутомимой храбростію своей

Притупила неприятельскихъ много мечей.

Про проворство-жь мое воинское в походѣ

Скажу тебѣ, что было в трицять пятомъ годѣ.

Анны императрици послѣдовалъ указъ

Выбрать изъ козаковъ сто для пробы одинъ разъ

И отослать онихъ до пруского короля,

Чтобъ обучить военной регули немедля,

Дабы из того лучше было можно усмотрѣть,

Какихъ козацкая храбрость есть въ себѣ примѣть,

Кои за одинъ годъ такъ остро обучены,

Что когда в Санктъ-Питербурхъ были приведены

И предъ самимъ Государыни оной лицемъ

Регулу воинскую оказали, во всемъ;

*) Въ 1776 году были слѣдующіе 10 полковъ: стародубскій, Черниговскій, кievскій, нѣжинскій, прилуцкій, переяславскій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій. См. »Изъясненіе настоящаго образа правленія Малыя Россіи«, при »Краткой лѣтописи Малыя Россіи«, Рубана, 1777 года.

То Государыня при многихъ тамъ господахъ
Дивуясь, изволила отворится в сихъ словахъ:
Довольна-бъ я была,

Когда-бъ гвардія моя такъ явится могла.

И такъ онимъ козакамъ награжденіе давъ,

Бъ Глухову означенны (х) при указѣ пославъ ¹⁾.

Бросили козаковъ учить регули съ поръ тѣхъ,

Разсуждая, что природна храбрость у нихъ всѣхъ.

За той же Государыни на четвертой годъ (1739)

Минихъ, ненавида малороссійской народъ,

Когда на вопросъ отъ Ея Величества данъ

Злобно похулить вздумалъ всѣхъ малороссіянъ,

То притомъ другой фельтмаршалъ Лессій обличилъ

Оную Миниха неправость и объявилъ,

Что малороссійской народъ во всомъ усердній,

Россійскому государству неместно верній

И въ сопротивленіяхъ воинскихъ такъ открытъ,

Что никто себя тамъ по вѣрности нещадить ²⁾.

В.-Р.

С нетерпеливостію жду отъ тебя отвѣта,—

Бывала-ль въ походахъ и которого дѣта!

Скажи мнѣ и про своихъ начальниковъ главнихъ!

А стройность твою уже вижу въ видахъ явнихъ.

¹⁾ Въ полномъ собраніи законовъ россійской имперіи мы не нашли такого указа.

²⁾ О неблагопріятныхъ отзывахъ Миниха насчетъ козаковъ см. »Исторію Россіи«, Соловьева, т. XX, стр. 98, 117 и др. По словамъ-же Географическаго Словаря (ч. II, стр. 18), »нѣсколько тысячъ человѣкъ (запорожскихъ козаковъ) ходили въ 1736 году съ фельдмаршаломъ графомъ Лассіемъ въ Крымъ и чинило арміи вспоможеніе при завоеваніи Перекопа, Козлова и ханской столицы Бахчисарая. За что фельдмаршалъ храбрые ихъ поступки при дворѣ такъ выхвалялъ, что имъ присланы были отъ Ея Величества, вмѣстѣ съ милостивою грамотою, одинъ большой и четыре малыхъ штандарта, съ государственнымъ гербомъ, бунчукъ, обшитый золотою парчею, серебрянная позолоченная булава для кошевого и другіе позолоченные серебряные и каменьями осыпанные знаки, также знатная сумма денегъ въ подарокъ«. См. Исторію Новой Сѣчи А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 101.

М.-Р.

Тысяча пятьсотъ шестого года

Первой гетманъ мой былъ сенаторскаго рода
Леславъ Ляцкоронскій. Сей когда мною управлялъ

Многократно съ козаками турковъ побиждалъ.

Двацять восьмь лѣтъ спустя Венжигъ Хмелницкій былъ:

Сей гетманъ подъ Заглавемъ орду мною поразилъ,
Которая какъ многочисленна ни была,

Храбрости однакъ моею одолѣть не могла.

Послѣ сорока лѣтъ потомъ гетманъ Свѣрговскій,

С которымъ вмѣстѣ былъ и господарь волосскій,

Одержалъ надъ турками четырнадцать побѣдъ,

Побивъ и плѣнныхъ много погнавъ за собою вслѣдъ.

Году тысяча пятьсотъ семьдесятъ шестого

Гетманъ Богданко татаръ крымскихъ плѣнилъ много,

А остальныхъ тамже наголову побилъ всѣхъ,

Повоевавъ разорилъ в татарскихъ странахъ тѣхъ ¹⁾.

В.-Р.

Знаю ужъ, что начальники твои гетманы.

Скажи еще признаки (про знаки) и бимъ прежь имъ даны,

О побѣдахъ также, естли болше имѣла,

Скажи, надъ бимъ и съ какимъ при комъ гдѣ успѣла!

М.-Р.

Я въратцѣ выше сего объявила тебѣ,

Много распространять не хотѣла о себѣ

И тѣмъ побѣдъ своихъ пропустила не мало;

Но когда хочешь слушать, скажу и начало.

¹⁾ О первыхъ гетманахъ здѣсь сказано на основаніи >Краткаго описанія Малороссіи < 1734 г. Мы приводимъ изъ него соотвѣтствующія мѣста по кievскому изданію 1878 года. >И въ року 1506 первый былъ гетманъ войскъ запорожскихъ изъ фамилии сенаторской именуемый Прецлавъ Ляцкоронскій. Сей многократно землю турецкую съ козаками щастливо воевалъ... 1534. Послѣ того былъ гетманомъ запорожскимъ козакъ Венжигъ Хмелницкій и побилъ великую орду подъ Заславямъ на Волинѣ. 1574. Опослѣ же, при королѣ польскомъ Генрикѣ французѣ, былъ гетманъ запорожскій Свѣрговскій, который з Иванею, господаремъ волоскимъ, по 14 щастливихъ имъ войнахъ на турковъ, на остатокъ от турковъ в Волохахъ убитъ zostалъ со всѣмъ войскомъ. 1574. Послѣ былъ гетманъ Богданко. Сей повоевалъ Крымъ. (стр. 212 и сл.).

Козаки издавна воинскими дѣлами
 Бывали весма храбри своими полками.
 На вѣрпкой тотъ городъ Цариградъ наступали,
 Турковъ и татаръ безчисленно поражали,
 Самоволно ходили в помощь царствамъ инимъ,
 Безъ платежа служили королевствамъ другимъ,
 По воинской охотѣ себе не щадили,
 Рѣки переплавали, моря переходили.
 Одна та в принятію великихъ нуждъ гнала,
 Одна та войной прославляется понуждала,
 Не могла терпѣть и лѣта моя живна кровь,
 Чтобъ не послать куда на брань своихъ козаковъ.
 Да и сами они нарѣкали на меня,
 Если когда сврою войну, в дому ихъ держа.
 С великимъ стремленіемъ бѣжали сражаться,
 В несказаннія труды горѣли вдаваться,
 За отечество, вѣру и вѣрность всѣ бились.
 В многихъ опасностяхъ безстрашни находились.
 „Доставь, доставь, небо, предковъ нашихъ цѣлость намъ!
 Доставь,—бричали,—чтобъ мы не служили врагамъ“!
 Россія Малая в цѣлости своей зовусь,
 За сыновъ своихъ з неприятели в кровь бьюсь.
 Сыновя мои вѣрни пребудутъ в вѣкъ при мнѣ,
 Додержать до конца добру храбрость при себѣ
 Самопалы, обухи, луки, волчаны стрѣль
 И списы—оружіе ихъ было из давнихъ временъ.
 Тѣмъ однѣмъ предѣлы свои прежь защищали,
 С тѣмъ однѣмъ и вдаль к неприятелю ступали.
 А о множествѣ толь храбрыхъ козаковъ моихъ
 Напомню тебѣ то, что нѣкто сказалъ про нихъ.
 Когда саятанъ турецкій объ нихъ спрашивать сталъ,
 Именемъ всего общества одинъ отвѣчалъ:
 „У насъ что лоза или байракъ, то и козакъ“.
 Ибо в малыхъ куреняхъ жили по сту, двѣстѣ
 И поболше козаковъ согласно всѣ вмѣстѣ,

Коиъхъ упражненіе состояло въ войнѣ.

Гнали вепрїятелей звнугръ себя и внѣ

И такимъ образомъ славились побѣждая,

Богатились, воински добычи взимая.

В тысяча пятьсотъ пятомъ году татаръ збили,

Огнемъ и мечемъ всю землю ихъ поразили.

До тѣхъ поръ козаки с выборными своими

Продолжали брань кровну з землями чужими.

Потомъ Стефанъ Баторій король полскій славній

Привель козаковъ еще в лучшій строй и главный;

Ибо чрезъ годъ гетмана над ними поставиль,

Волности вновъ надалъ и прежніе доставиль,

И прислалъ ему арматы, бунчукъ з булавою

И всякіе воинскіе принасы з корогвою,

Учредивъ тожъ по гетманѣ обозныхъ судей,

Асауловъ, здѣлавъ порядокъ в ихъ странѣ всей,

Опредѣливъ также и полковниковъ в полбахъ,

Привилегіями ствердилъ въ вѣчныхъ временахъ.

При семъ королѣ первій гетманъ опредѣлень,

Кой в исчисленіи краткомъ выше объявленъ.

На тысячу миль Азію повоевали,

Тогда и Трапезонъ в турковъ козаки взяли

И подъ Константинополемъ с своими браты

Побрали тожъ добычи многія богаты.

А при гетманѣ Шаху (1577 года) молдавцовъ побили,

Такъ что все ихъ войско в крайней бѣдѣ стѣснили.

Гетманъ Петръ Банашевичъ Кефу городъ досталъ

И многихъ плѣнныхъ своихъ отъ турковъ назадъ взялъ.

Онъ же и подъ Хотѣню такъ ихъ преодолѣлъ,

Что из всего войска едва полкъ остался цѣль ¹⁾.

¹⁾ О гетманахъ со времени Стефана Баторія, упоминаемыхъ въ >Разговорѣ<, въ >Краткомъ описаніи Малороссіи< говорится слѣдующее: >При Стефанѣ-же Баторіи королѣ полскомъ, в томъ же 1576 году, козаки въ лучшій порядокъ устроени, который, ради ихъ мужества, поставиль самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то есть рицеръ с самопаломъ,

Видишь, какъ сильна я войскомъ своимъ была
 Прежде, и какъ подъ польскою короною жила!
 Сего объявленія храбрости отъ меня
 Довольно уже, думаю, будетъ для тебя.

В.-Р. Ахъ, какъ ты скучна! уже-ль тебѣ говорить лѣнь?

Для сихъ забавъ пожалуй, проводи со мною день!

М.-Р. Достанется и ночи, какъ загремлю войною.

Храбрость моя пространна,—бодрствуй только со мною!
 Я тебе къ той точкѣ привела свою рѣчью,
 Какъ жила подъ Полцею з Запорожской Сѣчю
 И на войнахъ была з своими козаками,
 Побѣждая и обладая городами.

А нынѣ объявлю ужъ со славой то время,

Какъ сложивъ зъ себя ляховъ несносное бремя,
 Воевала с ними и з другими народы,

Проходя многотрудно горы, поля, воды;
 Покажу и причину, зачѣмъ отдалилась;

Представляю, что не без обиды съ нею билась.
 Начали ляхи в западной церквѣ приводить,

Несносни дани налагать, за недачу-жъ бить;
 Козацкихъ дѣтей в котлахъ тирянско варили,
 Женамъ сосцы отрѣзвали и мертвили ¹⁾.

на роговъ колпакъ перекривленный, и рогъ при боку... Да тотъ же король Баторій и старшину войсковую у нихъ учредилъ: обозныхъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ... В то время козаки, напавши в Азию, на 1000 миль повоевали, Трапезонтъ взяли и изѣбли, Синоцъ до фундаменту опровергли и под Константинополемъ користи побрали (стр. 214)... Да въ томъ же 1577 году былъ гетманъ запорожскій... Шахъ, при которомъ козаки... многіе бѣды волохамъ нападками дѣлали... Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманомъ отозвался, который съ козаками Кафу, турецкій городъ надъ моремъ (нынѣ Феодосія), завоевалъ и, многихъ христіанъ оттуду свободивши, съ богатыми користми вернулся... Року 1621 Сагайдачный пакъ учиневъ гетманомъ, который..., собравши 6000 реестровихъ козаковъ, ходилъ съ ляхами подъ Хотѣнь на турка, котораго тамъ и побѣдили « (стр. 215—216).

¹⁾ Соответствующее мѣсто въ «Краткомъ описаніи Малороссіи» читается такъ: поляки «великую свободу козакамъ отняли и тѣжкіе и вымыслные подати

И что только ко озлобленію вздумать могли,
 Производили въ дѣло: грабили дома, жгли.
 Для того за такое нарушеніе церквей
 И страшное мученіе козацкихъ дѣтей,
 Выбравъ гетманомъ Тараса надъ собой всѣми,
 Сыграли войну подъ Переясловомъ с тѣми,
 Гдѣ поляковъ побито премногое число;
 Не мало тожъ и в полонъ въ мою страну пришло ¹⁾.
 До тогожъ за трицять одинъ годъ в полскихъ странахъ
 Гетманъ Наливайко Слуцкъ и Могилевъ сжегъ въ прахъ
 И безмѣрное побилъ тамъ множество ляховъ,
 Приводившихъ къ западу восточныхъ козаковъ ²⁾,
 Кои с тѣхъ поръ начало к войнѣ возимѣли,
 На ляховъ с полками своими запумѣли.
 Почему тѣ со мною то лестно примирились,
 То опять, нарушая миръ, дратся вновь рвались.
 И какъ ни начинали жестокою войну, —
 Поражали козаки силу ихъ не одну.
 По переясловской войнѣ десять лѣтъ спустя,
 Ляхи козаковъ войною погубить всѣхъ хотя,
 Не только успѣху в мысляхъ не получили,
 Но и сами еще себя тамъ погубили;
 Ибо в престестовомъ вимерзли всѣ морозѣ
 И с лошадей падая погибли в обозѣ ³⁾.

наложили необычно, церкви и образы церковные жидамъ распродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ витискали и протчая» (стр. 218).

¹⁾ » 1628. Ради великихъ тягостей и озлобленій не токмо козакамъ, но и церквамъ русскимъ, отъ поляковъ творимыхъ, повставши козаки на ихъ, обратил гетмана Тараса и, учинивши съ ляхами баталію подъ Переясловомъ, множество ихъ побил и примирились». Тамъ-же, стр. 217.

²⁾ » За тую ж унѣю (1594) взявшись потомъ противъ ляховъ, гетманъ запорожский Наливайко съ козаками Слуцкъ и Могилевъ спалилъ и ляховъ многихъ спалилъ». Тамъ же, стр. 215.

³⁾ » Въ томъ року 1638 собралися—били козаки с Полторакожукомъ гетманомъ на Мерлѣ, но тамъ розбѣглися, послыхавши о приходѣ князя Вишневец-

А при свободители всей Малой Россіи
 Какъ славно пораженны были ляхи сіи!
 Храбрій тотъ Хмельницкій козаковъ предводитель
 Много разъ оставался надъ ними побѣдитель.
 Онъ отдалилъ отъ Полши всю козаковъ силу,
 Окружилъ ляховъ войскомъ спреды и стылу.
 Тамъ отъ ревучого треску стогнала земля,
 Пала на мѣстѣ не одна тысяча стена.
 Звукъ огненныхъ оружіи давалъ эхо лѣсамъ,
 Стался густой дымъ в поляхъ по полскимъ головамъ;
 Рвы, долины ровнялись съ холмами, горами,
 Наполнены были кровавыми рѣками.
 А кои имѣли щастіе в живихъ остаться,
 Начали всѣ отъ страху въ бѣгство обращаться.
 Почему тогда Потоцкій гетманъ коронный,
 Ободря всякой полкъ свой пѣшій и конный,
 Привуждалъ къ сопротивленію козакамъ тѣмъ:
 Стыдно, говорилъ, не защищать себя намъ всѣмъ.
 И хотя ляхи опривитися опять рвались,
 Однако какъ снопи при силнихъ мечахъ валялись.
 Причемъ преужасному дождю быть случилось,
 Итакъ все ружье ихъ огненно помочилось.
 Симъ образомъ поляки главно пораженни,
 Такъ что всѣ ужъ къ послѣдней бѣдѣ приведенни.
 Сынъ Потоцкого, два рази раненъ стрѣльбою,
 Палъ с лошадей и умеръ на ономъ же бою.
 Обозъ ихъ разграбленъ, протчіе побраны в плѣнъ.
 Одна толко мертвихъ осталась на поляхъ тѣнъ,
 Да Грешинскій, который по щастію убѣжалъ,
 Но и тотъ отъ козаковъ много ранъ тамъ досталъ¹⁾.

кого. Однакожъ тогда и безъ войны поляковъ многое число погубило от жестокихъ морозовъ«. Тамъ-же, стр. 218.

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о битвѣ надъ Желтыми Водами, 1648 г. > По веснѣ гетманъ коронный и каштелянъ Павелъ Потоцкій командировалъ сына своего Стефана въ 6,000 ляховъ полемъ, а Барабаша, учинивши за присягою гетманомъ

Потомъ того-жъ шестьсотъ сорокъ осмого году
 Ляхи, ваявъ еще своего много народу,
 Собрались подъ Корсуномъ съ арміею другою,
 Гдѣ услышавъ о славной козацкой силѣ той,
 Стали было отъ страху проломомъ уходить,
 Чтобъ и другою арміи также не погубить.
 Но козаки приспѣвъ ляховъ с лошадей збили
 А пѣхоту полску такъ крѣпко воспятели,
 Что поляки и вехотя зсѣдши съ лошадей
 Войну имѣли с козаками нѣсколко дней,
 Гдѣ побити на голову многіе изъ нихъ,
 И обозъ также весь тамъ бѣдно разграбленъ ихъ.
 Здѣсь козаки, при помочѣ крымскаго хана,
 Плѣнили Потоцкого полскаго гетмана
 И другого Калѣновскаго въ полонъ взяли,
 Причемъ и полководцовъ много тежъ побрали ¹⁾.

запорожскимъ, въ 6,000 реестровыхъ козаковъ водою днѣпровую при жолѣтрахъ нѣмецкихъ, зовемыхъ гусария, на Запорожьѣ виправилъ ловить тамъ и разгромить Хмельницкаго... Но Хмельницкій вишолъ з луговъ въ поле на Жолтые Воды, первѣ послалъ Ганджу до реестровыхъ козаковъ къ Днѣпру перемовлять ихъ на свою сторону и перемовилъ, где заразъ Барабаша Хвилонъ Дженджелѣй скололъ сонного, а потомъ и всю старшину ихъ и лядскихъ полковниковъ то побили, то потопили, и из драгунѣю нѣмецкою, лязамъ измѣнившешю, до Хмельницкаго пришли. И такъ, когда генераль сынъ Потоцкого наспѣлъ съ войскомъ своимъ до Жолтихъ Водъ, тотъ часъ баталѣя сдѣлалась и прогнаны ляхи къ Княжимъ Байракамъ, где Потоцкій убитъ зосталъ, а с нимъ и комѣсаръ казацкій, и войско его иное въ полонъ взято..., а иныхъ посѣчено съ помощью татаръ«. См. » Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220. Но здѣсь ничего не говорится о Грешинскомъ, упоминаемомъ въ »Разговорѣ«.

¹⁾ »Того жъ року (1648), якъ собралися гетмани полскіе, самъ Потоцкій коронній и Калѣновскій полный, съ войскомъ полскимъ отъ Стеблева, за мило будучи къ Корсуну, и начали битися съ козаками и татарами«. Обманутые ложнымъ извѣстіемъ о приближеніи большихъ силъ татарскихъ и козацкихъ, они пошли было на проломъ и заведены провожатымъ козакомъ въ долины, яруги и болото. »Когда ляхи одни на гору ступали, а другіе въ болото входили, тогда Хмельницкій вдарилъ на нихъ и обозъ разгромилъ весь, и ихъ посѣкши, козаки користи забрали, гетмановъ-же обихъ съ прочими панами полскими взяли татаре въ полонъ«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220—1.

Заставляла поляковъ кровна побѣда та
 Просить у козаковъ оставшимся живота.
 В томже годѣ тотъ-же гетманъ Зѣновій Богданъ
 Подъ Пилявцами городомъ имѣлъ с ними брань,
 Гдѣ онъ с четырма тысячами козацкихъ силъ
 Да татаръ столко жъ ужасно ляховъ поразилъ.
 Шестьдесятъ тысячъ рядовихъ поляковъ пало,
 А и знатнаго шляхетства также не мало ¹⁾.
 Страхъ и трепеть Хмельницкій полского народа,
 Побѣдилъ ихъ и подъ Збаражемъ того-жъ года,
 Онъ же и подъ Зборовомъ далъ себя славно знать,
 Вѣчно будутъ ляхи тотъ проиграшъ вспоминать.
 Во время ужаснаго бою на мѣстѣ томъ,
 В пророчество бѣды полякамъ, ударилъ громъ.
 И когда трѣскачїе облака наступили,
 То и знамена и корогви ихъ разбили.
 Не было пищи имъ, ни корму ихъ лошадямъ,
 Для того всѣхъ оныхъ отогнали къ козакамъ,
 А сами по неволѣ той пѣши остались,
 Не бились уже, но жизни отчаевались.
 Ибо оконалъ ихъ Хмельницкій округъ валомъ
 И стѣнилъ войско оныхъ в одномъ мѣстѣ маломъ,
 Такъ что послѣдній конецъ приходилъ имъ уже.
 Поѣли бывшіе съиствнїе припаси всѣ,
 Почему здѣлался великой голодъ у нихъ:
 Начали ляхи искать у полѣ костей гнилихъ;
 З жадностію ѣли мясо смраднихъ лошадей;
 Ловили для пищи кошегъ, собакъ и мишей.

¹⁾ » Да того жъ 1648 року, сентеврїя послѣднихъ чисель, под Пѣлявкою городкомъ страшная война была съ превеликою ляховъ бѣдою, где шестдесятъ тысячъ ляховъ пановъ, а слугъ и пахолковъ ихъ стройно шесть тысячъ, ружейныхъ втрое противъ того числа, Хмельницкій съ козаками и съ 4000 татаръ при Карачѣ бею Мурзѣ, побѣдивши, однихъ порубилъ, другихъ прогналъ с. Тамъ-же, стр. 222.

За одну песю лапку другъ зъ другомъ въ кровь бились.
 Страшно и жалко смотрѣть было, какъ жилились:
 За маленькую криху (по другому списку — *крису*) на
 поединокъ шли,

Одну оную на тысящия части влекли;
 Ини-жь жарку землю кусали зубами,
 С конскимъ навозомъ рвали оную устами ¹⁾.
 Смотри, до чего храбрость козацка привела!
 Разсуждай, какъ Полща отъ ней стѣснена была!
 Но сего недоволю,—скажу еще много,
 Чтò было ей того-жь году сорокъ осмого.
 Козаки подъ Берестечкомъ с помочю татаръ
 Вступили с ляхами в сильной сраженія жаръ,
 Гдѣ славны ротмистри с полковникомъ Стаднѣцкимъ
 И прочие знатнѣйшіе побити Хмелницкимъ.
 Знатнѣйшихъ число до пятисотъ простиралось,
 А рядовихъ всѣхъ нѣсколко тысячъ считалось.
 Одинъ же тотъ годъ и подъ Бѣлу-Церковъ водилъ,
 Одинъ тотъ-же ляховъ и тамъ сильно поразилъ.
 Хмелницкого предводителство и тамъ было,
 Хмелницкого щастіе и тамъ войнѣ помогло.
 Онъ безстрашно и горячо вступилъ въ брань с ними,
 Разбилъ тожь все ихъ войско полками своими.

¹⁾ » Ханъ крымскій съ ордою самъ до Хмелницкаго пришолъ въ 1649 року, съ которымъ когда войско козацкое совокупилось подъ Збаражемъ, то и поляки, виведши полки, обози свои валомъ обнесли. Однако въ окопѣ многіе отъ стрѣлбы козацкой пропали, чего ради тѣснѣйше другіе вали здѣлали себѣ и потомъ еще узше, далѣе же конѣ свои за окопъ къ козакамъ вигнали, а на остатокъ для стѣсненія ихъ самъ Хмелницкій велѣлъ окопать вокругъ валомъ, где поляки, по истощаніи живности, съ голоду конские мяса и собачие и кошечие и миши ѣли, землю спеклую кусали зубами; тамъ козаки ляховъ облеженцовъ, близко къ нимъ приходючи, несповѣдимо ругали и укоряли по-своему. Поляки дали тайно знать о своемъ положеніи королю, который съ 20,000 отборнаго войска уже приближался къ Збаражу. » Но Хмелницкій, туда съ комянникомъ и с татарами пошедши противъ короля и нечаянно вдаривши на обозъ подъ Зборовонъ, первѣе пѣхоту, раздѣлившуюся въ маршѣ, а потомъ конницу людскую посѣкъ. Тамъ-же, стр. 224—225.

Мертвыми тѣлами поля были покрыти,
 Тысячи самихъ знатнѣйшихъ ляховъ побити,
 Чего и Воловичъ главнѣй ихъ не избѣжалъ,
 Силною рукою весь изсѣченъ мертвъ на землю палъ.
 Стенаніе раненыхъ отдавала земля,
 Шумѣла горячей побитихъ кровю кипя.
 Тамъ солнечніе лучи тупо проходили,
 Густыя тѣни тѣлъ мертвыхъ холми покрыли;
 Поля багрянымъ были залиты все блескомъ,
 Рвались лѣса козацкимъ огненнымъ трескомъ;
 Усугублялъ облаки тамъ густой дымъ с огнемъ;
 Грозилъ еще козагъ ляхамъ кровавымъ мечемъ,
 Рвался, ярился или самому в конецъ пасть,
 Иль до остатку избить всю области ихъ часть;
 Свивалась пѣна бѣлымъ клубкомъ въ устахъ его,
 Казала еще громъ на ляха врага того,
 Искалъ онъ по вертепамъ, пропастямъ земнымъ, рвамъ,
 Хотѣлъ и память истребить в вѣчнымъ временамъ¹⁾.
 Такимъ убѣжденни будучи ляхи страхомъ,
 Даби не пошла вся земля ихъ въ конецъ прахомъ,
 Слезно козаковъ начали о мирѣ просить,
 Обѣщая имъ все волности возстановить,
 Почему Хмельницкій со всемъ козацкимъ зборомъ
 И заключилъ с ними миръ с онимъ договоромъ.
 Но и слѣдующему лѣту понеже опять
 Лестніе ляхи стали козаковъ утѣснять
 И препятствовали сыну его во всю мочь
 Взять за себя волоского (вар. молдавского) госпо-
 даря дочь;

¹⁾ Здѣсь говорится о битвахъ козаковъ съ поляками подъ Берестечкомъ и Бѣлою-Церковію, происходившихъ не въ 1648 году, какъ значится въ «Разговорѣ», а въ 1651 году. Битвы эти были несчастны для козаковъ; но «Разговоръ» умалчиваетъ объ этомъ и даже, вопреки всемъ источникамъ, представляетъ козаковъ побѣдителями. Ничего подобнаго нѣтъ въ «Краткомъ описаніи Малороссіи», которымъ авторъ «Разговора» преимущественно пользовался въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія.

Для того Хмелницкій, с татарами согласясь,
 Мечемъ порубилъ ляховъ, с Калѣновскимъ сразясь,
 Которій полской оной короны тотъ гетманъ
 На семь страшномъ сраженіи также смерти преданъ,
 И Собецкій староста Красноставскій скончался
 Побижденъ и убитъ, какъ силно ни опирался.
 Калѣновскому татаринъ голову срубилъ,
 На копы принесъ и Хмелницкому сообщилъ.
 А Самуиль, синъ Калѣновского гетмана,
 Побѣжавъ отъ козаковъ и крымского хана,
 Утонулъ в Бубновки, на мосту обвалился. —
 Такъ погубивъ жизнь, с ними и не сразился.
 Здѣсь ни одинъ изъ ляховъ не остался в живихъ,
 Пали всѣ на Батозѣ в немощахъ силъ своихъ ¹⁾.
 По той побидѣ нѣсколко времени спустя
 Побиты и под Жванцемъ, сами побить хотя ²⁾.

¹⁾ «По веснѣ (1652 г.) Хмелницкій... повелѣлъ войску в поле выходить и послалъ къ молдавскому господарю, требуя по уговору дочери его сину своему в жену, инакоже грозя въ 100,000 войска прийти къ нему въ гостину; чего ради волохи всѣ, боясь разоренія землѣ своей, настояли на своего господаря, дабы не отрѣкалъ Хмелницкого сыну дочери своей, и хвалились самого его, естли того не учинить, видать. Господарь же тайно послалъ къ королю полскому, просячи препятствія, и потому Калѣновскій, гетманъ полный, притягль, сталъ на Батозѣ с войскомъ конницѣ 6,000, а регулярной пехоти 3,000, кромѣ охотного, и заступили дорогу Хмелницкому до Волохъ; куда къ Калѣновскому и братъ его, в Нѣжинѣ квартировавший, прибиль съ войскомъ... Тогда жъ, какъ сошлись козаки и татаре съ ляхами, тотъ часть козаки и нехотя ударили на обозъ лядскій, а татаре на войско лядское, которое, не вѣдая козаковъ, опановавшихъ обозъ ихъ, туда обратился; ажъ козаки, запаливши обозъ ихъ, противу нихъ бросились, а тутъ рѣка Бугъ. И такъ ляховъ всѣхъ висѣкли, въ томъ числѣ и самого гетмана Калѣновскаго, котораго и голову до Хмелницкого на копы принесено, и Собецкого старосту красноставскаго; прочинхъ же избѣгннхъ послпство, изволѣкая от боло-та, убивали нещадно, а сынъ Калѣновскаго въ Бубновцѣ, бѣжа мостомъ, обвалился, утонулъ; иныхъ же многочисленныхъ татаре были-побрали, но и сихъ Хмелницкій, мстячися за Берестецкое надъ козаками немилосердіе, всѣхъ велѣлъ порубать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 234—235.

²⁾ «Въ 1653 году король знову похотѣлъ самъ ити войною на Хмелницкаго, котораго съ войскомъ увидячи онъ Богданъ Хмелницкій под Жванецъ, скуд-

Такимъ образомъ они в безмѣрной страхѣ пришли,
 Чтобъ къ послѣдней бѣдѣ козаки не привели:
 Бросили жилища свои пусты в городахъ,
 Разбѣжались всѣ по пустынямъ, горахъ (вар. поляхъ)
 и рвахъ

И мертвія тѣла, кои уже сотлѣли,
 Вигребали, какъ звѣри, отъ гробовъ и ѣли.

»Жрѣте тлѣнны человѣческія приправи!

Кричали козаки,—всѣ вы ляхи лукави!

Такимъ буганемъ кормить васъ давно достойно!

Не умѣли вы нами управлять спокойно.

Зачимъ было вѣру нашу ламать стараться?

Зачимъ било над нами явно издѣваться?

Для того-ль мы с войскомъ своимъ жили под вами,

Чтобъ пожитки наши грабили вы з жидами ¹⁾.

Дадѣте отвѣтъ за тиранскія мученя,

Отмститъ еще болше небо за озлобленія.

Уже-ль вамъ не ставало пищи, чѣмъ жизнь прожить,

Что начали и дѣтей нашихъ в котлахъ варить?

Вспомнѣте, сколько вы с нами миръ заключали!

Представте-жъ, какъ скоро и часто нарушали!

Лестъ ваша одна съ злобою дѣйствовала во всемъ.

Хотѣли истребить насъ, смучить, побить мечемъ.

(Справедливость однако наша побѣдитель,

Предсталъ намъ Хмельницкій, общій нашъ свободитель.

Пребудеть память его у насъ в роди родовъ,

Пребудеть во вѣкъ и слава, храбрость козаковъ.

ное на все мѣсто, пустилъ вѣсти, что будто-бы, не вѣдая о смерти сыновей, ѣдетъ въ Волощину своимъ въ помощь; которому путь воспящая, король сталъ на Жванцѣ. Куда какъ Хмельницкій, нечаянно съ ханомъ пришедши, обступили полское войско, такъ оное въ тѣснотѣ отъ голоду изнемогать стало, отчего изъ 15,000 пѣхоты полской толко 4,000 осталось, и конного многое число отъ меча и голода пропало». Тамъ-же, стр. 238.

¹⁾ Доселѣ текстъ »Разговора« сохранился въ спискахъ Румянцевскаго Музея и г. Ефименка: слѣдующія-же страницы найдены колько въ спискѣ г. Ефименка.

Защита ваша правда не отъемлется вамъ,
 Послѣдуетъ всегда погибель нашимъ врагамъ.)
 Только ушь полно вамъ сили наши в страхъ истощать!
 Найдѣмъ державу, которая будетъ защищать.
 Утѣснялъ Булканъ троянь,—вступился Аполлонъ.
 Злилась Юнона на Енея, вожда троянь;
 Однако овъ отъ Венери к обидѣ не данъ. .
 Свирѣпъ Нептунъ хотѣлъ отнять Улиссовъ животъ,
 Но Минерва вступила за него въ кривавій потъ.
 Поидеть солнце прежде отъ запада на востокъ,
 Нежелъ мы преступимъ, ужъ давъ, оной свой зарокъ.
 Воды в рѣкахъ своихъ скорѣ назадъ потекутъ,
 Нежелъ воины наши себя вамъ предадутъ.
 Звѣзды на землѣ прежде крѣпко утвердятся,
 Земледѣлцы на небѣ съ сохою населятся,
 Вода вспламенится, отъ огня пойдутъ воды,
 Нежелъ обратимся к вамъ въ вѣчные роды» ¹⁾.
 Затѣмъ, какъ Хмельницкій от Полши вовся отсталъ,
 Салтанъ турецкій Османа-агу прислалъ,
 Дабы со вѣмъ войскомъ своимъ ему поддался,
 К полскому королю вѣчно не возвращался,
 И в знакъ милости чрезъ того-жъ Османа-агу
 Прислалъ ему саблю, булаву и корогву ²⁾.
 В.-Р. Ты же про турковъ говорила со мною,
 Скажи, кто еще хотѣлъ обладати тобою?
 М.-Р. Не разъ и не два должно-бъ про нихъ еще сказать;
 Ибо премного тѣ старались меня склонять.

¹⁾ > Въ елегіи Овидій славній ромскій стихотворецъ, посланъ будучи в силу и идучи моремъ, окруженъ волнами, такимъ образомъ написалъ въ книгѣ 1 своей, въ елегіи 2, стих. 5—10, гдѣ сию рѣчь проводилъ онъ к Августусу Цесарю, которимъ сосланъ билъ, также жалуюся на друга своего въ 1 книгѣ, в елегіи стих. 1—4«. Примѣч. автора.

²⁾ > Того-жъ року (1650) Асманъ—ага, от турецкаго султана чаушъ, присланный къ Хмельницкому, привезъ шаблю, хоругвь и булаву, совѣтуя ему съ Украиною, отъ полского короля отступивъ, подклонится под турецкую область«. См. > Краткое описаніе Малороссіи <, стр. 229.

Да и крымскому хану хотѣлось мною владѣть,
 И другимъ думалось то склонить, то одолѣть.
 Однакъ ни на ково изъ всѣхъ онихъ не смотря,
 Хмельницкій созвавъ войско свое и ободря,
 Російскому Государю себя извѣстилъ,
 Ему со всею Украиною поддалъ и покорилъ
 И предъ російскимъ бояриномъ Бутурлиномъ
 В Переяславѣ тогда-жъ присягнулъ вѣчно в томъ.
 Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ главнѣй,
 Добровольной поддачи видя мой знакъ явнѣй,
 Монаршую грамоту волностямъ доставилъ,
 Всѣ прежние статьи утвердилъ и возставилъ ¹⁾).

И такъ, когда Россіи надлежать ужъ стала,
 Покажу, какъ и при ней храбра прежде бывала.

В.-Р. Знаешь-ли, с кимъ говоришь, иль ты забиваешь?

Вить я Россія! Зачимъ меня пропускаешь?

Для чего не придаешь мнѣ точно подачу

И отнимаешь у меня свою удачу?

Будто къ другой Россіи, не ко мнѣ принадлежишь,

И при мнѣ, будто без меня, войнами гримишь!

М.-Р. Знаю, что ты Россія, да и я такъ зовусь.

Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрусъ.

Не тебѣ, Государю твоему поддалась,

При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.

Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,

Но государь твой и мой общій повелитель.

А разность наша есть в приложенныхъ именахъ.

Ты Великая, а я Мала живемъ в смежныхъ странахъ.

¹⁾ »Присланъ ближній бояринъ и дворецкій Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ иными боярами и столниками и дворянами до гетмана Хмельницкаго и всего войска для постановленія статей и съ общаніемъ великой милости государевой. И тогда Хмельницкій со всею старшиною, приехавъ въ Переяславль, на Богоявление Господне 1654 года, позволилися быть всѣ обще под единовѣрнимъ монархомъ всероссійскимъ..., на чемъ и присяги учинили«, и проч. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 239.

Что-жь я малой называюсь, а ты великой,
 То какъ тебѣ, такъ и мнѣ нимало не дико.
 Ибо твои предѣлы пространнѣ моихъ,
 А мои обширностями поменше твоихъ.
 Уже-ль гора собою надо мной обладаетъ?
 Нѣтъ, нѣтъ! но какъ сей (?), такъ та къ тому при-
 надлежить.

Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ,
 Одному, не двумъ государямъ присягаемъ, —
 Почему почитаю тебя равну себѣ.

Не говори: какъ обществу, поддалась и тебѣ!
 Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя и меня,
 Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,
 А не ты республикою повелѣваешь мною.

Ничѣмъ неумаленна царемъ я предъ тобою,
 Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,
 Обнадежена, и впредь милостію тѣхъ.
 А ты при своихъ достоинствахъ пребываешь,
 Кои отъ того-жь Государя получаешь.
 И такъ не можешь и въ семъ всю меня обидѣть;
 Какъ бы ни тщилась чины мои ненавидѣть;
 Отъ ково ты получаешь, и я отъ того.

Не достанетъ толко у насъ с тобою одного
 Того, что чины твои инако зовутся,
 А мнѣ также инимъ названіемъ даются.

Но сіе-ль для тебя можетъ казаться странно?
 Обойди умомъ всѣ государства пространо,
 Во всякомъ почти найдешь различіе в чинахъ...¹⁾

Здѣсь слѣдуетъ небольшой перерывъ въ спискахъ „Разговора“. Малороссія должна была рассказывать Великороссіи о заслугахъ, оказанныхъ Богданомъ Хмельницкимъ русскому государству. Въ имѣющихся у насъ спискахъ мы имѣемъ только

¹⁾ На этомъ прерывается списокъ г. Ефименка. Дальнѣйшій текстъ »Разговора« изложенъ по спискамъ Румянцевскаго Музея.

окончаніе этого разсказа, которое заключаетъ въ себѣ плачь по умершемъ Богданѣ Хмельницкомъ и прославленіе его подвиговъ!)

Какъ Геркулесъ древній пройшолъ бы съ войскомъ скоро,
Широкій и пространній путь для всѣхъ далъ бы тамъ,
Кровной побѣдой грозилъ-бы тамошнимъ жильцамъ:
Но ниже слѣдовало ити туда ему.

Ни онъ старался нанести войну свѣту всему,
А бился столко съ непріятелми такими,
Кои хъ ко обществу своему узнавалъ злими.

Мужъ имени и чина того достойнѣйшій
Побѣждать враговъ, нежелъ вступать, былъ скорѣйшій.
Гетманъ многоразсудный, бодрый и дерзновенный,
Скоропостижный въ трудахъ, нуждахъ невтомлений,
Ко всякимъ злоключеніямъ воинскимъ обикшій,
Холодъ, жаръ и нужды вдобъ носить первѣйшій
И протчія многотрудныя неспокойства;

Испыталъ трудовъ различныхъ перемѣнъ свойства
Мало радилъ о себѣ, толко-бъ всѣмъ угодилъ,
Общество-бъ и отечество цѣло сохранилъ:
Первой на войну, послѣдней сходилъ с оной ¹⁾,
Дрался, боролся своей храброй обороной.

По многихъ наконецъ славныхъ воинскихъ дѣлахъ
Умеръ, оставивъ память и по днесъ в казакахъ.
Печаль, жалость в послѣдніе роди незабвенна
Базалась тогда всѣмъ ввѣкъ быть неумаленна.

Слезили осиротѣвшіе мои дѣти,
Являли другъ другу печалніе привѣты,
Оплакивали з жалосты неутѣшимой,
Не чаяли никакой отрады любимой,

1) » Краткое описаніе Малороссіи « такъ характеризуетъ Хмельницкаго: » мужъ по прямому имени гетманьскаго достойный, дерзновенный, многоразсудный, бодрый и трудолюбивый, всякое злоключеніе, и холодъ, и жаръ, и голодъ, и прочіе неспокойства и хлопоты легко терпѣть приобикшій и о себѣ какъ-бы пренебрегшій, толко-бы обществу угодилъ; первій на баталію, послѣдній по баталіи исходилъ « (стр. 249).

Не думали себѣ ужь быть отцу такому,

Не мыслили, чтобъ такъ удавалось другому.

» Пала уже вся надежда наша, — кричали, —

Не воскреснетъ защита, вѣчно потеряли.

Вселюбезній отче нашъ, любезній!

Чего-ль дождали мы, чтобъ ты намъ лилъ тобѣ
слезній?

Отче нашъ любезній, вселюбезній отче нашъ!

Уже-ль оставшихся сыновъ своихъ врагамъ дашь?

Отець нашъ вселюбезній, любезній нашъ отець!

Уже-ль хищнымъ волкамъ попустишь броткихъ овецъ?

Любезній нашъ отець, отець нашъ любезнѣйшій!

Уже-ль будетъ намъ безъ тебя гонитель злѣйшій?

Не страшень былъ ни одинъ супостать при тебѣ,

Нынѣ-жь боимся многихъ оставшіеся в себѣ.

Уже-ль стануть менять насъ за хлѣбъ, соль и воду.

Какъ то было от ляховъ намъ одного году?

Когда-бъ естли-бъ не ты нами храбро управлялъ,

И память-бы нашу непріятель давно скончалъ.

Пробудись в радость намъ хоть на малое время!

Ощутись, встань, облегчи тоски нашей бремя,

Посмотри хоть собравшихся дѣтей своихъ всѣхъ,

Взглянь еще хотя послѣдній разъ уже на тѣхъ,

Которія утѣшенія не имѣють,

Какъ овцы заблудши по пастырѣ жалѣють!

Они не для того всѣ вмѣсто собрались,

Дабы с тобою отцемъ своимъ на-вѣкъ прощались,

Но чтобъ руководствовалъ ты, какъ прежде, имъ,

Казал-бы, училъ, какъ противиться врагамъ злымъ.

Молви хоть одно, отче любезній, намъ слово!

Вотъ все войско твое пришло, слушать готово!

Собери его вмѣсто, защищай, охраняй,

Покровителствуй, милосердуй и соблюдай,

Поднимись, естли ручей слезъ нашихъ жалѣешь!

Иль ты уже любви к намъ прежней не имѣешь?
 Введись, естли отчаяннымъ хочешь пособить,
 Встань, естли оставленныхъ желаешь ободрить!
 Да! завтра устанеть, завтра ободрить, утѣшить насъ!
 Прерывалъ хлипнущими словами общества гласъ.
 Не такъ, видно, заснулъ онъ, чтобъ встать уже к намъ
 могъ.

Встанеть разви, какъ затрубить при послѣднѣмъ рогъ.
 Тогда ушь сберемся къ отцу своему с полками
 И тогда разви разговоримся с нимъ и онъ с нами.
 А нынѣ послѣдній свой долгъ отдадимъ ему,
 Которой вѣкъ незабвенъ будетъ войску всему.
 Но ахъ! всѣ силы наши превосходить печаль, —
 Не можемъ и тѣла твоего вестъ отсель вдаль.
 Мы бы хотъ на оное со страдою смотрѣли,
 Желали-бъ, чтобъ тебя пред собою вѣкъ имѣли.
 Грозила-бъ еще и тѣнь твоя нашимъ врагамъ,
 Боялся-бъ непріятель при ней приступить к намъ.
 Ахъ, отче! оставилъ дѣтей осиротѣлыхъ,
 Оставилъ в уныніи бывшихъ тобой смѣлыхъ.
 Всѣ веселія утѣхи отсель насъ минуютъ!
 Пособи! вотъ уже враги с нами воюютъ,
 Напустятъ грусти, скуки, скорби и гоненія.
 Отврати намъ непріятелей нападенія!
 Вотъ всадятъ насъ в разженного мѣдного вола.
 Скончай мученія наши, дай радость, что была!
 Мы на тебя глядя вздохъ тяжкій испуцаемъ,
 От тебе спасенія своего ожидаемъ:
 Оставившаго спящаго тревожимъ, будимъ,
 Трудившагось, потѣвшаго еще томимъ, трудимъ.
 Не отступимъ отъ ногъ твоихъ, ходившихъ с нами!
 Пробудись и води насъ прежними стезями!
 Заблудимъ безъ тебя, разбредемся разно овцы.
 Не встаешь, пастыръ? поразятъ насъ миромомцы,

Ищезнетъ слава наша, бывшая при тебѣ.

Увяль цвѣтъ нашъ, увянетъ с тѣмъ и храбрость у
себѣ.

Которыхъ многіе прежь ужасались страны,—

И от малыхъ полковъ будутъ уже пораны.

Оставилъ полководецъ, отсталъ, пошолъ вождь прочь,

Не устоитъ безъ тебя одна уже наша мочь.

Которіе в сраженія смѣло входимъ было,

Тѣхъ сіе нещастіе нынѣ в робость вперед ввело.

Ну, куда ити намъ без тебя и что начать?

Потерявъ голову, можно-ль ногами ступать?

Глаза имѣя, без глазъ стоимъ оцепенѣвъ;

Безъ рукъ кажемся храбры, прежде руки имѣвъ.

Уже и лица наша потупились слеза,

Падаютъ колеблющись и болѣна дрожа,

Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣснена,

Пронзенна грудь, терзается духъ уязвленій,

Недоумѣваетъ умъ, страхъ мысль ужасаетъ,

Борущуюсь отраду скорбь одоливаетъ;

Проходитъ севозъ кости кровь з густотою смѣшена,

Поднимаетъ кожу, кипитъ в глазамъ червлена;

Встаютъ бурны вѣтры, рвутъ волосы нашихъ главъ;

Блѣднѣетъ видъ, даетъ перемѣны весь составъ.

Липились мы отца, предводителя войны,

Остались осиротѣлы ужъ дѣти одни.

Коиъ его щастіе вскормило, возрастило.

Тѣхъ мнѣ нещастіе судьбою вѣк поразило!«

Симъ образомъ дѣти мои плагались надъ нимъ,

Давали вопль, стenanіе по всемъ полкамъ своимъ,

Одни казали жалость явными слезами;

Другіе в слихъ спивали, зѣвая устами;

Иннѣ с необычнымъ шумомъ голосили;

Нѣкоторыя по грудямъ сами себя били.

Часть в скрытомъ мѣстѣ лѣла токъ жалостныхъ ручей;

Часть предъ всѣмъ обществомъ рѣки пушала с оцей:
Часть от задумчивости такъ окамѣнѣла,

Что какъ нѣма стоя и гласу не имѣла,
А казала толко в лицѣ знаки различны,
Безкровны, почернѣлы, робки, необычны.

Протчіе стоя над мертвымъ тѣломъ кричали:

Одинъ былъ у насъ отецъ, и того стеряли!
Во всемъ томъ напоследокъ ставъ полками стройно,
Проводили гробъ со всею старшиною достойно;
Несли с Чигирина с церемонѣю войсковою,
Погребли въ Субботовѣ въ каменной церкви той,
Боторую самъ от себя онъ сооружилъ¹⁾

... еще тамъ положень быть ствердилъ.

Козаки, отвращая ту печаль помалу,

Стали приходить опять в своему началу
И въ различнымъ войнахъ вновь приготовлялись,
Прежнюю храбрость себѣ доставить старались.
Но полно, думаю, свои силы представлять!

А намирена на Хмелницомъ всю рѣчь скончать.

В.-Р.

Куда, право, ты каковъ имѣешь нравъ чудній!

Хочешь, чтобъ тебя просилъ весь зборъ многолюдній!
Приведши в самой жаръ, тутъ меня оставляешь.

Болше говорила, в меншомъ изнемогаешь.

Не облѣнись рѣчи до нашихъ временъ довестъ,
Чтобъ достовѣрніе я могла правду почестъ!

Я бы такъ уже, чемъ ближе до насъ доходить,

Янѣе понимать стала, что слухъ мнѣ родить.

М.-Р.

Доволно мнѣ казалось до тѣхъ довестъ временъ,
Какъ россійскому цару Хмелницкій покорень,
И бакую оказывалъ онъ вѣрность ему,

¹⁾ > Умершаго Хмелницкого тѣло старшина и чернь съ войсковою церемонією и с сожаленіємъ проводили изъ Чигрина въ Субботовъ и тамъ въ церквѣ каменной, от самого его ж сооруженной, в неделю погребли«. См. > Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 249.

Войскомъ своимъ обществу угождая всему.

А послѣ ево что происходило во мнѣ,
Спроси подругъ своихъ, тѣ обявятъ тебѣ.

Ибо когда сюда стала надлежать,

С кимъ и какъ воевала—могутъ и оны знать.

В.-Р. Не томи-жь меня ссылкой, отсылая в моимъ!

Я и сама знаю, что всякъ пристрастенъ к своимъ.

Они про храбрость твою хоть и знаютъ точь в точь.

Однакъ свою болше прославлять стануть мочь,

А твоей не изяснить силы совершенно,

Пропустять, можетъ быть, в тебѣ незабвенно.

И такъ не можно вовсе положится на нихъ.

Скажи еще, пожалуй, сама мнѣ про своихъ!

Ни прекословить не буду, ниже не вѣрять,

Справедливою стану все мѣрю мѣрять.

М.-Р. Докуву твою тѣмъ болѣе признаю милой,

Чимъ меншь могу остатся в славѣ своей силой;

Почему и не хотя продолжу еще рѣчь,

Представлю и далнюю воинскую свою сѣчь.

Прибыль под Глуховъ король полскій Казимиръ Янъ,

Минуя протчихъ, какъ былъ Бруховецкій гетманъ,

Которого чрезъ пять недель сряду доставалъ

И на жестокость зимы не смотря воевалъ.

Но козаки, выскочивъ из города сего,

В скоромъ времени одолѣвъ силу его,

Порубили, плѣнили, разграбили обозъ,

А остальное войско храбро прогнали сквозь.

Былъ тогда судя генералній Животовскій.

Онъ командовалъ, онымъ прогнанъ король полскій.

Такимъ образомъ король города не доставъ,

Бежалъ со стыдомъ, войска не мало потерявъ¹⁾.

¹⁾ > Въ 1664 годѣ Янъ Казимѣръ, король полскій, прибывши под Глуховъ зимою, чрезъ 5 недель тамъ затворившихся съ Животовскимъ, судіею генералнымъ, козаковъ крѣпко подкопами и гранатами доставалъ; но козаки, противясь и на odporъ исходя, многочисленныхъ ляховъ и нѣмцовъ ихъ убивали«. Услышавъ о

Тотъ-же гетманъ Бруховецкій годъ потомъ спустя,
 Калмыковъ с казаками в войски совокупя,
 Подъ Бѣлу Церковъ противъ поляковъ самъ ходилъ,
 Гдѣ Яблонского армию силно побѣдилъ,
 Которой какъ ни казалось великъ и силой золь,
 С малымъ числомъ шляхты насилу в Полщу ушоль ¹⁾.
 Полковникъ переясловскій Дмитрашко потомъ
 Побѣдилъ многихъ татаръ, возвратился съ торжествомъ,
 Кой посланъ от Самойловича гетмана,
 И не мала команда была ему дана.
 Тамъ на четыре мили пестрѣли в даль поля,
 Лежали побитіе непріятелей тѣла.
 А вторіе из нихъ остались в живыхъ,
 Забраны всѣ в неволю от козаковъ моихъ ²⁾.
 За того-жъ гетмана на четвертой потомъ годъ
 Козаки поступали на турецкій народъ.
 Тогда под Чигириномъ былъ ужасной туркамъ страхъ:
 Гнали ихъ, мертвили, истребляли память в прахъ,—
 И такое ужасное сраженіе было,
 Какого в тотъ вѣкъ нѣгдѣ случиться не могло.
 Под самимъ везиромъ двоухъ лошадей убили,

приближеніи московскихъ войскъ и гетмана Бруховецкаго, » король съ под Глухова уступилъ съ великимъ войска урономъ, на котораго тотъ-часъ козаки з города устремительно наскакивая, осталцовъ поляковъ били и людей разграбляли«. См. > Браткое описаніе Малороссіи«, стр. 262.

¹⁾ «Еще гетманъ Бруховецкій, 1000 колмыковъ затыгъ, съ козаками под Бѣлую-Церковъ ходилъ року 1665, съ которыми Яблонскій, послѣ Чернецкаго рейментаръ, многократную войну дѣлалъ; послѣди же, уронивъ много знатныхъ товарищей, въ Полщу помаршировалъ.» Тамъ же стр. 264.

²⁾ »Въ Май (1674) Самуйловичъ гетманъ командировалъ съ 20,000 войска Думитрашка, полковника переяславскаго, съ двумя полками великороссійскими и съ 15 арматами подъ Смѣлую, где, когда новый салтанъ съ 20,000-ми орды и съ Андрѣемъ Дорошенкомъ многолюднымъ под Орловцемъ тайно на полки гадацкій, уманскій и торговицкій напали, Думитрашко, почувши о стрелбѣ и тудажъ приспѣвши, татаръ и Дорошенка над Ташликкомъ такъ поразили, что трупомъ на четири милѣ поле услали, а прочихъ живыхъ побрали«. Тамъ же, стр. 277.

А рядовыхъ турковъ безчислено побили.¹⁾
 Не считая, какъ бились ружейною палбою,
 Дрались и руками, какъ на кулачномъ бою.
 Неприятелей войска такъ мало осталось,
 Что едва в третьей части оногo считалось.
 Почему премногихъ тѣ втерывъ своихъ людей,
 Богатства запасы и подемныхъ лошадей,
 Ничего уже иного въ спасеніе не ждали,
 Только что в свою землю безчестно бежали¹⁾.
 Послѣ-жъ десяти лѣтъ то дѣйство произвели.
 Что очаковскій уѣздъ весь козаки сожгли,
 Разорили плачевно тамошнихъ людей всѣхъ,
 Плѣнили бѣдственно кто ни былъ зъ жителей тѣхъ²⁾
 Черезъ два года опять подъ Очаковъ ходили,
 Гдѣ жилиа многихъ татаръ вовсе понапали;
 Брали скоть и самихъ ихъ поражали мечемъ;
 Били женъ и младенцевъ не щадили ни в чемъ³⁾.
 Козаки, собравшия, ходили в сѣхъ годахъ
 Для защищенія границъ своихъ в дикихъ степяхъ
 И чтобъ оберегать и освободить кристіянъ
 От нападенія и плѣненія бусурманъ,

¹⁾ 1678 года московскія и малороссійскія войска, послѣ неуспѣшной осады Чигирина, отступили къ Днѣпру, »при великомъ от неприятеля наступленіи, и только двѣ милѣ за два дни вошли и во вторникъ при Днѣпрѣ окопалися, за которыми тотъчасъ прійшовши, вейзѣръ и ханъ и Хмельниченко (Юрій Хмельницкій) цѣлую неделю ихъ доставали, хотячи обозъ съ вождями взять, Но тамъ наставленіемъ гетманскимъ такую баталію съ турками свели, якая въ сей вѣкъ нѣгде не случается, и подъ самымъ вейзѣромъ, прі убійствѣ безчисленныхъ турковъ, коней двухъ убили: где, кромѣ стрелбы, и рукопашъ козаки съ ними билися, чего для они принуждены от войскъ россійскихъ назадъ съ ненаградимымъ убыткомъ уступить до Чигирина, оттуда же и далѣе какъ найскорѣе во свояси чуть у третьей части войскъ бюсурмавскихъ ушли«. Тамъ же, стр. 284—285.

²⁾ » Въ року 1690-мъ войско козацкое ходило под Очаковъ, где жилиа понапали и обиды татарамъ подѣлали«. См. »Краткое описаніе Малоросіи«, стр. 289.

³⁾ » Въ року 1692-мъ .. войско городовое и компания знову подъ Очаковъ пошедши, посады сожгли и з яссіромъ прішли«. Тамъ же, стр. 291.

Коихъ отбивали от татаръ сильной рукой,
 Отпущали ихъ в отечество сами собой,
 И малыми людьми на оныхъ нападая,
 Разбивая татаръ, многихъ побѣждая,
 И на томъ бою плѣнивъ немалое число,
 Гнали в Москву и въ Польшу, куда ближе было.
 Ибо ляхи видя, что войной не успѣли,
 С російскимъ государемъ миръ тогда имѣли.
 За что велику себѣ милость получала
 И жалованя много отъ монарховъ брала¹⁾).
 Здѣсь и о Палѣю вспомянуть не премину,
 Кой гналъ непріятельску партію не одну.
 Полковникъ тотъ бѣлоцерковскій Семень Палѣй,
 Родомъ изъ Борзны, казалъ ревность Россіи всей.
 Онъ охотное войско при себѣ имѣя,
 Прогонялъ от Россіи не одного злодѣя
 И выборнымъ войскомъ не только не допускалъ,
 Чтобъ татары и с Россіи и Польшу воевалъ,

¹⁾ » По заднѣпрскомъ гетманѣ Могилѣ король Собецкій устроилъ гетманомъ Самуся, а въ которомъ году— неизвѣстно, и далъ ему привилеи и клейноты, плату же войску и з скарба папѣжского, и резидовалъ Самусь в Вѣнницѣ на Поднѣстру. Въ тѣхъ городахъ многіи, прибравши къ себѣ охотныхъ козаковъ запорожцовъ или городовыхъ и подѣлавшись ватагами то полководцами, безъ указу, своею охотою, ради защищенія христіянъ от нападенія бѣсурманского и для обороны границъ, го дикихъ степяхъ, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра татаръ съ людьми, въ Польшѣ и Россіи набранными, поворочающихъ разбивали, отбивая конѣ ихъ и оружье себѣ, а христіянъ плѣненныхъ въ землѣ ихъ и въ отчества отпущали и проводили; ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степяхъ, иногда звѣриннымъ мясомъ кормилися, а иногда толочна толко да сухарей толченымъ в сутки разъ вкушали, съ великимъ от татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда, и коньямъ ржати не допусая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комышахъ кормилися и пути свои, порознившись, теряли, но паки познавая оніе в день по солнцу и краяхъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако высмотрѣвши татаръ, нечаянно малымъ людомъ великія ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Польшу (кому куда способнѣе) отвозили, получая за то милость монаршую«. Между сими ватажками былъ и Семень Палѣй. Тамъ-же, стр. 289—290.

Но въ Бендерщиву ходилъ еще самъ собою

И въ Бѣлгородчину (Аккерманъ) ступалъ в томужь бою,

И на Буджаки посылалъ козаковъ своихъ.

Хотѣлося татарскихъ силъ ему не однихъ,

С которыхъ многіе и разорялъ главно,

Покорялъ города и побѣждалъ всѣхъ славно.

Да и Очаковъ дважды доставалъ с удачей,

Бралъ иногда от жилищъ тѣхъ искупъ с наддачей,

А иногда всѣ богатства забиралъ въ оноу,

Что роздавалъ на войско с турецкимъ урономъ.

Такъ малое число козаковъ при немъ было,

Кои хъ множество турковъ одолѣть не могло,

Воинское искусство ему пособляло,

Храбрость и щастіе славу побѣды давало.

Причемъ одножды такую смѣлость возимѣлъ,

Что на янычарахъ какъ-бы на лошадяхъ сѣлъ

И такимъ образомъ в саму крѣпость ввалился,

Гдѣ сѣдя на самихъ ихъ плечахъ с ними бился

И яничаръ многое число вырубилъ, збилъ,

И самого салтана чуть было не плѣнилъ.

Зачимъ турки, войну ту провклиная страшну,

Засыпали оную городскую башню,

Которой янычарми Палѣй в Очаковъ вдрался

И сидя тогда на ихъ плечахъ с ними-жь сражался,

И пенынѣ под самую крѣпостью башня та

Палѣева зовется, гдѣ туркамъ страсть была.

А однажды сражаясь с татарскими силы,

И самага ихъ хана козаки плѣнили.

Гдѣ мой-же Патѣй былъ главный предводитель.

Онъ оставался над ними главной побидитель.

Почему татары миръ с нуждой заключали

И великіе ему дары присылали.

Потомъ поляки, благодѣянія забывъ

И всѣ услуги его в забвеніе пустивъ,

Взяли оного въ Майбургъ коварнымъ обманомъ.

И такъ в сылку сосланъ былъ короннымъ гетманомъ,
Гдѣ ему вѣрной его слуга лошадь поддалъ.

И такъ онъ вырвався в желѣзахъ къ своимъ прибѣгалъ.
Почему гетманъ тотъ, желая его достать,

Выправилъ на него полскихъ гусаровъ опять,
С коими немецка пѣхота шла,
Да и артилерія тамже с ними была.

Но Палѣй над Хвастовомъ всѣхъ оныхъ поразилъ,
Побилъ, прогналъ и немалое число плѣнилъ.

За что поляки, разгнѣванны необычно,

Отправили войско на Палѣя вторично,
Гдѣ такъ остались они побѣждены,

Что и тысячей с мѣста не ушло спасеній.

Заграбили тамже козаки весь обозъ ихъ,

Великими добычами богатели своихъ.

А Рустичъ полковникъ, видя таку свирѣпость,

В Менжелѣвку бѣжалъ—былъ первіе въ вѣрпость.

Потомъ с оной тихонко чрезъ валъ спустился

И такъ у Полщу убежалъ, от козаковъ свободился.

Тотъ-же Палѣй послѣ того на четвертой годъ

Собравъ кіевскаго полку козацкой народъ,

С полковникомъ ихъ Очаковъ другой разъ досталъ.

И с переяславскимъ тожь какъ на нихъ воевалъ,

По нѣсколко партій турецкаго войска збилъ

И триста человекъ турковъ живыхъ полонилъ,

Коиыхъ знаменами ихъ в Батурино пригнали ¹⁾.

Такимъ образомъ с туркомъ козаки играли.

¹⁾ Семень Палѣй, родимецъ борозенскій, оженився за Днѣпромъ въ Фастовѣ и держа при себѣ войско охотное, не токмо не допускалъ ордѣ Полщу и Россію воевать, но и самъ ходя и посылая жолнѣровъ на Бу(д)жаки и Бѣлагородчину, села татарскіе и Очаковъ разорялъ, и где нападали на него татаре, онъ мужественно ихъ побѣждалъ съ великою христіанскою ползкою; одиножды же самогъ нии командующаго салтана взялъ, и тогда татаре, примириаяся с нимъ, знатными

Черезъ годъ потомъ всѣ малороссійскіе полки,
 Слободскіе и запорожскіе козаки,
 С Борисомъ Петровичемъ Шереметовымъ ставъ,
 Побѣдили турковъ, на оныхъ сильно напавъ.
 Взяли каменніе четыре ихъ города,
 Сами-жъ в себѣ остались без дальнаго вреда.
 Начальниковъ тамошнихъ турецкихъ над Днѣпромъ
 И янчаровъ многихъ взяли жъ в городѣ томъ.
 Подѣлили богатство всей арміи своей,
 Побрали женъ, забрали также ихъ дѣтей,
 Пригнали в Россію Великую и Малу
 И подчинили всѣхъ въ россійскому началу.
 А Кази-Герминъ (Кизи-Керменъ) с основаніемъ разорили,
 И Муберенъ тожъ городъ совсѣмъ спустошили ¹⁾.

дарами обсылали аго. Утишив же Заднѣпре, ожилъ былъ какъ удѣльный панъ, и располагая войско свое по Полѣю, десятины с пасѣкъ в индукту почитай со всей оной Украины, даже до Днѣстра и Случи, на себе вималъ. Потомъ ляхи, запомнѣвши Палѣвыхъ благодѣяній, обманомъ взяли были его и въ Малборгъ заслали. Но онъ и оттуда, на подведеннаго коня всѣвши, къ своимъ въ кайданахъ прибѣгль; за чимъ гетманъ коронный выправилъ на него гусарское войско съ пѣхотою нѣмецкою и полскою под Фастовъ при арматѣ съ гранатами. Но Палѣй какъ сокрылъ войско свое въ лѣсахъ, самъ затворился въ городѣ, и какъ подступили к нему поляки, такъ войско оное з поля на лядскій обозъ, а Палѣй з города на шанцѣ ихъ ударивши, принудилъ ихъ же миръ з собою учинить и съ стыдомъ прочь пойти... Еще потомъ на Палѣя и друзей его полковниковъ ординовали ляхи рейментара Рустича съ великимъ войскомъ, въ которомъ и высокородныи панове были ради отбирания своихъ маестностей. Тогда Самусъ, вмѣсто Палѣя, на войну не пошоваго, съ войскомъ его Палѣевымъ и съ полковниками Абазинномъ и Искрою и иными пошедши, под Бердичевомъ оныхъ ляховъ збилъ и в замокъ манджалѣвскій вгналъ, где принужденъ Рустичъ, оставя свое войско козакамъ на зарѣзъ и весь обозъ на жакъ, з муру спустуется и съ недоумѣніемъ о животѣ прочь бѣжать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 290 — 291. Но въ «Описаніи» нѣтъ разказовъ о томъ, какъ Палѣй вѣхалъ въ Очаковъ на янчарахъ, и о другомъ походѣ его на Очаковъ съ полковниками кievскимъ и переяславскимъ. Кажется, авторъ «Разговора» воспользовался здѣсь устнымъ преданіемъ о Палѣй и самъ лично провѣрялъ его въ Очаковѣ.

¹⁾ 1695 года Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ разными великороссійскими и слободскими полками, также и Мазепа со всѣми полками городскими и

Въ году-жъ тысяча шестьсотъ девяносто шестомъ,
 Какъ въ ужасномъ сраженіи козаки были томъ,
 Они с туркомъ въ Озовѣ (Азовѣ) невтомимо бились,
 В страшномъ огнѣ на непріятеля валились,
 Казали государу вѣрность и прислугу,
 Достать города пособляли другъ другу;
 Палили тамъ своя ружя непрерывно,
 Хватали турецкіе партіи отрывно.
 При вреву россійскихъ бомбъ, свой огонь давали:
 Мечемъ вооружены, враговъ устрашали;
 Схватывались с копьями на градскія онія стѣны.
 Не искали в кровныхъ трудахъ перемѣны
 И турковъ убивали не толко стрѣлбою,
 Но и безчисленныхъ ихъ хватали рукою.
 Громъ, туча, трескъ ужасной казался тогда и стукъ.
 Вырывали знамена ихъ силою из рукъ
 И бросали оніе в свое войско с валу.
 Великую тѣхъ силу збивали помалу
 Зацепляли *нами* банатами водными,
 Сворачивали с валу силами своими,
 Разбивали, ломали каменныхъ стѣнъ заборъ,
 Ступали неровной в большой еще задоръ,
 Такимъ образомъ в городъ пролазъ учинили.
 В которой одни другихъ ввалится тѣснили.
 Почему турки, видя своей палбы неуспѣхи,
 Зажигали с порохомъ цѣліе уже мѣхи
 И бросали за стѣны на упадъ козаковъ,
 Изрыли близ валу и глубокой там же ровъ.
 Но и то козаковъ воспятить не могло:
 Вели ихъ до побѣды весело.

охотными и низовыми козаками, четыре турецкіе города каменные над Днѣпромъ
 в спасовъ мясопустъ взяли и начальниковъ и янчаровъ съ людьми и женами и
 дѣтми и съ богатствомъ въ Великую и Малую Россію забрали, а Казикермень и
 Муберекъ до фундамента разорили. Тамъ-же, стр. 293.

И тагъ турги чалмами в нуждѣ замахали
И, знамена наклонивъ, мира просить стали:
»Помилуй, російской государь побидитель!
Даруй оставшимся животь, будь нашъ свободитель!
Обще просимъ,—кричали,—с монархией цѣлой.
Довольно для тебя хвалъ, превосходишь насъ силой!«
Почему, при полученіи милости той,
Здали со всею аммуницею городъ свой:
Отдали все бывшіе припасы, богатства,
Мечетніе и городовіе изрядства.
Пятнадцать тысячъ моего войска было здесь.
Которой къ Лизогубу надлежалъ корпусъ весь.
Черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ тотъ
В воинскомъ семъ дѣйствиі проливалъ трудовъ потъ.
Онъ то время будучи гетманомъ навазнымъ,
В прислугу отечеству учинился способомъ разнымъ:
Управляя, показывалъ примеръ самъ собою,
При великороссійскихъ слылъ и в своемъ бою.
И с такимъ стремленіемъ твои рвались полки,
С толикою ревностью и мои бились козаки.
Гдѣ з Лизогубомъ были знатнѣйшіе в воинѣ
Три полковники, командующіе во мнѣ,—
Михайло Бороховичъ гадяцкой полковникъ,
Леонъ Свѣча лубенской таковой-же чиновникъ,
Прилуцкій полковникъ Горленко Димитрій,
Все сіи отбывали турковъ проэкты хитрій.
Государь, видя вѣрность с усердіемъ моихъ,
Пятнадцать тысячъ рублевъ роздалъ на рядовыхъ,
А знатнѣйшимъ сотникамъ і полковымъ старшинамъ
По пятнадцати червонцовъ указалъ и самъ.
Полковники-жъ з Лизогубомъ большъ награждены,
Соболями и денгами обогащенны ¹⁾).

1) «1696 года... виправился повторно под Азовъ его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ съ множайшими войсками и запасомъ стройно, куда повелѣлъ и малороссійскаго войска 15000 ступать, которое тотчасъ гетманъ вы-

Напомяну еще, какъ турковъ корпусъ не малый
Розбилъ атаманъ запорозкій Яковъ Чалый.

С малымъ числомъ козаковъ онъ по морю ходилъ,
Восѣмъ вораблей взялъ, самыхъ ихъ много плѣнилъ ¹⁾.

А чрезъ тридцать семь лѣтъ по сраженіи ономъ
С какимъ отошли ляхи отъ меня урономъ!

Ибо какъ въ Полщѣ баталѣя учинилась

И подѣ Солодковцами моя часть сразилась,
То партизаны Ля(е)щинского прогнаты прочь,

Не могли управитися, употребя всю мочь.

И все войско полское отъ козаковъ збито,

Такъ что поля на десять верстъ было покрыто,

По которымъ мертвіе и тѣла лежали,

Бои какъ сны все пространство устидали.

А особливую заслуживаетъ хвалу

Галаганъ полковникъ, оказавшійся въ войну ту.

правиль, опредѣлили над ними командира чернѣговскаго полковника Якова Лизогуба и съ нимъ полковниковъ: гадяцкаго Михайла Бороховича, прилуцкаго Дмитрия Горленка и лубенскаго Леона Свѣчку... Когда изъ города турки выпоромъ а и с поля орда на козацкій обозъ шкодливо нападать стали, тогда козаки, нѣмецкихъ подкоповъ и штурмовъ не дожидаясь, сами дерзновенною охотою чрезъ валъ азовскій съ турками великій бой вчинили и цѣлый день в огнѣ страшномъ на неприятеля валячися, прислугу свою государю являли тамъ, з оружья палачи непохибно и с конями на стѣну скаучи, не токмо турковъ стрелбою, но и зручь ламали и убивали, хоругви ихъ хватили и, канатами водними за палѣ градскіе закидая, з валу оные ворочали, и въ городъ дыру дѣлали, и на дыру тую одни пред другими въ городъ ввалитися тщились и захоочивали себе. А такъ турки, не могучи козаковъ оружіемъ отбить, мѣшкаки съ порохомъ, приправляя огонь, за стѣны кидали и козаковъ обжигали; потомъ ровъ глубокій въ городѣ близъ штурму ископали на упадъ козакамъ. Но ни мѣшки, ни ровъ не помогли туркамъ; козаки бо, когда турецкій блякавъзъ 17 іюля подкопали, и оною ночью доставши, четыре орматы тамъ и прочего взяли, тогда турки рано, увидѣвши сіе, также и тое, что еще они-жъ смѣлѣе собираются въ великіе партіи и, нещадя себе, сильно нападать на городъ начинаютъ, предъ очима его царскаго величества, оны 18 іюля замали шапками и, хоругви наклонивши, стали на миръ взывать и милость у государя просить, что и получили». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 294—5.

¹⁾ О Чаломъ ничего не сказано въ «Краткомъ описаніи Малороссіи». Что въ 1696 г. онъ былъ кошевымъ атаманомъ, объ этомъ см. «Исторію Новой Сѣчи» А. Скальновскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 133.

Онъ своимъ полкомъ протчихъ славою превосходилъ,
 Страшилище и грозу полякомъ наводилъ¹⁾.
 Угрошали козаки турковъ тожь свирѣность,
 Когда доставали и Очаковъ ихъ крѣпость.
 Тогда какъ похулилъ моихъ преданность Минихъ,
 Помниш-ли, какъ оправдалъ Лессій сихъ невинныхъ?
 Да и подь Хотѣню козаки бодрость и вѣрность
 Возобновляли прежню храбру свою древность.
 Не думай, что не могу похвалится славою.
 Какъ и з шведами была война подь Полтавою.
 Гдѣ славной тотъ мой, хотя дряхль уже былъ, Палѣй
 Грозилъ непріятельской шведской арміи всей³⁾.
 В.-Р. Ага, такой-то в тебѣ храбрости примѣта,
 Что измѣнила ты около того лѣта!
 М.-Р. Ахъ, ахъ! куда какая спесь и строитивость права!
 Если опомнишся, не останешся права.

¹⁾ «Король польскій Августъ Второй въ 1733 году умерлъ, и того ради, къ воспященію умысла короля Станѣслава Лѣщинскаго (франккому королю тестя) и къ усмиренію многихъ поляковъ—партизентовъ, а къ возведенію на тронъ Августово сына Фридерика, командированы от ея величества государини императрицы войска великороссійскіе и малороссійскіе въ Польшу, где оныя войска и зимовали на 1734 годъ и далѣй; а надъ малороссійскимъ войскомъ и надъ бунчуковыми былъ въ томъ походѣ главнымъ командиромъ обозный генеральный Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ... Да тогда-жъ зимою еще пошли многіе полки великороссійскіе и малороссійскіе, съ полковникомъ прилуцкимъ Галаганомъ, при князѣ Алексѣи Шаховскомъ, въ полскую сторону для разоренія маестностей партизантовъ или конфедератовъ короля Станѣслава, и имѣли съ ляхами баталію и побѣдили ихъ; тамъ Галаганъ мужественно показался». Тамъ-же, стр. 316—7. Но въ «Описаніи» нѣтъ подробностей и мѣста сраженія.

²⁾ Объ отзывѣ Миниха относительно козаковъ см. выше. Объ участіи козаковъ во взятіи Хѣтина въ 1739 году см. «Исторію Россіи», Соловьева, т. XI, стр. 156—157. См. «Исторію Новой Сѣчи», Скальковскаго, 1846 г., т. II, стр. 105 и 109.

³⁾ «1709 року напередъ указомъ государевимъ Палѣя з Сѣбѣра сяскано и милость къ нему показано, который удостоился видѣть побѣду надъ шведами подъ Полтавою и самъ тамже на конѣ, хотя уже поддерживанный, ездилъ, побуждая войско, дабы непріятелю сламанному не дали ободритись (вар. обозрѣтись), пока весма ослабѣють и сдадутся». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 301.

Ты сама обѣщалась ужъ мнѣ вѣрить,
 Непрекословить и праведной мѣрой жѣрить.
 А за чимъ опять! злобной начинаешь задоръ,
 Вступаешь в ненавистной и враждебной вновь споръ?
 Вовся несправедливо язвишь и обидно.
 Тебѣ-бъ и думать такъ про меня. право, стыдно.
 Ибо измѣна тогда не всей меня была —
 Отъ одного Мазелы толко произойшла,
 С коимъ никогда о томъ не соглашалась я.
 Если же сіе меня не можетъ оправдить
 И буди то, что онъ былъ, станешь вѣкъ твердить:
 То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ
 И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ!
 Ты одного такого с жаждой нашла во мнѣ,
 А я легко видѣла сто подобныхъ въ тебѣ.
 А если еще стрѣлцовъ и другихъ мѣлкихъ счастье,
 То и к болшимъ порокамъ могу тебя довести.
 И то ты поступаешь; менѣ-жъ двоихъ сотъ лѣтъ еще
нѣтъ.
 Какъ поддалась, да такихъ не видишь во мнѣ примѣтъ.
 И буди не знаешь иль забыла родъ связныхъ
 Измѣнниковъ своихъ и преступниковъ разныхъ,
 Кои казненны во вѣчной ссылки по смерти жили.
 Разжалованы и под карауломъ были;
 То я здесь-же пред тобою считать стану,
 Представлю, какъ было, и скажу без-обману.
 Кои противъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичевъ в
змѣни обличень
 И князь Василій Голицынъ на Сибирь сосланъ,
 Потому что когда былъ противъ татаръ посланъ,
 Воротился назадъ празденъ, Перекопъ оставилъ,
 Чтò онъ здѣлалъ для татаръ, обрадовавшись вдругъ,
 Какъ скоро поднесли ему червонцовъ бурдюгъ,
 Въ которомъ сверху толко добри лежали

А в средину ложніе в обманъ наполняли ¹⁾.
 Да и Шереметевъ что получивъ,
 Когда російскому государю изминивъ?
 Не отъ самихъ-ли ляховъ отданъ былъ в неволю,
 Гдѣ болшь двадцати лѣтъ проплакалъ свою долю!
 Коего какъ самого, такъ и войско его
 Держали татаре во утѣсненіи всего.
 Ибо боаринъ оной великороссійской,
 Какъ напалъ на него и козаковъ ханъ крымской
 И поляки, то с ними усовѣтовался онъ,
 Чтобъ войско російское ис Кіева вывести вонъ
 И ляховъ туда пустить, а козаковъ бы всѣхъ,
 Бывшихъ при себѣ, выдать татарамъ в мѣстахъ тѣхъ.
 Какой Шереметовой измѣны не стерпѣвъ,
 Цицюра наказній мой гетманъ, кой сколко зрѣвъ,
 Какъ начали уже татарскому народу
 Отдавать всѣхъ козаковъ за хлѣбъ, соль и воду,
 Почему, оставивъ его, сквозь татаръ пробились
 И такъ от нихъ хотя с урономъ свободились.
 Дали-жъ Шереметева ляхамъ тѣмъ,
 Что не вдоволствовалъ ихъ в договорѣ своемъ:
 Ибо не токмо не могъ впустить въ Кіевъ ляховъ,
 Но недопущенъ туда и самъ от козаковъ.
 Такимъ образомъ хотѣлъ онъ моихъ погубить,

¹⁾ «Въ року 1689 повторно на Крымъ князь Василій Василювичъ Голицинъ и гетманъ Мазела и боярини—Шейнъ, Долгоруковъ, Змѣевъ, Шереметевъ и Шенелевъ, съ обоенародными войсками пошедши, под Самарю въ априлѣ стали», а отсюда пришли подъ Перекопъ. Но татаре, «вдавшись до хитростей, когда войска начали под Перекопъ шанцами приступати,...—мира искаая, поступили князю Голицину испуку и ложными червонцами, въ бурдюги насыпанными, его обманули, сверху только добрими прикривши. И тако все войско, хотя съ трудомъ, однакъ охотно, ради користи и славы, Крыму достигшее, принуждено от стѣнъ градскихъ съ жалемъ и руганіемъ на гетмана отступить, который мусѣвъ пред войско виехати и, его невинность показивая, лагодне ихъ укротить». Бояре за измѣну были казнены и Голицинъ на Сибирь сосланъ. Тамъ-же, стр. 288—289.

Но самъ попалъ в неволю, какъ вздумалъ измѣнить ¹⁾.
 Чтò-бъ російскіе наши цари здѣлали с нимъ,
 Если-бъ не татарамъ, но достался бъ тогда имъ?!
 Но сего недоволено: еще былъ злой навѣтъ,
 Пребывъ толко послѣ сего пятьдесятъ осмь лѣтъ.
 И вспомни, и кого и за что Петръ первій казнилъ,
 Какъ с иностранныхъ земель в отечество прибылъ!
 Не Лопухина-ль и другихъ сверстниковъ того?
 Не за измѣну-ль противъ Величества Его?
 Свидителемъ чему Скоронадскій мой гетманъ,
 Бывшій с полковниками своими тогда тамъ,
 Кой с Москвы за государомъ ѣздилъ в Питербургъ,
 Отъ кого с милостію отпущенъ обратно в мой кругъ ²⁾.

¹⁾ «Юрій Хмельницкій, учинивши на Кодачку совѣтъ съ бояриномъ Василіемъ Васильевичемъ Шереметьевымъ ступать войною в Польшу, въ року 1660, самъ Гончарихою особенно, а бояринъ з Цюцурою, наказнимъ гетманомъ, на Котелню пошли, намѣревая оба подъ Львовомъ сойтись». Но король польскій и ханъ крымскій неожиданно «напали на великороссіанъ и козаковъ под Чудновомъ и Слободищами и, побѣдивши, многихъ осадили. Где Хмельницкій, въ особности будучи, многократно бой дѣлалъ. Видя-же неприятельскую силу великую и умножающуюся, смирился предъ ляхами; а Шереметевъ, не во время познавши, что напрасно съ гетманомъ порознился, по долгомъ своемъ и нуждномъ и холодномъ и безводномъ съ Цюцурою облежени, утрактовалъ съ поляками, чтобъ козаковъ, при нешъ сущихъ, выдать татарамъ, войско російское съ Киева виведши, ляховъ туда впустить и прочая. Якой неправости не терпя Цюцюра, — ибо уже начали татарамъ за хлѣбъ, за соль, за воду козаковъ отдавать, — оставивъ Шереметьева, и хотъ съ потеряниемъ войска своего, сквозъ татаръ пробился. Тогда убо Шереметевъ, какъ не возмоглъ статей мирныхъ въ дѣло привести, понеже князь Барятинскій, въ Кіевѣ съ войскомъ обрѣтаясь, не токмо ляхамъ, но ему Шереметеву не даль и близко до Кіева приступить, — а таки ляхи, его атаковани, живого самого и войско его в награжденіе татарамъ отдали, у которыхъ въ неволѣ онъ Шереметевъ болше дванадцати лѣтъ сидѣлъ; офѣцеровъ-же его для окупу себѣ поляки оставили». Тамъ-же, стр. 256—257.

²⁾ «Возвратясь з Франціи, его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ въ 1718 году билъ въ Москвѣ со всѣмъ дворомъ его монаршіямъ, когда сужено Лопухина и другихъ казнено за измѣну, куда и гетманъ Скоронадскій съ полковникомъ чернѣтовскимъ Павломъ Полуботкомъ, да съ дубенскимъ полковникомъ-же Андреемъ Марковичемъ и съ писаромъ войсковымъ Семеномъ Савичемъ и

А чрезъ десять потомъ лѣтъ кто подь караулъ взять
 И кого велено из твоихъ в ссылку послать?
 Не графъ-ли Петръ Андреевичъ Толстой прозывался?
 Не тотъ-ли за преступленіе туда попался? ¹⁾
 Въ тысяча семьсотъ тридцать шестомъ году потомъ,
 Какъ козаки в сраженіи съ татарами были томъ,
 Кое происходило на Черной Долинѣ,
 По перемѣнной с обохъ сторонъ судбинѣ
 Гдѣ многихъ тѣхъ прежь мои было порубили,
 Потому когда татаре себя укрѣпили,
 То оныхъ запорозскихъ козаковъ прогнали.
 У слободскихъ полкахъ премногихъ погубляли,
 Куда бывший в тебѣ Шейнъ генераль посланъ былъ,
 Чтобъ російскому партію ту отъ татаръ прикрылъ;
 Но понеже, могучи, онъ помочи не далъ,
 То суди сама, не в змѣну-ль чрезъ то попалъ
 И не в вѣчніе-ли былъ садаты осужденъ ²⁾?

прочими ездилъ до государя, а зъ Москви онъ-же гетманъ зъ старшиною ездилъ за государемъ до Санктъ-Петербурга для повиданія строения онаго, — и съ милостию монаршою отпущены». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 304.

¹⁾ 1721 года «напередъ, по взятіи старого Толстого съ товарищи за караулъ и въ ссылку, велено и сыну его, полковнику нѣжинскому, сехать з Малой Россіи на житло въ Великую Россію». Тамъ же, стр. 311—312.

²⁾ О сраженіи у Черной Долины извѣстно слѣдующее: въ 1736 году, во время крымскаго похода, бывший кошевой Иванъ Малашевичъ съ охотниками окруженъ былъ татарами у Черной Долины (урочище Черная Долина, нынѣ станція на переконской почтовой дорогѣ, днѣпровскаго уѣзда), но не только спасся самъ со многими козаками, но еще и сотни плѣнныхъ татаръ—ногайцевъ къ Миниху представилъ. См. «Исторію Новой Сѣчи», А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 года, ч. II, стр. 95. Но едва-ли была какая-либо измѣна со стороны Шейна, хотя онъ и могъ подвергнуться какому-либо штрафу или наказанію отъ вспыльчиваго и опрочечиваго Миниха. Въ 1742 году послѣднему ставили въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ, въ «свою при арміи бытность не токмо съ меньшими російскими офицерами, и многожды и безъ суда, не по достоинству офицерскому, въ штрафахъ поступалъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатской штрафъ налагалъ; и въ первомъ переконскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій російскихъ полковниковъ, ругаясь, подь ружье ставилъ, и такъ

Но и еще не весь зборъ такимъ в тебѣ сочинень.
Напомню тебѣ генерала-адмирала

И кабинетъ-министра, коего ты знала,
Андрея Остермана, графа бывшего тежъ;

Напомню фелтмаршала въ годки тѣжъ,
Но сего помилованного уже оставлю.

Левенвольда-жъ оберъ-гофъ-маршала представляю!

Спрошу тебя,—гдѣ Михайло Головинъ дѣвался,

Тотъ, которій еще канцлеромъ твоимъ считался!

Гдѣ Мейгденъ комерць-коллежской президентъ бывшой?

Да гдѣ и с тѣми развѣ в чести прежде жившій,

Кой дѣйствителнй статской былъ уже совѣтникъ?

Не здѣлался-ль и сей помянутымъ причетникъ?

И не все-ли оны в измѣнѣ обличены?

Не все-ль къ смертной казни были осуждены

За погрѣшность противъ государева лица

И зъ государственнiя многiя воровства?

Но всемилостивѣйша однакъ Елисаветъ,

Что присудилъ—было тѣмъ весь генералѣтеть,

Но милосердію изволила то унять

И вмѣсто смертной казни вѣчно всылку сослать¹⁾.

ихъ предъ всюю арміею водилъ, изъ нихъ-же нѣкоторыхъ и скованныхъ держалъ: свойственниковъ-же своихъ и адгерентовъ не по ихъ достоинству производилъ «. См. Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, т. XI, манифестъ 22 генваря 1742 г., стр. 572.

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ измѣнникахъ основаны исключительно на высочайшемъ манифестѣ императрицы Елизаветы Петровны отъ 22 генваря, 1742 года, объ отмѣнѣ смертной казни приговореннымъ къ оной генеральнымъ судомъ государственнымъ преступникамъ Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву, изобличеннымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ къ устраненію отъ наслѣдія императорскаго всероссійскаго престола императрицы Елизаветы Петровны и къ доставленію онаго потомству принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской. Генеральный судъ положилъ всѣхъ этихъ государственныхъ преступниковъ казнить смертію, «а именно: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, а Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву отсѣчь головы, а движимыя и недвижимыя ихъ имѣнія взять» на государыню. Но императрица Елизавета Петровна всемилости-

Вотъ, смотри! однимъ ты меня попрекнула разъ,
А я сколько сосчитаю твоихъ къ царямъ уразъ!
Мазену толко твердишь, а своихъ забыла,
Недавно тысячными глаза заслѣнила.
Ибо одного легче помнитъ и усмотрѣть,
Многими-жъ глаза можно помрачить, какъ глядѣть.
Упомяну противъ того славной в себѣ:
Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ,—
Какъ Елисаветъ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?..

вѣйше «указала ихъ отъ той приговоренной смертной казни освободи, сослать въ заточеніе, а именно: Андрея Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Германгъ, Менгдена въ колымской острогъ, Левенвольда къ Соли-Камской, Темпрязева въ ссылку въ Сибирь, въ которыя мѣста, какъ его Остермана, такъ и прочихъ жещъ, ежели похотятъ, отпустить-же съ мужьями, а всѣ ихъ собственныя движимыя и недвижимыя имѣнія взять» на ее—государыню. Сж. Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи, т. XI, стр. 567 и слѣд.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(в ъ и з в ѣ щ е н і и)

1643—1651 г.

(Продолженіе).

1650 г.

Начало года посвящено описанію засѣданій сейма, собравшагося въ Варшавѣ, при чемъ записано слѣдующее извѣстіе о посольствѣ, явившемся на сеймъ отъ Хмельницкаго ¹⁾.

Января 6. Прибыли въ Варшаву послы отъ войска Запорожскаго. Присылка ихъ была давно обѣщана: ихъ ожидали и, наконецъ, надежду уже потеряли. Вмѣстѣ съ послами возвратился / стольникъ варшавскій, Станиславъ Гульчевскій, который посланъ былъ къ козакамъ по настоянію Хмельницкаго, для того, чтобы присутствовать при составленіи переписи войска запорожскаго въ количествѣ 40,000, согласно статьямъ договора, заключеннаго подъ Зборовымъ. Пословъ козацкихъ было пять: первымъ былъ Максимъ Несторенко, старый и заслуженный въ ихъ войскѣ козакъ, отъ всей души ненавидящій ляховъ, что онъ многократно доказалъ, особенно-же при взятіи Кодака. Послѣ долгой осады гарнизонъ этой крѣпости сдался, полагаясь на слово и торжественную присягу Несторенка, обѣщавшаго сохранить сдавшимся жизнь и имущество; но онъ слова не сдержалъ и присягу нарушилъ, ибо, когда солдаты разошлись уже по селамъ, онъ напалъ на нихъ, однихъ отдалъ въ тяжелую неволю, другихъ жестоко перебилъ. Другой посолъ былъ Ясько Войченко изъ Крылова; третій—Иванъ Креховецкій, писарь войска запорожскаго; четвертый—Нагнить изъ Черкасъ; пятый—Щербина изъ Канева.

¹⁾ Стр. рукописи 1017—1019.

7 числа. Вышеупомянутые козацкіе послы изложили порученное имъ въ частной аудіенціи у короля и отъ имени своего гетмана передали вновь составленный, согласно съ условіями зборовскаго договора, регистръ войска запорожскаго. Составленіе этого регистра было лучшимъ доказательствомъ искренности и повиновенія Хмельницкаго, а также гарантіею хотя кое какого замиренія. Большинство павовъ нашихъ, опытныхъ въ политикѣ, были убѣждены, что Хмельницкій не имѣлъ желанія и, еслибы даже желалъ, то не былъ въ состояніи исполнить этого условія, до того казалось труднымъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ оставшихъ хлоповъ столь малое число признать козаками, всѣхъ же остальныхъ вновь обратить въ крѣпостное состояніе. Однако въ этомъ дѣлѣ онъ выказалъ столько ума и сообразительности (мы это признать должны), что умѣлъ совершить то, что обѣщаль, хотя дѣло всѣмъ казалось невозможнымъ. Книга, въ которой списаны регистры, форматомъ въ листъ и довольно толстая, ибо столько именъ и фамилій должно было занять много мѣста. Такъ какъ вся книга для скорого прочета неудобна и по своему объему и потому, что вся написана русскимъ письмомъ, то послы, для удобства короля и другихъ лицъ, которымъ необходимо было ознакомиться съ дѣломъ, представили краткое извлеченіе, скрѣпленное гербовою печатью и подписью Хмельницкаго, заключающее въ себѣ перечень полковъ и сотенъ съ обозначеніемъ количества козаковъ въ каждой.

Въ рукописи приложена копія этого перечня; мы ее не помѣщаемъ, потому что полный регистръ былъ уже напечатанъ покойнымъ О. М. Бодянскимъ въ 1875 году. Въ перечнѣ Освѣцима общая цифра козаковъ выставлена 40,477.

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ описаніе засѣданій сейма, дневникъ путешествія Освѣцима въ Венецію и обратно и описаніе приѣма московскаго посольства, пріѣхавшаго въ Варшаву 16 Марта. Дневникъ продолжается только до 1 апрѣля, остальные 9 мѣсяцевъ 1650 года утеряны и продолженіе начинается только съ 24 января 1651 года.

1651 г. 1).

Января 24. Вчера выѣхалъ изъ Львова кастелянъ браковскій, гетманъ великій коронный (Николай Потоцкій); передъ выѣздомъ онъ получилъ письма отъ ротмистра Мазовецкаго, от-

1) Дневникъ за 1651 годъ занимаетъ страницы рукописи 1088—1250.

правленные 28 декабря минувшаго года изъ Турціи. Мазовецкій еще осенью отправленъ былъ въ качествѣ агента въ Турцію и ему поручено было стараться отклонить турокъ отъ союза съ Хмельницкимъ, убѣдить Порту, чтобы она не допустила брака Тимофея на дочери господаря и попытаться выхлопотать офиціальныя приказъ татарамъ, для удержанія ихъ отъ войны. По сообщенію его въ упомянутомъ письмѣ, турки не довольны союзомъ татаръ съ козаками, но не могутъ ему воспрепятствовать, такъ какъ силы ихъ заняты войною съ Венеціею, почему они должны смотрѣть сквозь пальцы на эту дружбу и притворно ее разрѣшать; они также сильно не одобряютъ предполагаемый бракъ и отправили приказъ господарю молдавскому, чтобы онъ не отдавалъ дочери въ супружество бунтовщику; вообще всѣ дѣйствія турокъ въ пользу Хмельницкаго предпринимаются лишь для того, чтобы выиграть время, ибо въ настоящемъ они не имѣли-бы возможности сопротивляться его могуществу. Мазовецкій прислалъ притомъ вполне вѣрное извѣстіе, что Хмельницкій, желая привлечь хана къ участию въ предпріятіи относительно женитьбы сына (на свадьбу-же онъ не желалъ отправляться безъ оружія), жаловался ему черезъ своихъ пословъ, будто мы, нарушая статьи договора, нападаемъ на него и готовимъ ему гибель. Но посольство это возвратилось съ неблагопріятнымъ отвѣтомъ, ибо ханъ нашелъ невозможнымъ для себя прійти ему въ помощь со всѣмъ своимъ войскомъ, такъ какъ силы его были значительно ослаблены потерей людей и лошадей, какъ во время осенней экскурсіи въ Волощину, такъ и вслѣдствіе сраженія съ калмыками, случившагося зимою; онъ совѣтовалъ Хмельницкому не выступать изъ своихъ границъ и выдержать натискъ до весны, забавляя ляховъ посольствами и напоминаніями о заключенномъ договорѣ; въ случаѣ крайности онъ обѣщалъ прислать въ помощь 12,000 орды, весною-же явиться со всѣми своими силами.

Въ то-же время король получилъ предостереженіе отъ императора о томъ, что изъ числа солдатъ, распущенныхъ послѣ водворенія мира въ имперіи, 4,000 отборныхъ воиновъ поступили на жалованье къ Хмельницкому, и что они намѣрены вторгнуться въ Польшу со стороны Спизской земли, поднять тамъ крестьянское возстаніе въ горахъ, и затѣмъ напасть на Краковъ и попытаться такимъ образомъ развлечь наши силы.

Въ это-же время, какъ это обыкновенно случается во время войны, заразы и другихъ общественныхъ бѣдствій, стали рас-

пространяться различные неблагоприятные слухи и подозрѣнія на счетъ разныхъ особъ, въ томъ числѣ и на счетъ князя Вишневецкаго. Завистливые люди утверждали, будто онъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ враги лишили его всѣхъ помѣстій, обращался съ просьбою о займѣ значительной суммы къ Ракочію (князю семиградскому), тайному врагу нашего отечества и неизмѣнному союзнику Хмельницкаго, и предлагалъ ему отдать въ залогъ своего сына ¹⁾.—Удивительно злословіе коварныхъ людей! Будто сынъ столь знатнаго и славнаго вельможи, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ отечествѣ, единственное украшеніе своего рода, зѣница ока своего отца, могъ быть отданъ подъ залогъ денежной суммы явному врагу отечества! Будто князь Вишневецкій лишенъ былъ въ отечествѣ друзей и родственниковъ, которые-бы не отказали ему въ помощи. Вѣдь мы видѣли, что многіе, совершенно ему посторонніе люди, не связанные съ нимъ узами родства, руководимые лишь уваженіемъ къ его славі и заслугамъ, представляли въ его распоряженіе и пользованіе свои дома и помѣстья. Поводомъ къ этимъ толкамъ злонамѣренныхъ людей послужило, между прочимъ, то обстоятельство, что князь, получивъ отъ короля порученіе нанять 700 людей для предстоящей войны, отказался отъ этого и возвратилъ полномочіе; князь поступилъ такимъ образомъ потому, что онъ хотѣлъ отрядъ этотъ доставить на службу Рѣчи-Посполитой на свой счетъ и не желалъ отдавать въ наемъ собранной имъ милиціи. Поскупокъ этотъ былъ перетолкованъ людьми, привыкшими вмѣшиваться въ чужія дѣла, и послужилъ основаніемъ приведенныхъ подозрѣній и сплетень.

Февраля 12. Въ Украинѣ собиралась страшная гроза. Хмельницкій, не успѣвши устроить брака своего сына въ Волощивѣ, по причинѣ препятствій, встрѣченныхъ имъ со стороны нашего войска, рѣшился силою осуществить свое намѣреніе и возобновить съ нами войну, расторгнувъ договоръ, скрѣпленный присягою и отстранивъ комиссію, назначенную для разсмотрѣнія этого дѣла; болѣе заслуженные козаки высказывали однако въ тайнѣ, что они удовлетворены королемъ, что Хмельницкій посягаетъ на то, что ему не слѣдуетъ и долженъ самъ нести отвѣтственность за свое предпріятіе, они-же готовы отстать отъ него, лишь бы пользоваться спокойствіемъ.

¹⁾ Будущаго польскаго короля—Михаила.

Желая обезпечить себя, Хмельницкій всѣми силами хлопоталъ о томъ, чтобы ханъ далъ ему вспомогательное войско и чтобы онъ самъ принялъ участіе въ походѣ. Но такъ какъ ханъ не могъ лично явиться по вышеизложеннымъ причинамъ, то отправилъ въ походъ своего брата, султана Нуредина, съ 10,000 отрядомъ, давъ ему притомъ тайный наказъ избѣгать сраженій и состоять лишь въ качествѣ стражи при Хмельницкомъ, въ случаѣ-же большой опасности немедленно о томъ извѣстить его, обѣщая, въ такомъ случаѣ, двинуться на помощь со всею ордою съ наступленіемъ весны. Полагаясь на это обѣщаніе и на вспомогательный отрядъ султана Нуредина, Хмельницкій выступилъ изъ Чигрина 16 февраля и направился въ Баръ. За недѣлю до его выступленія поднялась вся почти Украйна—взрослые и малолѣтніе, старые и молодые, помышляя объ истребленіи насъ, не думая вовсе о предположенной комисіи и желая лишь предупредить соединеніе нашихъ войскъ. Но въ этомъ отношеніи надежда ихъ не оправдалась, ибо польный коронный гетманъ Калиновскій, которому поручено было въ то время главное начальство надъ войскомъ (великаго гетмана, Николая Потоцкаго, король удержалъ при себѣ подъ предлогомъ необходимости пользоваться его совѣтами, но правдоподобнѣе, какъ носились слухи, потому, что не довѣрялъ его распорядительности), совокупилъ все войско у Бара, какъ о томъ выше было сказано, и, узнавъ о томъ, что крестьяне возстаютъ въ Брацлавщинѣ и собираются въ отряды, рѣшилъ заблаговременно предупредить ихъ и не дозволить имъ соединиться. Онъ выступилъ 19 февраля изъ Бара по направленію къ Линцамъ, съ цѣлью преградить путь врагамъ, и того-же числа вечеромъ остановился въ мѣстечкѣ Станиславовѣ. Здѣсь онъ узналъ, что брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ, котораго козаки считали первымъ лицомъ послѣ Хмельницкаго, вопреки статьямъ договора, которыя воспрещали обѣимъ сторонамъ переходить пограничную черту, занялъ мѣстечко Красное, лежащее за назначенною чертою, и расположился въ немъ. Гетманъ Калиновскій воспользовался этимъ предлогомъ для нападенія и 20 февраля, въ понедѣльникъ на масляницѣ, выступилъ изъ Станиславова, отправивъ впередъ часть войска подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы, Станислава Лянцковскаго. Послѣдній съ тремя козацкими хоругвями (старосты черкаскаго Киселя, старосты улановскаго Казимира Пьсечинскаго и Криштофа Корицкаго) неожиданно за-

хватилъ въ расплохъ врага, не помышлявшаго объ опасности, и, вореавшись въ мѣстечко, привелъ козаковъ въ большое смятеніе. Нечай, бывшій въ то время на-веселѣ, когда его извѣстили о приходѣ войска, полагалъ, что въ Красное прибылъ съ козаками сотникъ Шпакъ изъ Мурахвы; потомъ, убѣдившись, что дѣло не шуточное, вскочилъ на коня, сталъ сражаться, какъ подобало храброму юнаку, и перначомъ своимъ подгонялъ козаковъ въ битву; но среди безпорядка и суматохи онъ не могъ организовать сопротивленія и, храбро защищаясь, палъ въ битвѣ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ легло много козаковъ. Между тѣмъ болѣе знатные сотники: Гавратынский, Красносельскій, братъ Нечая, Кривецкій, Степко ¹⁾ и другіе съ значительнымъ количествомъ стрѣлковъ отступили въ замокъ. Хотя крѣпость эта была неприступна съ трехъ сторонъ, съ четвертой-же стороны охранялась прорубями, подѣланными во льду, гетманъ, желая сразу воспользоваться замѣшательствомъ непріятеля, приказалъ немедленно иноземной пѣхотѣ идти на штурмъ; но враги отбили приступъ съ успѣхомъ; затѣмъ польская ковица, охотно сѣшвшись, стала поддерживать въ штурмѣ отступившую пѣхоту и вбѣжала съ развернутыми знаменами на валы; но Провидѣнію угодно было иначе распорядиться и наши, не одержавъ успѣха, должны были продолженіе сраженія отсрочить до слѣдующаго дня. На разсвѣтѣ ковица выстроилась въ боевой порядокъ, ино-странному-же (наемному) войску, какъ пѣхотѣ, такъ и драгунамъ, гетманъ приказалъ опять идти на приступъ. Между тѣмъ враги ночью сожгли все зданія, мѣшавшія защитѣ, и солдаты

¹⁾ Изъ „регистра войска запорожскаго“, составленнаго въ 1649 году и представленнаго королю въ 1650, мы знаемъ, что брацлавскій полкъ принадлежалъ къ числу болѣе многочисленныхъ и обширныхъ; въ немъ числилось 2,662 козака, и въ составъ его входило 22 сотни. Изъ числа лицъ, упоминаемыхъ въ рассказѣ Освѣцима, въ регистрѣ, кромѣ полковника Данила Нечая, въ сотнѣ брацлавской записаны были два брата его: Матвѣй и Иванъ. Погибшій въ Красномъ, вмѣстѣ съ братомъ Даниломъ, былъ Матвѣй, такъ какъ Ивана мы встрѣчаемъ впоследствии (1654) въ званіи бѣлорускаго полковника въ Быховѣ. Романъ Шпакъ былъ въ 1649 сотникомъ брацлавскимъ, съ того-же времени очевидно перешелъ на сотничество въ Мурахву. Солтанъ Красносельскій уже въ 1649 году былъ, по всему вѣроятію, сотникомъ полковой брацлавской сотни; упоминаемый-же у Освѣцима Степко—это Степко Билоченко, сотникъ баглановскій. Василь Кривецкій и Грицько Кривенко числились въ 1649 году козаками брацлавской-же сотни. Въ селѣ Салиндахъ, райгородской сотни записанъ Василь Жидовчинъ,—можетъ-быть его разумѣть Освѣцимъ подъ именемъ Жидкевича; наконецъ Гавратынскаго мы не нашли въ регистрѣ брацлавскаго полка.

наши, по причинѣ усталости не имѣли успѣха, не смотря на то, что и кавалеристы польскіе, соскочивъ охотно съ лошадей, пѣшкомъ до поздняго вечера шли на валы на приступъ. Самъ гетманъ, цѣня мужество солдатъ и раздѣляя ихъ опасности, сошелъ съ коня и, поддерживая рѣшимость солдатъ, лично ходилъ на приступъ; даже конь его былъ раненъ выстрѣломъ. Во время штурма раненъ былъ полковникъ Денгофъ и многіе товарищи; нѣсколько офицеровъ и до 150 челяди и пѣхотинцевъ убиты. Наконецъ ночь раздѣлила сражавшихся и наши хоругви расположились вокругъ замка. Между тѣмъ козаки потеряли самоуверенность и стали ночью перескакивать черезъ палисадъ, желая спастись бѣгствомъ; но это не удалось имъ и многіе сложили голову: шляхтичъ Гавратыньскій, занимавшій у нихъ должность сотника, попалъ въ плѣнъ и потомъ былъ разстрѣлянъ въ Мурахвѣ; Жидкевичъ, писарь Нечая, также былъ взятъ въ плѣнъ, но онъ былъ впоследствии освобожденъ. Степко палъ въ сѣчѣ, Красносельскій пропалъ безъ вѣсти, братъ-же Нечая и Кривенко погибли вмѣстѣ со многими другими во время штурма (второго дня). Гетманъ тотчасъ отправилъ однѣ хоругви въ погоню за убѣжавшими, другія-же послалъ въ замокъ, куда ворвавшись, онѣ изрубили всѣхъ остававшихся тамъ враговъ. Такъ счастливо кончилось это первое столкновеніе,

Февраля 23. Гетманъ сжегъ городъ и замокъ въ Красномъ и отправился въ Мурахву, зная, что тамъ собралось 2,000 козаковъ подъ начальствомъ сотника Шпака; но они, узнавъ о движеніи войска и не полагаясь на свои слишкомъ слабыя силы, заблаговременно отступили по направленію къ Днѣстру. Мѣщане и крестьяне изъ окрестныхъ селъ затворились въ городѣ и упорно защищались, не желая впустить нашего войска, но потомъ должны были отступить изъ города и затворились въ замкѣ, который очень сильно укрѣпили. На слѣдующій день осажденные сдались, выдали пушки и порохъ и принесли присягу, равно представили одного изъ среди себя, утверждая, что онъ былъ зачинщикомъ бунта; наконецъ они обратились къ гетману съ просьбою, чтобы онъ оставилъ гарнизонъ въ замкѣ для охраны отъ своевольныхъ людей, вслѣдствіе чего и былъ оставленъ отрядъ пѣхоты. Между тѣмъ войсковая челядь стала ходить въ замокъ, будто для покупки припасовъ, дѣйствительно-же солдаты принялись разбивать коморы, грабить провизію, медъ и другіе предметы. Гетманъ, желая вначалѣ-же пресѣчь этотъ безпорядокъ,

приказалъ, для примѣра другимъ, повѣсить пойманнаго на мѣстѣ преступленія одного солдата изъ отряда воеводы брацлавскаго (Лянцкоронскаго). Хотя распоряженіе это и раздосадовало воеводу, но онъ принужденъ былъ на этотъ разъ проглотить обиду въ молчаніи.

Февраля 27. Усмиривши жителей Мурахвы, на сколько это возможно было въ то время, войско двинулось въ Шаргородъ. Мѣщане этого города заблаговременно озаботились о своей безопасности, за два дня до прихода войска, они прислали къ гетману изъявленіе своей покорности и высказали готовность, какъ вѣрные королевскіе подданные, допустить войско въ городъ. Общанія свои они дѣйствительно сдержали. Когда войско занимало въ теченіи нѣсколькихъ дней квартиры въ Шаргородъ, пріѣхала къ гетману депутація мѣщанъ изъ Чернівецъ съ заявленіемъ готовности выдать оружіе и принести присягу вѣрности; точно также поступили и другіе близлежащіе города.

Марта 1. Гетманъ рѣшилъ остановиться въ Шаргородъ до конца зимы и распредѣлилъ квартиры для войска, но потомъ, по неизвѣстной причинѣ, перемѣнилъ намѣреніе и войско, не занявъ назначенныхъ квартиръ, выступило въ Чернівцы, гдѣ и остановилось на ночлегъ 2 марта.

Марта 3. Оттуда войско двинулось къ мѣстечку Стину, въ которомъ затворились козаки и крестьяне изъ разныхъ мѣстечекъ. Во время похода пріѣхали къ войску двое мѣщанъ изъ упомянутаго мѣстечка, посланные, какъ кажется, войтомъ безъ вѣдома черни; они просили мира отъ имени всѣхъ жителей и взялись проводить войско въ Стину. Но едва наши приблизились, изъ мѣстечка въ лежащіе на пути хутора выбѣжало множество хлоповъ, вооруженныхъ самопалами, луками и другимъ оружіемъ. При приближеніи войска они стали стрѣлять, произносить угрозы, преподносить кукиши и, забывъ всякое приличіе, выставлять заднія части тѣла. Довольно долго они защищали входъ въ хутора и въ нижній городъ; наконецъ нѣсколько козацкихъ ¹⁾ хоругвей, бросившись впередъ съ рѣшимостью, прогнали хлоповъ въ городъ и овладѣли хуторами; съ другой стороны воевода брацлавскій, прінявъ на-

¹⁾ Упоминаемыя въ составъ польскаго войска козацкія хоругви не состояли изъ козаковъ; это были отряды легкой конницы польскаго войска, вооруженные по образцу козаковъ, почему и носили названіе хоругвей козацкихъ, въ противоположность тяжелой конницѣ, называвшейся: гусарами и панцирниками.

начальство надъ пѣхотою и частью конницы, атаковалъ нижній городъ и вскорѣ, съ Божьею помощью, заставилъ враговъ отступить въ городъ верхній. Послѣдній защищенъ неприступнымъ мѣстоположеніемъ и доступъ къ нему возможенъ лишь съ одной стороны. Потому хотя гетманъ и покушался взять его приступомъ, но не имѣлъ никакого успѣха; пальба изъ пушекъ также мало вреда наносила осажденнымъ; послѣдніе-же отказались рѣшительно сдаться и выдать свою старшину. Начались переговоры; осажденные предлагали дать для удовлетворенія войска 4,000 злотыхъ и просили гетмана не проливать ихъ крови, увѣряя, что они вѣрные подданные калусскаго старосты, пана Яна Замойскаго. Гетманъ, видя что невозможно ничего добиться силою, согласился принять такое доказательство ихъ покорности и удовлетворился лишь тѣмъ, что потребовалъ у нихъ присяги.

Марта 4. Послѣ принесенія присяги, изъ города прислали вмѣсто обѣщанныхъ 4,000 злотыхъ только 1,000. По опредѣленію общаго совѣта гетманъ отправилъ обратно эти деньги черезъ товарища хоругви брацлавскаго воеводы и отпустилъ назадъ тѣхъ хлоповъ, которые ихъ принесли.

Марта 5. Приказано было войску выступать въ Черніевцы, но въ одной лощинѣ вблизи города оставлены были въ засадѣ три хоругви. Когда войско наше удалилось, хлопы, ничего не опасаясь, вышли изъ города въ оставленный нами лагерь. Тогда хоругви выскочили изъ засады, отрѣзали хлоповъ отъ города и, бросившись на нихъ съ крикомъ: „Галла! Галла!“; перебили ихъ до 150. Въ тотъ-же день гетманъ послалъ полки князя воеводы русскаго (Переміи Вишневецкаго) и пана хорунжія короннаго въ мѣстечко Ямполь. Они ночью захватили Ямполь върасплохъ, перерѣзали поголовно всѣхъ жителей, мѣстечко сожгли и овладѣли богатою добычею. Между тѣмъ войско, отступивъ отъ Стини, расположилось на трехдневный отдыхъ въ Черніевцахъ.

Въ тотъ-же день кіевскій воевода, Адамъ Кисель ¹⁾, назначенный комиссаромъ короля и Рѣчи Посполитой для обсуждения

¹⁾ Адамъ Кисель принадлежалъ къ древнему русскому дворянскому роду и былъ православный, вслѣдствіе этого польское правительство поручило ему сношенія съ Хмельницкимъ. Въ перепискѣ съ козацкимъ гетманомъ Кисель постоянно выставляетъ на видъ свое русское происхожденіе и даже примѣшиваетъ къ польскому тексту своихъ писемъ малорусскія слова и выраженія. Желая сохранить эти особенности рѣчи въ переводѣ, мы, въ письмѣ Кисели, будемъ подчеркивать и приводить въ выноскахъ слова подлинника.

всякихъ претензій обѣихъ сторонъ, обратилъ вниманіе на то, что гибель Нечая и многихъ козаковъ и нападеніе на нихъ гетмана, вѣроятно, сильно раздражаетъ Хмельницкаго и вызовутъ месть съ его стороны, а потому рѣшился, хотя до нѣкоторой степени, успокоить его, указавъ, что причину къ столкновенію подали исключительно своевольные козаки. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ Хмельницкому слѣдующее письмо:

Милостивый панъ гетманъ, мой любезный панъ и братъ! Отъ начала вселенной случается такъ, что среди пшеницы попадаются плевелы и часто рядомъ съ церковью *Божею* ¹⁾ злой духъ устраиваетъ свою капеллу. Помазанникъ Божій, король его милость, прилагалъ постоянно и теперь прилагаетъ всѣ старанія для того, чтобы доставить спокойствіе своему государству; я *несчастный* ²⁾ со времени сейма, въ теченіи трехъ лѣтъ безпрестанно нахожусь въ разбѣздахъ и хлопотахъ, вслѣдствіе чего я совершенно потерялъ силы и здоровье; я постоянно нахожусь въ сношеніяхъ съ вашею милостью, моимъ милостивымъ паномъ и братомъ, желая снискать облегченіе угнетенному нашему отечеству и спасти отъ гибели послѣднюю горсть нашего русскаго народа. Ваша милость также не мало *печаловалась* ³⁾ и трудились, какъ подобало вѣрному королевскому подданному и слугѣ, принесшему присягу, для того, чтобы потушить вспыхнувшій пожаръ. Между тѣмъ Нечай, которому нынѣ да оставитъ Господь его прегрѣшенія, привыкъ было безъ вѣдома вашей милости творить всякое зло: зазывать татаръ противъ соотечественниковъ, проливать кровь, избивать дворянъ. Такъ и въ послѣднее время онъ овладѣлъ артиллеріею въ Брацлавѣ, двинулся къ Линцамъ и напалъ на квартиры польскаго войска, понося письмами и на словахъ знатныхъ вождей и гетмановъ; потому, по справедливому изволенію Господа, онъ и нашелъ то, чего искалъ и получилъ награду по заслугамъ. Узнавъ объ этомъ столкновеніи и имѣя въ виду данное мнѣ порученіе о сохраненіи мира, я королевскимъ именемъ удержалъ польнаго гетмана и воеводу брацлавскаго отъ дальнѣйшаго движенія за пограничную черту и вашу милость извѣщаю о томъ, что коммисія, назначенная для умиротворенія, спокойно ожидаетъ начала своего дѣйствія, о чемъ и гетманъ польный извѣщаетъ вашу милость отдѣльнымъ письмомъ. Отправляя къ вашей милости это посланіе, отъ себя удостоверяю васъ именемъ короля, что миръ считаю ненарушеннымъ и что коммисія готова по прежнему приступить къ своимъ дѣйствіямъ ⁴⁾. Когда она откроется, брацлавскій воевода предъявитъ въ ея засѣданія *обидныя* ⁵⁾ письма и угрозы, присланныя ему Нечаемъ. Король его милость глубоко сожалеетъ объ этомъ поступкѣ и о возникшей ссорѣ, но онъ увѣренъ, что все это случилось

¹⁾ Въ текстъ: „При костель, а по нашему при церкви Божей“. ²⁾ „Небо-ракъ“. ³⁾ „Горювалъ“.

⁴⁾ „Что миръ—миромъ и коммисія—коммисією“. ⁵⁾ „Плюгавія“.

безъ вѣдома вашей милости, и пребываетъ къ вамъ по прежнему благосклоннымъ; онъ желаетъ, чтобы комиссія поскорѣ начала свои дѣйствія и счастливо довела ихъ до конца во избѣжаніе новыхъ вспышекъ и кровопролитія, — и чтобы собранныя военныя силы соединились противъ общаго врага, вмѣсто того, чтобы взаимно себя истреблять. Извѣщая объ этомъ вашу милость, прошу, чтобы вы изволили, согласно съ даннымъ обѣщаніемъ, назначить въ возможно скоромъ времени день сѣзда въ Павлочи. Мы будемъ ожидать въ Линцахъ. Всемогущій Богъ властенъ покончить въ одинъ часъ дѣло, которое мы не могли рѣшить въ теченія года. Слѣдуетъ лишь обратиться къ Нему съ молитвою отъ всей души и благословеніе Его будетъ намъ ниспослано, враги-же наши не возрадуются отъ паденія нашего. Моля объ этомъ Господа, заключаю письмо мое просьбою о скоромъ и благосклонномъ отвѣтѣ. Гонцу своему я назначилъ срокъ возврата 12 марта (по римскому календарю) и если къ этому сроку не получу отвѣта, то долженъ буду самъ потерять всякую надежду на комиссію и миролюбивое окончаніе дѣла. Не дай того Господи! Вѣдь отъ этого зависить судьба святой нашей вѣры, судьба русскаго народа и пролитіе христіанской крови. При семъ случаѣ поручаю себя благосклонности вашей милости. Изъ Гоши, марта 3-го дня 1651 года. Кіевскій воевода (Адамъ Кисель).

Марта 6. Гетманъ собралъ совѣтъ для того, чтобы опредѣлить выборъ главной квартиры, такъ какъ нужно было на время пріостановить военныя дѣйствія, ибо вскорѣ ожидалась оттепель и необходимо нужно было дождаться прихода подкрѣпленій, сформированныхъ изъ вновь на вербованныхъ солдатъ, о приближеніи которыхъ не было пока никакихъ извѣстій. На совѣтѣ рѣшили провести остатокъ зимы въ Винницѣ, какъ въ городѣ болѣе обширномъ. Въ это-же время король, предчувствуя угрожающую Рѣчи Посполитой опасность и не довѣряя прочности мира, заключеннаго съ бунтовщиками, вышелъ необходимымъ созвать сеймъ и потому къ 9 марта созвалъ сеймики во всемъ королевствѣ.

Между тѣмъ гетманъ, согласно съ постановленіемъ военнаго совѣта, выступилъ 6 марта изъ Чернівецъ въ Винницу. Войско направилось черезъ Мурахву и Красное и 10 марта остановилось на ночлегъ въ Сутискѣ. Въ ту-же ночь гетманъ отправилъ впередъ къ Винницѣ брацлавскаго воеводу съ его полкомъ на рекогносцировку; послѣдній узналъ на пути отъ захваченныхъ языковъ, что въ Винницѣ расположился въ качествѣ гарнизона калвинцкій полковникъ Богунъ съ отрядомъ въ 3,000 козаконъ; вслѣдствіе этого онъ ускорилъ походъ, не смотря на очень глубокій снѣгъ. Такъ какъ козаки не поставили сторожеваго отряда за мостомъ, то наши ворвались въ предмѣстья неожиданно и если-бы

они шли въ большемъ порядкѣ, то безъ сомнѣнія захватили-бы городъ, подобно Красному. Когда хоругви наши приблизились къ городу, козаки замѣтили ихъ и какъ пѣшіе, такъ и конные вышли на встрѣчу на ледъ на рѣкѣ Бугѣ, гдѣ они заблаговременно на-дѣлали было кругомъ города прорубей. Проруби эти, высѣченныя нѣсколько дней назадъ, успѣли покрыться тонкимъ слоемъ льда и занесены были снѣгомъ и потому незамѣтны; козаки выстроились на льду позади ихъ. Брацлавскій воевода съ двумя хоругвями (пана Киселя и пана Мелешка) бросился на нихъ, не осмотрѣвъ мѣстности. Онъ и самъ попалъ въ прорубь, и оба ротмистра погибли, и много людей изъ обѣихъ хоругвей. Козаки взяли знамя воеводы и оба знамени хоругвей; изъ хоругви пана Киселя погибло семь товарищей, а изъ хоругви пана Мелешка три; притомъ много лошадей потонуло или погибло отъ выстрѣловъ. Хоругви отступили въ безпорядкѣ къ замку, который между тѣмъ заняли драгуны, и расположились вокругъ его укрѣпленій, гдѣ впрочемъ сильно страдали отъ выстрѣловъ козацкой артиллеріи. Затѣмъ уже отыскиали брацлавскаго воеводу, который едва выкарабкался изъ проруби и лежалъ на льду, сильно избитый прикладами самопаловъ. Его уложили въ сани, чтобы согрѣть, и онъ отправилъ гонца къ гетману съ приглашеніемъ ускорить приходъ главнаго отряда.

Марта 11. Подъ вечеръ пришелъ съ войскомъ гетманъ и, расположивъ его въ опредѣленныхъ позиціяхъ, осадилъ городъ. Онъ однако не предпринималъ военныхъ дѣйствій, ожидая прихода артиллеріи; войско оставалось постоянно въ строю. Козаки, не довѣряя своимъ силамъ, въ полночь съ субботы на воскресенье зажгли городъ во многихъ мѣстахъ, сами-же затворились въ монастырѣ. Наши немедленно вступили въ городъ и, лишь только разсвѣло, пошли на приступъ, но козаки дѣятельно отстрѣливались изъ за полисада, такъ что бой длился цѣлый день въ воскресенье и слѣдующую ночь, съ небольшими перерывами.

Въ понедѣльникъ, когда наши стали готовиться къ новому штурму, козаки сомкнулись внутри второй линіи укрѣпленій, оставивъ первую линію полисада. Съ наступленіемъ ночи на нихъ повели приступъ со всѣхъ сторонъ при безпрестанной пальбѣ; но и они очень храбро защищались какъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, такъ и отбиваясь косами, дубинами и камнями; при этомъ съ обѣихъ сторонъ погибло много людей. Штурмъ продолжался до полуночи, пока наконецъ обѣ стороны не отправились на отдыхъ. Съ нашей стороны погибло до 20 охотниковъ и болѣе ста пѣхотинцевъ, между

прочими два поручика: панъ Либишовскій и панъ Холоневскій (изъ хоругвей князя Дмитрія Вишневецкаго и старосты калусскаго). Во вторникъ козаки вступили въ переговоры; они прислали къ гетману своихъ сотниковъ, которые предлагали дать въ качествѣ выкупа 4,000 воловъ и 50 бочекъ меду. Гетманъ потребовалъ, чтобы они кромѣ того выдали свои пушки и знамена и своего полковника Богуна. Они соглашались на первое, но выдать полковника или кого-либо изъ старшины отказались на отрѣзъ. Переговоры кончились тѣмъ, что они обязались возратить взятая у насъ знамена и удовлетворить убытки житомирскаго старосты, имущество котораго они было разграбили; въ удостовѣреніе сего они должны были дать заложниковъ, а также возратить лошадей, взятыхъ у насъ въ стычкѣ у прорубей, или уплатить ихъ стоимость деньгами. Когда условія эти были заключены, они собирались выйти въ среду и требовали, чтобы войско наше очистило поле передъ монастыремъ. Войску нашему дѣйствительно приказано было отступить съ поля и укрыться въ замкъ, а также въ улицахъ и среди домовъ въ городѣ, но оставаться въ строю. Предполагалось употребить слѣдующую хитрость: когда козаки выйдутъ изъ укрѣпленій, окружить ихъ въ полѣ со всѣхъ сторонъ и потребовать выдачи старшинъ и оружія, а если они не согласятся, разгромить ихъ окончательно. Но намѣреніе это не удалось исполнить; козаки, замѣтивъ-ли сами засаду или получивъ о ней предостереженіе, отказались выходить: возобновивъ переговоры, они потребовали отъ насъ заложниковъ (посланы были: панъ Залевскій и панъ Лыткевичъ) и дали намъ въ замѣнъ своихъ. При переговорахъ требовали, чтобы гетманъ со всѣмъ войскомъ отступилъ за милю отъ города, а когда онъ не согласился исполнить это условіе, прекратили переговоры, объявивъ, что всѣ готовы погибнуть въ бою. Дѣйствительно козаки немедленно пошли было на проломъ, но были съ большимъ урономъ отбиты. Тогда они отступили въ третью черту фортификацій, укрѣпили ее и храбро въ ней засѣли; при этомъ часть лошадей своихъ они выгнали и когда челядь наша покушалась овладѣть ими, многихъ перестрѣляли. Наши окружили ихъ укрѣпленія валами и постоянно сторожили, но не могли отрѣзать ихъ отъ воды; громили осажденныхъ пушками и бросали въ ихъ станъ бомбы, но бомбы козаки успѣвали тушить и въ сущности мы ничего не могли имъ сдѣлать. Между тѣмъ войско наше выбилось изъ силъ, такъ какъ все время солдаты и лошадей не разсѣдывали, и сами не оставляли оружія.

18 марта въ субботу обозный коронный (единственный сынъ польнаго гетмана) отправился въ Кальникъ на рекогносцировку съ частью войска, желая собрать точныя свѣдѣнія какъ о томъ, гдѣ находится Хмельницкій, такъ и о томъ, не подходитъ-ли какое подкрѣпленіе на выручку Богуну. Возвратился 20 числа въ четыре часа вечера безъ успѣха: дошелъ лишь до Липовца, лежащаго въ 5 миляхъ отъ Винницы; оттуда отправилъ по направле- нію къ Кальнику для развѣдокъ пана Кондрацкаго; но послѣдній, едва выступилъ въ поле, наткнулся на передовой козацкій отрядъ и замѣтилъ въ сторонѣ большое войско. Въ то-же время другіе козаки (полтавскаго полка) напали на нашихъ, расположившихся въ Липовцѣ, и привели ихъ въ немалое замѣшательство. Только выбѣжавъ въ поле, панъ обозный успѣлъ привести въ порядокъ хоругви, но всѣ разсѣдланныя лошади были потеряны; притомъ козаки, прежде чѣмъ напали на Липовець, заняли дорогу въ Кохановку и потому та часть отряда, которая сопровождала обозъ съ припасами, потерпѣла также значительный уронъ. Панъ Кондрацкій едва успѣлъ спастись, потерявъ много товарищей и солдатъ изъ разныхъ хоругвей (отправляясь въ развѣздъ, онъ взялъ съ собою изъ каждой хоругви по 5 человѣкъ челяди). Панъ обозный привелъ нѣсколько человѣкъ захваченныхъ въ плѣнъ запорожскихъ козаковъ, которые показали, что Хмельницкій былъ въ Бѣлой Церкви и уже выступилъ оттуда на встрѣчу нашему войску. Въ виду этого извѣстія, гетманъ, считая свои силы недостаточными, рѣшилъ отступить въ какую-либо мѣстность болѣе удобную для продовольствованія войска, ибо ледъ на Бугѣ уже тронулся, а по сію сторону рѣки невозможно было найти фуража. Но прежде онъ хотѣлъ попытать счастья, не удастся-ли взять приступомъ осажденныхъ. Штурмъ начался съ разсвѣтомъ; козаки немедленно произвели вылазку, при чемъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ попало въ плѣнъ, они-же захватили двухъ нашихъ. Вообще козаки сражались храбро и съ каждой стороны пало до 20 человѣкъ. Пока продолжался штурмъ, нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца, подоспѣлъ на выручку Богуну уманскій полковникъ (Іосифъ Глухъ) съ отрядомъ козаковъ въ 10,000 человѣкъ. Хотя о его приближеніи войско имѣло кое-какія извѣстія, но онъ появился неожиданно; козаки съ большимъ крикомъ заняли новый городъ и расположились въ немъ, отдѣленные отъ нашего войска только мостомъ на разстояніи одного выстрѣла изъ лука. Въ нашемъ войскѣ произошло страшное замѣшательство, солдаты не

слушали распоряженій и разорвали боевой строй; на трубахъ играли тревогу, что еще болѣе усиливало страхъ и смущеніе; наконецъ, наши, бросившись на лошадей, выбѣжали въ поле къ Якушинцамъ и здѣсь построились въ боевой порядокъ, часть же хоругвей осталась на мѣстѣ прежней стоянки передъ фронтомъ монастыря, въ которомъ затворились козаки. Панъ воевода съ нѣсколькими десятками драгунъ и съ нѣсколькими козацкими хоругвями бросился къ мосту, за которымъ стоялъ непріятель и вступилъ съ нимъ въ перестрѣлку. Вся эта тревога была совершенно напрасна, хотя-бы они явились и въ большемъ количествѣ, ибо Бугъ уже тронулся и они не могли переправиться на нашу сторону. Но челядь, бывшая у обоза, не обративъ на это вниманія, бросивъ возы и лошадей, обратилась въ бѣгство; примѣру ихъ послѣдовали и товарищи изъ разныхъ хоругвей; между тѣмъ другіе, увидѣвъ, что возы оставлены безъ присмотра, бросились къ нимъ и свои стали грабить своихъ. Дѣло вышло очень похожее на пилявецкую битву, съ тою развѣ разницею, что пѣхота и часть хоругвей, оставшаяся въ строю, сомкнулись и въ порядкѣ отступили по направленію къ Бару. На прощанье козаки, выбѣжавъ на валы, провожали нашихъ обычными криками, прилагая къ ляхамъ разные оскорбительные эпитеты: „цыгане, бѣглецы, безмозглые, пилявчики! кричали они, *утикайте дальше за Вислу, не тутъ ваше дѣло!*“¹⁾ Гетманъ былъ очень смущенъ по причинѣ этого безпорядка и слишкомъ поспѣшнаго отступленія; солдаты негодовали на него за отсутствіе распорядительности; они сами были страшно утомлены, лошади изнурены и въ заключеніе они лишились воезвъ, запасныхъ лошадей, челяди, съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ. Въ большомъ смятеніи, усилившемъ самоувѣренность враговъ, отступило войско отъ Винницы, прекративъ осаду, и отправилось въ Баръ, куда пришло 24 числа.

Главною причиною смятенія и безпорядка нашего войска было соревнованіе и ссоры вождей, т. е. гетмана польнаго и брацлавскаго воеводы. Послѣдній желалъ распоряжаться независимо отъ гетмана; притомъ онъ хотѣлъ удержать у себя серебряный перначъ Нечая, но долженъ былъ отдать его гетману, который выбранилъ его по этому случаю. Другой разъ они столкнулись въ Шарогродѣ: здѣсь, во время разговора, воевода упомянулъ о томъ, что онъ увѣщевалъ солдатъ повиноваться гет-

¹⁾ Подчеркнутія слова въ текстѣ написаны по-русски.

ману, но послѣдній, вспылывъ, отвѣтилъ: „*ваши увѣщанія имѣли только-же вѣса, какъ этотъ кукишъ*“, причемъ онъ показалъ кукишъ воеводѣ. По истинѣ стыдно и позорно для вождей заниматься такими школьническими выходками! Воевода ничего не отвѣтилъ, но вышелъ изъ комнаты. Въ третій разъ гетманъ обругалъ воеводу, когда послѣдній попрекнулъ его въ томъ, что онъ въ письмахъ къ королю исключительно себѣ приписываетъ всякое успѣшное дѣйствіе.

Какъ образецъ безобразія, до котораго дошло войско вслѣдствіе этихъ ссоръ и неуваженія подчиненныхъ къ вождямъ, приведу одинъ грустный случай. Когда 18-го марта козаки очистили Прилуку, туда отправились для собранія фуража нѣсколько тысячъ войсковыхъ слугъ. На обратномъ пути, солдаты изъ полковъ гетманскаго и князя воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго) ограбили солдатъ брацлавскаго воеводы. Утверждали, что зачинщикомъ беспорядка былъ какой-то товарищъ изъ хоругви князя Вишневецкаго. Брацлавскій воевода, требуя по этому поводу удовлетворенія у гетмана, попрекалъ указаннаго товарища; присутствовавшій при этомъ панъ Незабитовскій, поручикъ той роты, въ которой служилъ товарищъ, замѣтилъ воеводѣ: „ваша милость постоянно къ намъ придирается“. Разговоръ обострился; наконецъ, воевода сказалъ пану Незабитовскому: „тебѣ пристало скорѣе быть быкомъ, чѣмъ солдатомъ“; панъ Незабитовскій отвѣтилъ на это: „а тебѣ подобаетъ скорѣе быть козымъ пастухомъ, нежели сенаторомъ“. Воевода замолчалъ, а панъ Незабитовскій вышелъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи гетмана, но когда ему пожаловался воевода, то онъ не вступился за него и отвѣтилъ пословицею: „*идь брѣютъ, тамъ и бьютъ*“; потому воевода чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ данномъ случаѣ болѣе гетманомъ, чѣмъ Незабитовскимъ.

Между тѣмъ по всему государству пронеслась молва о пораженіи брацлавскаго воеводы во время перваго приступа къ Винницѣ по льду у прорубей; его неосторожности приписывали гибель многихъ заслуженныхъ людей, о которыхъ сожалѣли многочисленные родственники и друзья. Чувства эти выразилъ кіевскій воевода (Адамъ Кисель) въ письмѣ къ кіевскому кастеляну, въ которомъ онъ порицалъ неосторожность, погубившую столько добрыхъ воиновъ и въ томъ числѣ его единственнаго брата ¹⁾. Вотъ текстъ этаго письма:

¹⁾ Кастелянъ кіевскій Збигневъ Горайскій, къ которому адресовано это письмо, состоялъ членомъ комисіи, назначенной подъ предѣлательствомъ Адама Киселя для

Да вознаградить Богъ Вашу милость за сочувствіе, которымъ вы изволите утѣшать безконечное горе, которое меня вгонитъ въ могилу. Единственный, дорогой братъ мой палъ въ битвѣ, подобно моему дѣду, прадѣду, пращурѣ, двумъ дядямъ и двумъ двоюроднымъ братьямъ; всѣ они легли въ боевыхъ могилахъ. Еслибы судьба позволила, слѣдовало бы мнѣ въ гробу замѣнить брата: онъ былъ въ нашемъ домѣ цвѣтущею розою, мѣжду тѣмъ какъ я представляю въ немъ тернъ усохшій. Безбожные и завистливые люди, оклеветавшіе древнюю честь и славу нашего дома, были причиною тому, что братъ мой рѣшился устыдить ихъ, добровольно искалъ смерти и доказалъ нашу доблесть пролитіемъ собственной крови. Съ этою рѣшимостью онъ и отправлялся въ походъ и еслибы разрушенное здоровье не помѣшало мнѣ, я охотно раздѣлялъ-бы его участь; въ настоящее время отраднѣе пасть въ битвѣ, чѣмъ смотрѣть на то направленіе, къ которому склоняется судьба отечества. Мы отвергаемъ благоразумные совѣты, затѣяли гибельную войну, то и дѣло налагаемъ лишь на нашу храбрость, а кровавыя ея послѣдствія ежедневно у насъ предъ глазами. Придетъ, хотя слишкомъ поздно, время, когда вспомнить мои дружественныя увѣщанія. Увы! нѣкогда цѣнили болѣе одного гражданина, чѣмъ тысячу хлопковъ, нынѣ-же безумный духъ времени производитъ то, что хлопцы, укрываясь за стѣнами, остаются невредимы, а сыны Короны, съ открыто грудью устремляясь на стѣны, погибаютъ смертью храброю, но бесполезною и причиняющею большое горе отечеству. Впрочемъ я уже потерялъ все, что могъ потерять, и болѣе объ этомъ предметѣ писать не буду. О комисіи и другихъ возложенныхъ на меня порученіяхъ я теперь и знать ничего не хочу; единственно о томъ молю Господа, чтобы онъ скорѣе дозволилъ мнѣ сомкнуть глаза послѣ того, какъ погибла единственная надежда моего дома. О кровавомъ наслѣдствѣ я заботиться не стану: Господь призритъ сироту, если отечество о немъ забудетъ; пусть утѣшаются наслѣдствомъ тѣ, которые послали жертву на гибель. Тяжелое горе не дозволяетъ мнѣ болѣе писать. Я распоряжусь о томъ, чтобы проводить отсюда остатки брата, погибшаго на глазахъ всего войска, и самъ, изнывая отъ горя, прощаюсь съ этимъ краемъ.—Изъ Гущи. Марта 23 дня, 1651 г.

Въ томъ-же письмѣ слѣдующая приписка:

Жена моего брата имѣетъ пожизненное право владѣнія на Черніевѣ. Относительно черкаскаго староства я не только не претендую на Вашу милость, но, напротивъ искренно желалъ-бы, чтобы Ваша милость получили его предпочтительно передъ другими соискателями; староство это намъ досталось послѣ другихъ, естественно, къ другимъ оно должно перейти отъ насъ; для меня отраднѣе будетъ, если наслѣдство брата перейдетъ во владѣніе друга, чѣмъ оно досталось-бы врагу. Ни изъ Кіева, ни отъ двора королевскаго, ни отъ Хмельницкаго я не

переговоры съ козаками; погибшій въ битвѣ братъ Адама Киселя—Николай, староста черкаскій, былъ также членомъ этой комисіи.

получаю никакихъ извѣстій; въ сношенія эти впередъ уже не хочу и не буду вмѣшиваться. Изъ словъ товарищей и слугъ покойнаго брата, которые сопровождали его останки, я сообразилъ, что въ войскѣ нашемъ дѣла идутъ плохо: Богуна еще не взяли, а ежедневно гибнетъ множество людей. Вообще загѣяли эту войну для истребленія лишь польской шляхты. Если Господь не помилосердствуетъ и ханъ съ ордою придетъ, тогда все погнбло; вмѣсто того чтобы спасти потерянное, мы навлечемъ крайнюю опасность на всю Рѣчь Посполитую и останемся съ длинными ушами. Еще война не началась, а войско уже разстроено, лучшіе воины погибнутъ и пораженіе явится скорѣе, чѣмъ мы ожидали. Войско наше, какъ мнѣ сказали, малочисленно, подкрѣпленія неизвѣстно гдѣ находятся; если враги это замѣтятъ и окружатъ наши силы, то Господь одинъ знаетъ, какія могутъ быть послѣдствія.

Между тѣмъ польный гетманъ стоялъ въ Барѣ съ войскомъ сильно ослабѣвшимъ отъ неудачной осады Винницы и разграбленія обоза. Стѣняясь въ средствахъ для прокормленія войска въ предѣлахъ одного барскаго старства, онъ распредѣлилъ отряды въ окрестныхъ волостяхъ, желая дать солдатамъ отдыхъ и возможность нѣсколько окрѣпнуть послѣ перенесенныхъ трудовъ; но быстрое появленіе врага не дозволило осуществить это намѣреніе. Брацлавскій воевода, отправляясь въ Хмельникъ, гдѣ ему назначена была гетманомъ квартира, встрѣтилъ на пути, въ Летичевѣ, гдѣ онъ ночевалъ 30 марта, извѣстія о движеніи непріятелей. Въ Летичевѣ бѣжали изъ Новаго Константинова многіе жители, вслѣдствіе появленія татаръ и козаковъ. Желая собрать о нихъ болѣе точныя извѣстія, воевода отправилъ въ Константиновъ двѣ хоругви (пановъ Сапѣговъ и пана Янджула). Посланные достигли этого города въ полночь и съ большимъ крикомъ напали на хлоповъ (полковникомъ которыхъ былъ Крысенко) и татаръ, неожиданныхъ нападенія, расположившихся на ночлегъ безъ стражи и по большей части пьяныхъ. Эти немедленно пустились бѣжать, бросивъ свои знамена и лошадей какъ верховыхъ, такъ и вьючныхъ; убито ихъ немного, но гораздо больше стонуло въ Вугѣ; наши, захвативъ нѣсколько козаковъ, двухъ татаръ и до 20 татарскихъ лошадей, скоро отступили, опасаясь, чтобы непріятели не напали на нихъ, придя въ порядокъ. Послѣ отступленія нашихъ, непріятели лишь утромъ возвратились въ городъ, собрали оставшееся свое имущество, перерѣзали многихъ людей, городъ сожгли и отступили въ Хмельникъ, гдѣ расположились въ замкѣ и въ городѣ. Пѣнные показали, что въ этомъ отрядѣ было до 300 татаръ и нѣсколько тысячъ козаковъ. Наши хоругвинѣ сколько разъ ходили на рекогносцировку къ Хемльнику, но имъ не удалось

болѣе захватить языка; враги стали осторожны; они сожгли постройки на нашей сторонѣ Буга и разрушили мостъ. Такимъ образомъ воевода вмѣсто Хмельника, долженъ былъ квартировать въ Летичевѣ, гдѣ отрядъ его сильно страдалъ отъ голода.

Апрѣля 3. Гетманъ, получивъ извѣстія съ разныхъ сторонъ о томъ, что враги, собравъ большія силы, быстро двигаются въ нашу сторону, предпочелъ ожидать ихъ въ болѣе удобномъ для защиты мѣстѣ, у Каменца. Потому онъ оставилъ въ Барѣ гарнизонъ: 300 человекъ нѣмецкой пѣхоты и 3 козацкія хоругви (брацлавскаго воеводы, каменецкаго старосты и пана Яскульского), остальнымъ-же полкамъ приказалъ двинуться на сборное мѣсто къ Зинькову. Оттуда онъ отправился въ дальнѣйшій путь и самъ съ своимъ полкомъ расположился въ Чернокозинцахъ, въ двухъ миляхъ отъ Каменца, остальные-же отряды размѣстилъ въ близъ лежащихъ волостяхъ. Полеъ брацлавскаго воеводы былъ отправленъ въ Гродокъ, гдѣ онъ сильно страдалъ отъ голода; здѣсь, въ ту ночь, когда войско заняло квартиры, задержавъ былъ развѣдомъ лазутчикъ, посланный Богуномъ; онъ на допросъ показалъ только то, что Богунъ отправилъ его изъ Винницы слѣдомъ за войскомъ, поручивъ узнать, гдѣ оно остановится и какъ будетъ расположено. Этого лазутчика отправили въ Гусятинъ, къ гетману.

Апрѣля 12. Сборище хлоповъ напало на Баръ; нѣмцы затворились въ замкѣ, а ковыня хоругви отступили къ войску, не захвативши даже языка; они утверждали, что у враговъ огромныя силы. Гетманъ отправилъ 10 хоругвей для выручки осажденныхъ нѣмцевъ, но послѣдніе успѣли невредимо уйти изъ Бара, ибо хлопы, разграбивъ мѣстечко и не покушаясь на приступъ къ замку, пробывъ здѣсь лишь нѣсколько часовъ, ушли дальше. Гетманъ, негодуя на то, что хоругви безъ повода ушли изъ Бара, отдалъ поручиковъ, начальствовавшихъ ими, подъ военный судъ.

Апрѣля 13. Король ясно видѣлъ, что, вслѣдствіе происшедшаго столкновенія съ козаками, нечего уже думать о комисіи, но слѣдуетъ принять мѣры для веденія войны; потому онъ поручилъ великому коронному гетману, кастеляну краковскому, собрать всѣ вновь на вербованныя войска и расположиться лагеромъ у Владиміра. Желая подать примѣръ другимъ, онъ и самъ лично выѣхалъ въ Люблинъ, въ четвергъ, на свѣтлой недѣлѣ.

Апрѣля 23. Между тѣмъ гетманъ польный, видя наступленіе военнаго времени и узнавъ, что кастелянъ краковскій основалъ лагерь у Владиміра, приказалъ всѣмъ хоругвямъ собраться у Каменца, гдѣ онѣ расположились лагеремъ по сю сторону рѣки, около замка. Каждый сталъ по возможности запасаться провіантомъ, который пришлось покупать по неизмовѣрно высокимъ цѣнамъ. Постоянно приходили извѣстія о томъ, что враги находятся уже въ сборѣ и вскорѣ подойдутъ, такъ что наши ожидали ихъ появленія ежеминутно. Такъ простояли въ лагерѣ цѣлую недѣлю; наконецъ собранъ былъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: слѣдуетъ-ли враговъ ожидать у Каменца или постараться соединиться съ войскомъ великаго гетмана, собиравшимся у Владиміра. На совѣтѣ мнѣнія раздѣлились въ пользу обоихъ предположеній; гетманъ самъ долго колебался, опасаясь, чтобы отступленіе отъ Каменца не было истолковано въ дурную сторону; наконецъ онъ рѣшилъ двинуться въ королевскій лагерь, не избѣгая на пути стычекъ съ непріателемъ.

(Продолженіе будетъ).

Посмертный рассказ о. Антонія Ковальскаго.

(Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кievской губерніи 1855 года).

(Окончаніе).

Когда меня вели къ толпѣ, страхъ меня обнялъ такой, что я какъ-бы не живой шелъ. Пройдя немного, встрѣтили посланцевъ за мною. Когда я подошелъ къ толпѣ, то замѣтилъ, что у многихъ были въ рукахъ или за поясами топоры и долота. Сейчасъ мнѣ вопросъ: „ащо пидете зъ нами“? Я отвѣчалъ: „не пойду“. Тутъ подошелъ ко мнѣ человекъ въ чистой одеждѣ, не старый, взялъ благословеніе и далъ рубль серебр., проговоривши: „помолитесь за мене Богу“. Такіе и подобныя возгласы повторялись многими другими. Вдругъ вся толпа направилась въ лѣсъ, по дорогѣ къ Сотникамъ; женщины подняли плачъ. Я безпрятственно воротился съ церковнымъ старостою въ домъ священника.

Что теперь мнѣ предстояло дѣлать, я недоумѣвалъ; домой ѣхать? Боялся разстоянія;—35 верстъ и дорога лѣсомъ. Могъ я попасть въ руки или этихъ самихъ крестьянъ, или другихъ. Разсудилъ ѣхать въ Корсунъ. Пономарь воротился изъ Корсуна и далъ лошадей, а староста церковный повезъ меня проселочными дорогами. Приѣхали въ Корсунъ на разсвѣтѣ. Смотримъ—солдаты. На площади, вблизи церкви, поставивъ ружья въ козлы, они отдыхали, какъ потомъ я узналъ, послѣ длиннаго и быстрого перехода. Я заѣхалъ къ священнику Стрижевскому; здѣсь засталъ о. Петра Лебединцева, о. Дмитрія Подгаецкаго, свящ. Михаила Кудревича и свящ. с. Сытниковъ Іоанна Чернодубравскаго. Сего послѣдняго солдаты привезли наканунѣ съ собою, со всѣмъ его семействомъ, и это случилось такъ. Солдаты шли

изъ Кагарлыка въ Корсунъ и шли шибко. Это была резервная рота; къ ней свѣжо было прикомандировано около ста рекрутъ изъ смоленской и витебской губерній. Рекруты молодые и слабосильные, идя шибко, поустили. Мимоходомъ отрядили нѣсколько солдатъ въ с. Сытвики, лежащее недалеко дороги, взять подводы подъ ослабѣвающихъ рекрутъ. Солдаты вошли въ село въ то самое время, когда крестьяне сытниковскіе водили св. Чернодубравскаго босаго по колючкамъ. Солдаты бросились отнимать священника. Произошла схватка: одного крестьянина солдатъ ранилъ штыкомъ, а одному солдату крестьянинъ пробилъ голову коломъ. Но вошла вся рота, крестьяне бѣжали, куда попало. Семь человекъ спрятались на колокольнѣ; ихъ арестовали и привели въ Корсунъ, а съ ними привезли измученнаго священника Чернодубравскаго съ семействомъ. Подполковникъ Аѳанасьевъ и совѣтникъ Янкулію, узнавъ, что я прибылъ въ Корсунъ, позвали меня къ себѣ въ станovou квартиру; я вкратцѣ рассказалъ про свое положеніе въ предшествовавшіе дни. Г. Аѳанасьевъ просилъ меня указать виновнѣйшихъ изъ крестьянъ; я объяснялся, что въ чужихъ приходахъ не знаю людей и указалъ только на Корнилія *Кудлика рыжаго*, Василя изъ Бровахъ и *слѣпаго* Никиту изъ Кичинець. Меня отпустили отдохнуть. О. Петръ Лебединцевъ, въ свою очередь, разспросивши меня обо всемъ, нацертилъ рапортъ митрополиту Филарету.

Быль недѣльный день, памятное 10-е апрѣля. Литургію въ спасской церкви совершалъ о. Петръ Лебединцевъ; огромная церковь была полна народу. О. Петръ предполагалъ служить молебенъ соборнѣ и сказать проповѣдь; но Аѳанасьевъ отклонилъ его отъ сказыванія проповѣди, а на молебенъ неприлично было нѣкоторымъ изъ насъ, священниковъ, и выходить, ибо о. Кудревичъ, Чернодубравскій и я ходили въ туфляхъ: въ сапогахъ отъ боли нельзя было ходить. Литургія окончилась въ 11-ть часовъ; священниковъ, вынужденныхъ оставить свои дома и приходы, собралось здѣсь больше 10 ти; всѣ мы пошли къ священнику Стрижевскому на чай и закуску, куда изъ княжеской кухни прислано было все потребное. Не успѣли выпить по стакану чаю, какъ послышался около церкви барабанный бой на тревогу. Кто-то побѣжалъ къ церкви и, возвратившись, принесъ вѣсть, что пріѣхалъ козакъ экономическій и объявилъ, что отъ Сотниковъ идетъ въ Корсунъ огромная масса народа. Мы бросили чай и побѣжали къ церкви; смотримъ, по дорогѣ отъ Таганчи къ Корсуну

выступаютъ несмѣтныя толпы. Солдаты были на обѣдѣ въ помѣщичьихъ казармахъ; по окончаніи обѣда, они, по барабанному бою, прибѣжали и стали къ ружью. Въ ротѣ считалось 250 чело-вѣкъ, изъ нихъ 60 новыхъ рекрутъ, не обмундированныхъ еще по военному и не державшихъ ружья въ рукахъ. Капитанъ Лопатевъ не молодой, но ни разу не бывшій въ сраженіи, недоумѣвалъ, какъ распорядиться; изъ солдатъ оказалось только семь бывшихъ въ венгерской кампаніи; офицеры молодые.

Совѣтовались, гдѣ лучше ихъ поставить. Шедшихъ къ Корсуну крестьянъ можно было считать тысячами. Что они думали, на что рѣшились, никто не зналъ. Мнѣ отданъ приказъ послать на колокольню причетника высматривать, много-ли идетъ людей и не имѣютъ-ли они при себѣ какихъ-нибудь орудій; съ тою-же цѣлю изъ становой квартиры посылались верховые. Причетникъ Евсеій Кротевичъ съ колокольни кричалъ: „народу, якъ хмари!“ да и намъ стало видно, что толпы его покрыли всю покатошь горы. Страхъ объялъ всѣхъ, священство совѣтовалось идти въ церковь и тамъ затвориться. Пошли; вдругъ священникъ корсунскій Стрижевскій отъ испугу обомлѣлъ, его освѣжили водою и рѣшили быть при военной командѣ.

Я находился при комисіи, которую составляли: о. Петръ Лебединцевъ, подполковникъ Аванасьевъ и совѣтникъ Янкулю. Меня уже не бралъ страхъ: я уже привыкъ къ мужицкимъ приемамъ обращенія, а другимъ священникамъ все видимое казалось страшнымъ. Князь Лопухинъ прислалъ просить дать ему отрядъ солдатъ для защиты,—онъ опасался, что крестьяне изъ села Карапины чрезъ его садъ пробѣгутъ на островъ и нападутъ на его домъ. Ему отказано. Онъ прислалъ изъ своего склада 15 ружей, подъ разною оправкою, для обороны. Одно ружье дано было и мнѣ, совсѣмъ безъ надобности, и я ложе отнялъ и отбросилъ, а стволъ оставилъ у себя. Всѣ мы, т. е. комиссія, священство, полиція и солдаты находились на площади предъ спасскою церковью. Сюда отъ базарной посреди мѣстечка площади шла широкая улица, спускавшаяся позади церкви къ острову, образуемому рукавами р. Роси, на которомъ расположены дворецъ и садъ князя Лопухина. На линіи площади, противоположной церкви, находился, на углу улицы и площади, большой двухъ-этажный домъ для княжескихъ музыкантовъ и пѣвчихъ, за нимъ становая квартира, а рядомъ домъ священника о. Тимофея Стрижевскаго. По всему выходило, что сюда направятся приближавшіеся крестья-

яне; тутъ мы ихъ и ждали. Между тѣмъ страхъ увеличивался между солдатами и между присутствующими часъ отъ часу. Солдатъ поставили за угломъ дома, гдѣ помѣщались музыканты и пѣвчіе княжескіе; съ улицы ихъ не видно было; оставалась открытою дорога, идущая на островъ, гдѣ жилъ князь Лопухинъ. Съ колокольни причетникъ Кротевичъ далъ знать, что крестьяне вошли уже въ мѣстечко и идутъ на базарную площадь. Скоро съ церковной площади можно было видѣть массы народа, двигавшіяся отъ базара къ церкви. Капитанъ Лопатьевъ строилъ солдатъ и замѣтно самъ робѣлъ. Приказъ былъ отданъ сперва на воздухъ стрѣлять для страха. Мы вышли на улицу. Исправникъ надѣлъ шинель на рукава и ходилъ какъ живой мертвецъ. Массы народа придвигались къ намъ все ближе. Впереди шли семь человѣкъ рядомъ и одинъ изъ нихъ несъ хлѣбъ въ рукахъ на бѣломъ платкѣ, это былъ крестьянинъ с. Выграева, по прозванію Святенко; въ другомъ ряду шло человѣкъ 12-ть и т. д., а послѣ уже шли въ беспорядкѣ. Подполковникъ Аѳанасьевъ, видя, что идутъ съ хлѣбомъ, пошелъ имъ на встрѣчу; съ нимъ вмѣстѣ пошли о. Петръ Лебединцевъ, совѣтникъ Янкулію, исправникъ и капитанъ Лопатьевъ; слѣдовалъ за ними и я. Издали Аѳанасьевъ вскричалъ: „на колѣни“? всѣ люди пали на колѣни: онъ подошелъ къ нимъ ближе, на разстояніи 3-хъ сажень, началъ ихъ спрашивать: „зачѣмъ пришли“? Они объявили, что пришли жаловаться за обиды отъ князя и что хотятъ быть вольными. Аѳанасьевъ требовалъ покорности, раскаянія, говорилъ, что никакой воли не будетъ, пригрозилъ тяжелымъ наказаніемъ. Разговоръ длился минутъ десять. Вдругъ съ правой стороны, въ толпѣ, кто-то, схватившись на ноги, поднялъ дубинку вверхъ и вскрикнулъ: „гикъ“! такой-же сигналъ сдѣланъ и на лѣвой сторонѣ, и мигомъ вся толпа поднялась на ноги и ринулась впередъ. Всѣ стоявшіе предъ ней, какъ-то: Аѳанасьевъ, Янкулію, исправникъ, о. Петръ Лебединцевъ и я побѣжали за уголь, проскакивая за солдатъ, которые, выдвигаясь впередъ, перегородили собою улицу отъ пѣвческаго корпуса до воротъ діакона Костецкаго. Крестьяне, подбѣжавъ къ солдатамъ, бросились на нихъ и стали отнимать ружья. Унтеръ-офицеръ командовалъ: „ни“, но въ то же мгновеніе надъ нимъ блеснулъ топоръ и онъ палъ замертво,—голова распалась надвое и мозги выпали. Между тѣмъ раздались выстрѣлы: толпа заколыхалась, мгновенно порѣдѣла, много человѣкъ повалилось на землю, иные

замертво, другіе отъ ранъ. Рядомъ съ унтеръ-офицеромъ лежалъ проколотый насквозь штыкомъ крестьянинъ. При видѣ убитыхъ и раненыхъ, при звукѣ выстрѣловъ, жужжаньи пуль, толпа бросилась бѣжать, куда попало. Выстрѣлы продолжались, хотя и на воздухъ; летѣли шайки вверхъ, спасался всякій, кто какъ могъ. Убѣгая, многіе говорили: „се чортъ и бачивъ,—стрилять на живыхъ людей“. Солдаты преслѣдовали бѣгущихъ, стрѣляя вверхъ. Но скоро ударили въ барабанъ отбой, и солдаты воротились на свое мѣсто. Тутъ выпустили рекрутъ и приказали бѣжать за уходившими крестьянами, ловить ихъ и приводить на позицію. Ловили большею частью раненныхъ. На позиціи сейчасъ связывали пойманнмъ руки насадъ, заковывали ноги въ желѣзные пута и отправляли въ пѣвческой корпусъ, на второй этажъ. Здѣсь въ корпусѣ уже содержалось семь человекъ, приведенныхъ изъ с. Сытниковъ. Послѣ ухода крестьянъ насобирали кольявъ два воза, на нѣкоторыхъ изъ нихъ были насажены долота—въ родѣ пикъ; но сего незамѣтно было, когда крестьяне шли въ мѣстечко, ибо шли они тѣсно одинъ съ другимъ. Когда все окончилось, насчитали на мѣстѣ убитыхъ 11-ть, раненыхъ 23. Г. Аѳанасьевъ подозвалъ къ убитымъ меня и свящ. Подгаецкаго и сказалъ: „узнавайте, нѣтъ-ли здѣсь между убитыми вашихъ пріятелей“. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что тутъ лежитъ и тотъ *слѣпой*, что такъ много мучилъ меня. Свящ. Подгаецкій сказалъ, что это его прихожанинъ; посмотрѣлъ на другаго убитаго и говоритъ: „и это мой прихожанинъ, первый хозяинъ въ Корниловкѣ“. (То былъ тотъ самый, что далъ мнѣ рубль сер. на молитвы). Кровь изъ убитыхъ лилась, лежали они въ безпорядкѣ. Я пошелъ къ діакону напиться воды; жена діакона даетъ мнѣ кій дубовый вершка 1½ толщины—осмаленый. Г. Аѳанасьевъ, увидѣвъ этотъ кій у меня, взялъ себѣ для памяти. Вдругъ послышался съ колокольни крикъ причетника: „ловить, ловить Кудлика!“ По указанію причетника, рекруты побѣжали въ огородъ, поймали Кудлика и привели его на площадь. Г. Аѳанасьевъ спросилъ меня, точно ли это Кудликъ? Я отвѣчалъ: „онъ“; тоже подтвердилъ и св. Подгаецкій. Г. Аѳанасьевъ самъ вложилъ руку свою въ его карманы, вынулъ изъ нихъ кичу бумагъ, перо и чернильницу и передалъ становому приставу, самого-же Кудлика взялъ за волоса, привелъ къ лежащимъ убитымъ и наклонивъ его къ нимъ, проговорилъ: „это твоя работа, это ты ихъ кровь пролилъ“. Сейчасъ Кудлика заковали по ногамъ и рукамъ и отвели въ корпусъ. Веревокъ и

путь желѣзныхъ привезли изъ лавки цѣлый возъ. Послѣ сотскій привелъ съ десятскими и *рыжаю*, равенаго; онъ хотѣлъ скрыться у еврея въ сараѣ; его заковали по рукамъ и ногамъ. Вскорѣ десятскіе напши еще одного убитаго, найденнаго въ мѣстечкѣ. Арестованныхъ было 53.

Г. Аеанасьевъ пошелъ въ станovou квартиру, туда позвали и меня; составили журналъ и мнѣ дали приказъ — вызвать въ Корсунъ причетниковъ изъ ближайшихъ сель: на ночь составляли караулъ изъ солдата, причетника и десятскаго и разставляли на большихъ дорогахъ и въѣздахъ въ Корсунъ и для ночнаго обхода по мѣстечку. Для моей квартиры назначенъ караулъ изъ двухъ солдатъ ¹⁾. Въ эти дни въ комисіи полученъ доносъ отъ св. Чернодубравскаго, что дьячекъ сытницкой церкви Кириллъ Ѳедоровичъ—виновникъ возмущенія крестьянъ въ Сытникахъ. Приказано мнѣ представить сего дьячка и чрезъ десятскихъ онъ представленъ; но оказалось, что доносъ несправедливъ и дьячекъ освобожденъ былъ отъ ареста.

Въ тотъ-же день кн. Лопухинъ прислалъ за мной; я пошелъ; онъ разспрашивалъ о всемъ происходившемъ; рассказалъ, какъ онъ испугался, когда прошли чрезъ садъ его крестьяне изъ села Карашины, и какъ они, видя, что нельзя изъ сада переправиться чрезъ Росъ въ мѣстечко, потому что всѣ лодки и баркасы были прикованы со стороны княжескаго дворца, ругали его и дѣлали разныя похвалки. Не окончился рассказъ князя, какъ входитъ въ его кабинетъ офицеръ, кажется, жандармскій. Онъ подалъ князю какія-то бумаги и при этомъ спросилъ: „считаете ли себя безопаснымъ отъ домашней вашей прислуги“? Князь отвѣчалъ, что его прислуга вполне предана ему. Офицеръ развернулъ какую-то бумагу, на которой были подписи крестьянъ м. Корсуна. Была-ли это жалоба, или одна изъ тѣхъ записей въ козаки, которыя составлялись тогда вездѣ, не знаю. Бумага передана была отъ губернатора и первымъ изъ подписавшихся тутъ былъ Несторъ Березовый. Князь оторопѣлъ, слезы показались на глазахъ и онъ плачевно сказалъ: „это первѣйшій мой камердинеръ“. Тутъ-же въ списокъ были подписи и другихъ крестьянъ изъ княжеской прислуги.—Отпуская меня на квартиру, князь просилъ сдѣлать распоряженіе о погребеніи на его счетъ

¹⁾ Если это и было, то не болѣе, какъ для одной ночи съ 10 на 11-е апрѣля.

убитаго унтеръ-офицера со всевозможной торжественностію. Тутъ же отданъ приказъ княземъ его дворецкому—выдавать все нужное ястіе и питіе духовенству, которое собралось въ Корсунъ въ числѣ 14 священниковъ.

Возвращаясь отъ князя, я замѣтилъ между солдатами и всѣми присутствующими новое смятеніе. Оказалось, что крестьяне селъ Сотниковъ, Выграева, Сытниковъ и Кичинець, бѣжавшіе изъ Корсуна послѣ побоища, встрѣтились на дорогѣ за мѣстечкомъ съ идущею въ Корсунъ толпой крестьянъ изъ м. Таганчи и другихъ селъ помѣщика Понятовскаго. Причетникъ, наблюдавшій на колокольнѣ за направленіемъ разбѣгавшихся, замѣтилъ этихъ крестьянъ, направлявшихся къ мѣстечку по той же дорогѣ, по которой двигались бѣжавшіе изъ Корсуна, и сдѣлалъ тревогу. Солдатъ начали опять ставить къ ружью. Сдѣлалась опять суматоха, стало страшнѣе прежняго. Но, къ счастью, обѣ толпы, постоявъ нѣкоторое время на горѣ, двинулись вмѣстѣ обратно къ с. Сотникамъ. Стало веселѣе, а особенно, когда къ вечеру пришелъ дивизионъ уланъ изъ Умани.

Тѣло убитаго унтеръ-офицера было перенесено въ пожарную башню, что среди мѣстечка; гробъ убрали, какъ наилучше, я приставилъ двухъ причетниковъ для постоянного чтенія псалтыри. Погребеніе происходило на 3-й день, во вторникъ. Выносъ въ спасскую церковь и отпѣваніе совершено о. Петромъ Лебединцевымъ соборнѣ съ 12 священниками; пѣли пѣвчіе князя, играла музыка его и военная; стеченіе народа было необыкновенное, провожалъ отрядъ солдатъ и была, по окончаніи погребенія, пальба изъ ружей. Тѣла убитыхъ крестьянъ, по распоряженію комисіи, отвезены безъ всякаго церковнаго обряда за мѣстечко и погребены въ одной ямѣ, справа дороги въ Богуславль, въ урочищѣ, называемомъ *Фощанка*.

Въ то-же воскресенье, 10 апрѣля, поздно вечеромъ, пришла въ Корсунъ еще рота солдатъ. То были саперы изъ Триполья. Съ ними прибыли въ Корсунъ моя жена и сестра (жена бл. Дашкевича). Сестра моя видѣла, какъ вели мѣня изъ Таганчи, дала знать о семъ моей женѣ и та поспѣшила въ Корсунъ. Въ полночь ходилъ я съ ефрейторомъ осматривать караулы. На заставѣ, по дорогѣ въ Корсунъ изъ Богуслава, задержанъ крестьянинъ, села Яблунки житель, на верховой лошади, съ запасомъ сѣна и овса. Оказалось, что это одинъ изъ разсыльныхъ, которые разсылались тогда изъ всякаго села разузнавать, гдѣ что дѣлается. Въ

полночь-же посѣщаль я арестованныхъ и раненыхъ. Одинъ изъ раненыхъ особенно страдалъ: двѣ пули прошли у него насквозь чрезъ животъ и спину; онъ былъ почти въ безпамятствѣ: отъ нестерпимой боли разорвалъ животъ, внутренности вывалились, и такъ валялся на полу, пока не испустилъ духъ. Осматривая камеры, я предлагалъ раненымъ и арестованнымъ исповѣдываться. Многіе просили выполнить это таинство, и я послалъ двухъ священниковъ, какъ раньше сего о. Петръ Лебединцевъ. Исповѣдывались всѣ, не захотѣлъ одинъ только Кудликъ. При разбирательствѣ слѣдственной комиссіей оказались виновными болѣе прочихъ Кудликъ Корнилій, староста приписной церкви кичинской Георгій Шаблинъ (онъ-же Писмененко) и сынъ выграевского крестьянина Петра Букли Григорій (грамотный); этотъ послѣдній скрылся и не отысканъ. Кромѣ ихъ, указали еще на другихъ не арестованныхъ и находившихся по домамъ. По распоряженію комисіи всѣ были представлены въ Корсунъ; многіе были отпущены домой, изъ виновныхъ одни подвергнуты были наказанію розгами при полиціи, другіе отправлены въ таращанскую тюрьму. Въ послѣдствіи судъ уголовный рѣшилъ: шесть послать въ Сибирь на поселеніе, десять наказать по военному и разослать по тюрьмамъ въ другіе узды на четыре года.

Въ понедѣльникъ пріѣхалъ въ Корсунъ священникъ села Выграева Іоаннъ Загородскій; молодой, слабый здоровьемъ, онъ явился совершенно изможденнымъ. Крестьяне выграевскіе взяли его дома, 10 апрѣля, тотъ-часъ послѣ обѣдни, и повели къ пруду; тутъ выбрали челоуѣка большаго ростомъ и поручили ему въ кафтанѣ и рясѣ купать священника въ прудѣ. До такой степени его измучили, что онъ чуть не утонулъ; полумертваго принесли на церковный погостъ и бросили; здѣсь онъ лежалъ до вечера, а потомъ взять въ домъ свой и едва приведенъ въ чувство.

Во вторникъ я поѣхалъ домой; меня уволили, но съ тѣмъ, чтобы въ среду опять я прибылъ въ Корсунъ. Затруднило меня, какою дорогою ѣхать мнѣ домой: разнесся слухъ, что крестьяне поставили отъ себя нарочыхъ по дорогѣ, идущей изъ Корсуна въ Мионовку, дабы схватить меня, почему я съ женою поѣхалъ на м. Стеблевъ и Богуславъ, прибавивши болѣе пятнадцати верстъ пути. Пріѣхавши домой на разсвѣтѣ, застали дѣтей въ плачѣ, ибо разнесся слухъ, что меня крестьяне убили.

Сельскій сотскій, придя ко мнѣ, объявилъ, что крестьянинъ мионовскій Иванъ Собка въ субботу ночью, противъ воскре-

сенья, въ которое была стычка въ Корсунѣ, отвезъ какого-то ляшка, шедшаго пѣшкомъ изъ Кіева, въ Корсунѣ и что сей ляшокъ хорошо заплатилъ Собкѣ за то, что тотъ своевременно доставилъ его въ Корсунѣ. Позванный Иванъ Собка сознался, что возилъ какого-то челоуѣка въ Корсунѣ и что, пріѣхавши въ Корсунѣ, этотъ челоуѣкъ не захотѣлъ ѣхать по большой улицѣ, а приказалъ свернуть въ сторону, причемъ они ѣздили по глухимъ переулкамъ и въѣхали въ какой-то дворъ чрезъ проломъ въ плетнѣ. Это обстоятельство наводило меня на нѣкоторыя подозрѣнія и я донесъ объ немъ комисіи въ Корсунѣ. Было разслѣдованіе, но ничего не открылось, и челоуѣка того не отыскали, а подозрѣніе возникало изъ того, что, нанимая подводу у Ивана Собки, онъ говорилъ, что ему необходимо быть въ Корсунѣ въ воскресенье, ибо тамъ въ этотъ день будетъ что-то особенное. Сидѣлецъ въ мионовской корчмѣ Иванъ Куць тоже донесъ, что побилетный солдатъ изъ села Роскопинець въ корчмѣ распускалъ слухи, что воля крестьянамъ давнымъ давно дарована, но что начальство скрываетъ это отъ крестьянъ. Солдатъ этотъ былъ арестованъ, отосланъ въ Корсунѣ и оттуда отправленъ въ Кіевъ въ острогъ.

Оказалось послѣ, что изъ Мионовки былъ нарочно отражаемъ въ м. Таганчу крестьянинъ мионовскій Иванъ Лещенко, который слѣдилъ за мною, когда меня водили по селамъ; только онъ не былъ въ Корсунѣ, а привозившій въ Корсунѣ ляшка былъ тамъ во время самой стычки.

Въ Корсунѣ возвратился я въ среду ночью, спустя двѣ недѣли послѣ побоища. Во все это время повсюду въ окрестностяхъ разыскивали виновниковъ и участниковъ волненія. Ихъ арестовывали и доставляли въ Корсунѣ и Таганчу. На этотъ разъ имѣла прибыть въ Корсунѣ изъ Таганчи большая партія арестованныхъ. Мнѣ предложено было присутствовать при встрѣчѣ и пріемѣ ихъ дежурнымъ офицеромъ.

Тяжелое было это для меня зрѣлище. Когда стало извѣстно о приближеніи арестантовъ,—людей, а особенно евреевъ собралось за заставой безчисленное множество. Дежурный офицеръ и унтеръ-офицеръ вышли за мѣстечко, пошелъ съ ними и я. Арестованныхъ вели по той самой дорогѣ, по которой прежде шли бунтовщики. Впереди ѣхалъ уланскій офицеръ, за нимъ горнисты на лошадяхъ; далѣе отдѣленіе пѣшихъ солдатъ съ ружьями, въ полномъ вооруженіи; тутъ шли арестанты-крестьяне, всѣ почти

старика съ длинными сѣдыми бородами, закованные по ногамъ; впереди ихъ шелъ дьячекъ изъ села Мельниковъ Іоакимъ Левитскій (не закованный); вокругъ крестьянъ шли пѣшіе солдаты съ ружьями на перевѣсъ, потомъ ѣхали уланы съ обнаженными саблями, а за ними опять отрядъ пѣшихъ солдатъ и далѣе эскадронъ уланъ на лошадяхъ. При въѣздѣ въ мѣстечко горнисты протрубили маршъ. Подошли къ башнѣ; тутъ офицеръ, приведшій арестантовъ, всталъ съ лошади, вынулъ списокъ и по списку передавалъ приведенныхъ имъ; дежурный унтеръ-офицеръ принималъ и отправлялъ въ башню.

Еще болѣе тяжелый видъ имѣла произведенная вслѣдъ за симъ военно-полицейская экзекуція надъ виновными. Въ видахъ устрашенія и приведенія къ покорности всего населенія крестьянскаго предварительно вызвано было изъ ближайшихъ селъ (на разстояніи 50 верстъ) въ Корсунъ по два человѣка. Собралось множество народа. Виновнѣйшимъ опредѣлено было давать по 800 розокъ, другимъ по 600, инымъ по 500, но меньше 300 не было ¹⁾. Всякаго наказываемаго клали на землю; два крестьянина держали: одинъ, сидя на головѣ, другой, на ногахъ; два солдата били; для перемѣны стояли еще по два солдата; били березиною тонкою; однако человѣкъ четырехъ понесли полумертвыми съ мѣста наказанія.

Горько было заблужденіе сихъ людей, тяжело ихъ наказаніе; но страшно подумать о томъ, что могъ-бы произвести разяренный народъ, если бы не былъ остановленъ во-время и приведенъ къ повиновенію.

Дьячка села Мельниковъ Іоакима Левитскаго, арестованнаго по донесенію мѣстнаго священника и приведеннаго вмѣстѣ съ крестьянами изъ Таганчи, и дьячка села Сытниковъ Федоровича, тоже арестованнаго по донесенію мѣстнаго священника, вскорѣ освободили, такъ какъ противъ нихъ не было ясныхъ уликъ.

Не участвовали въ семъ волненіи жители м. Корсуна и селъ: Нетеребки, Сахновки и деревни Набутова; ни одинъ человѣкъ не присталъ къ общему движенію. Объясняли это тѣмъ, и кажется правдоподобно, что, когда въ 1800 г. корсунское имѣніе переходило во владѣніе князя Лопухина и жители упомянутыхъ

¹⁾ Размѣры наказанія сильно преувеличены. П. Л.—въ.

мѣстностей подняли бунтъ, то понесли такое наказаніе, что оно было въ памяти не только отцовъ, но и внуковъ.

Крестьяне корсунскіе, бывшіе 10 апрѣля въ церкви (а ими была полна церковь), тотъ-часъ по окончаніи литургіи разошлись по домамъ и не являлись ни во время стычки солдатъ, ни послѣ; всѣ они сидѣли по домамъ при своихъ семействахъ.

Замѣчательно: въ приходахъ, гдѣ волновались крестьяне и гдѣ притѣсняли священниковъ, во все время волненій не было ни одной требы; въ теченіи всего этого времени въ тѣхъ приходахъ не родилось ни одного дитяти, никто не умеръ и никто не требовалъ исповѣди.

Священники, надъ которыми производили издѣвательства ихъ прихожане, именно: села Сытниковъ Іоаннъ Черnodубравскій, с. Сотниковъ Рафаилъ Туробольскій, села Пишекъ Симеонъ Смирницкій, села Самородни Александръ Борлѣвичъ, села Выграева Іоаннъ Загородскій, села Корниловки Димитрій Подгаецкій и м. Корсуна Тимофей Стрижевскій--всѣ померли, почти преждевременно. Остаемся въ живыхъ, по милости Божіей, я и св. с. Гарбузина Михаилъ Кудревичъ; но и я уже по слабости здоровья уволенъ въ заштатъ.

Библіографія.

І.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ЮЖНОЙ РОССИИ ЗА 1881 Г.

(Окончаніе).

Народный календарь для южной Россіи на 1882 годъ. Харьковъ. 1882.

Незначный Борись.—Еврейскій кагалъ, организація еврейскихъ общинъ, ихъ могущество, способъ дѣйствій и т. д. по указаніямъ покойнаго Брафмана. Кіевъ. 1881 г.

Некрасова Е. С.—Изъ воспоминаній Вельмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881).

Носовичъ.—Дополненіе къ бѣлорусскому словарю, С.-Петербургъ. 1881.

Обычаи молдаванъ въ дни рождественскихъ святокъ и въ первый день новаго года (Кишиневскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 1).

Одинъ, или два были монастыри въ с. Четвертиѣ, луцкаго уѣзда, основанныхъ князьями Четвертинскими (Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 25).

О Кирилловской церкви въ Кіевѣ (газета «Трудъ», 1881 г., № 61).

Очеретяный Н.—Оповідання. Кіевъ 1881.

Пероговскій В.—Отрывокъ изъ исторіи г. Староконстантинова (Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 3, 4, 6, 7, 9 и 10).

П. И. Оедопька.—Очеркъ изъ южнорусскаго быта (Вѣстникъ Европы, январь, 1881).

П—чъ Л.—Село Мокрецъ (Кіевскія Епархіальн. Вѣдомости, 1881 г., №№ 51—52).

Павловскій И. Д.—1) Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII в. (Историч. Вѣстникъ, мартъ, 1881); 2) Консисторско-судныя мытарства,—къ біографіи протоіерея Андрея Прокоповича (тажъ-же, іюль); 3) Иванъ Ивановичъ Мартыновъ за время ученія его въ славенской дух. семинаріи (Полтавскія

Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 4); 4) О календаряхъ польскихъ, злостію вымышленныхъ (тамъ-же, № 7).

Петровъ Н. И.—1) Извѣстія церковно-археологическаго общества при кievской дух. академіи за 1880 годъ. Кіевъ. 1881. 2) Отчетъ того-же общества за 1880 годъ. Кіевъ. 1881. 3) Миньятюры и заставки въ греческомъ евангеліи XI—XII в. и отношеніе ихъ къ мозаическимъ и фресковымъ изображеніямъ въ кievсо-софійскомъ соборѣ. Кіевъ. 1881. (Изъ Трудовъ кievской дух. академіи); 4) О степени самобытности украинской литературы (Кіевлянинъ, 1881 г., №№ 38, 39, 44, 52, 63, 64, 69 и 89); 5) Очерки изъ исторіи украинской литературы нынѣшняго вѣка (Историч. Вѣстникъ, августъ, сентябрь и октябрь, 1881).

Польскій колдунъ панъ Твардовскій. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Изданіе книгопродавца Прѣснова. Москва. 1881.

Пономаревъ А.—Рождественскіе обряды—мистеріи въ средніе вѣка (Странникъ, декабрь, 1881).

Пономаревъ С. И.—1) Историко-литературный календарь (въ Русскомъ Календарѣ на 1881 годъ, А. Суворина); 2) Письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу (Историческій Вѣстникъ, май, 1881); 3) Еще изъ писемъ м. Евгенія (Кіевлянинъ, 1881 г., № 92); 4) Кіевская старина и новина (тамъ-же, №№ 93, 236 и 272).

Порфирьевъ.—Исторія русской словесности. ч. II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Казань. 1881. Здѣсь дано сравнительно больше мѣста южнорусской литературѣ XVIII вѣка.

Потапенко И.—Новый. Изъ хроники южно-русскаго села (Дѣло, апрѣль, 1881 г.).

Потебня А. А.—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава, 1881 г.

Прозоровскій Д.—1) Собраніе польскихъ и другихъ печатей, принадлежащее академіи художествъ. С.-Петербургъ. 1881. 2) Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о полку Игоревѣ. С.-Петербургъ. 1881.

Прохоровъ В.—Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволенію В. Прохоровымъ. С.-Петербургъ. 1881. Рѣчь идетъ о скиоахъ—славянахъ, населившихъ нынѣшній югъ Россіи.

Прусское посольство въ Крымъ въ семилѣтнюю войну (Историч. Вѣстникъ, сентябрь, 1881).

Пчілка Олена.—Переклады зъ Гоголя. Кіевъ. 1881.

Пыпинъ А. Н.—1) Исторія славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича. 2 изданіе. 2 т. С.-Петербургъ. 1879—1881; 2) Малорусско-галицкія отношенія (Вѣстникъ Европѣ, январь, 1881).

Ровинскій Д.—Русскія народныя картинки, собранныя и описанныя Д. Ровинскимъ. С.-Петербургъ. 1881.

Розовъ А.—Отношенія православныхъ югозападной Россіи къ протестантамъ въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка (Литовскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 15, 16, 21, 25 и др.).

Рудченкова Зинаида.—Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень, собранныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ, черниговской губ., и изданныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіана.

Самоковсовъ Д. Я.—Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи. Изъ протоколовъ антропологической выставки. Москва.

Сахаровъ В.—Очерки русской мистеріи въ ея представителяхъ (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, октябрь, 1881).

Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владимира. Выписки I—III. Кіевъ. 1881. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія, Голубовскаго, и Вѣче въ кіевской области. Линниченка.

Семеновичъ Ст.—Начало уніи въ холмской епархіи (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 21).

Сементовскій Н.—Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ, и проч. 6-е исправленное и дополненное изданіе. Кіевъ. 1881.

Серафимовъ С.—Историческое описаніе херсонскаго успенскаго собора (Херсонскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1, 3—5, 9, 15—18).

Смирновъ П.—Свят. Іоакимъ патріархъ московскій. Москва. 1881.

Собѣвскій.—О львовской русской гимназій. 1881.

Соколовъ Н.—Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь въ г. Ченстоховѣ. Вильна. 1881.

Сокологорская Е.—Сборникъ древнеславянскихъ и южнорусскихъ народныхъ узоровъ. Кіевъ. 1881.

Спасовичъ В. Д.—Маркизь А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ (Вѣстникъ Европы, февраль, май, іюнь и іюль. 1881).

Старицкій М.—1) Пісні і думи. Переклавъ Старицкій. Виданне Ильяницького. Кіевъ. 1881.

Стасовъ.—О національности руссовъ арабскихъ писателей. С.-Петербургъ. 1881 г.

Стефановскій Т.—Матеріалы для біографіи царскаго духовника протоіерея Ѳеодора Дубянскаго (Черниговскія Епарх. Извѣстія, 1881 г., №№ 27—28).

Судимовка въ Кіевѣ (Кіевлянинъ, 1881 г., №№ 247 и 248).

Сумцовъ Н.—О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881 г.

Т. Ал.—Василій Игнатьевич Пегоговскій. Некрологъ (Кіевлянинъ, 1881 г., № 156).

Тарановскій Н. Г.—Кіевъ и его окрестности, съ топографическимъ планомъ города Кіева. 9 видами, 2 плапами театровъ, адресъ-календаремъ и мѣсяцесловомъ на 1881 г. Кіевъ.

Тихомировъ Е.—Полтавскій бой. Историческій очеркъ. Москва. 1881.

Тихомировъ Н.—О составѣ западно-русскихъ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей,—рукопись, удостоенная академіей наукъ преміи въ 500 р.

Толстой М. В., графъ.—Посмертныя записки іеромонаха кіево-печерской лавры о. Антонія (Русскій Вѣстникъ, май, іюнь и ноябрь. 1881).

Толстой Ю. В.—Записки о воссоединеніи греко-уніатскаго духовенства и народа въ Бѣлоруссіи и на Волини съ православною церковію, Василія, архієпископа полоцкаго (Русскій Архивъ, 1881 г., т. II).

Томашенко.—О черноморскихъ готахъ. Вѣна. 1881.

Уваровъ А. С., графъ.—Каменный вѣкъ въ Россіи. Москва. 1881. Здѣсь рѣчь идетъ и о кіевскихъ пещерахъ, существовавшихъ задолго до христіанства.

Украинофильство и г. Костомаровъ (Русскій Вѣстникъ, апрѣль, 1881).

Украинскимъ дітямъ. Кіевъ. 1881.

Уманецъ Ѡ. М.—Малороссіине въ Польшѣ XVII вѣка (Историч. Вѣстникъ, сентябрь, 1881).

Фелицынъ.—Памятная книга Кубанской области. 1881.

Филевичъ И. П.—Забутый уголь (о Холмской Русн. Историч. Вѣстникъ, май, 1881).

Хойнацкій А. Ѡ., протоіерей.—1) Святитель Михайлъ греческій, нетлѣнно почивающій въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Кіевъ. 2) Варлаамъ Шишацкій, архієпископъ могилевскій. Изъ исторіи 1812 года (Историч. Вѣстникъ, іюль, 1881); 3) Почаевская лавра подъ властію уніатовъ (Христіанское Чтеніе, 1881 г.).

Хорошунувъ Ѡ., свящ.—Филаретъ Гумилевскій, архієпископъ черниговскій. Историко-біографическій очеркъ (Русская Старина, 1881 г., т. 1).

Хрушовъ А. П.—Отрывки изъ дневника (Историч. Вѣстникъ, май, 1881).

Чапковскій А. Т.—Н. В. Гоголь; Воронежъ. 1881.

Чистовичъ И. А.—Уніатская церковъ въ Россіи при императорѣ Николаѣ I (Православное Обзорѣніе, январь и апрѣль. 1881).

Шайноха К.—Ядвига и Ягайло, перев. съ 2-го полнаго изданія В. Чуйко. 2 т. С.-Петербургъ. 1881.

Шевченко Т. Г.—1) Батрачка. Повѣсть. С.-Петербургъ. 1881 г. 2)—Несчастный. Незданная повѣсть Т. Г. Шевченка (Историческій Вѣстникъ, январь, 1881); 3)—Хустина (въ альманахѣ «Луна», на 1881 годъ. Кіевъ. 1881);

4) Изъ неизданной повѣсти Т. Г. Шевченка (газета >Трудъ<, 1881 г., № 122 и приложенія 12, 17 и 29 декабря).

Щелковъ К. П. — Харьковъ (историко-статистическій опытъ). Харьковъ. 1881 г.

Щербина Ф. — Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Одесса 1881 г.

Эльцинъ. — Рѣчи звенигородскаго раввина Эльцина. Звенигородка. 1881.

Юго-западный общедоступный календарь на 1882 годъ. Кіевъ. 1881.

Южный Алексѣй. — На Днѣпровскихъ порогахъ и два дня у штундистовъ. Запѣтки путешественника (Вѣстникъ Европы, июль, 1881).

Юшкевичъ. — Литовскія народныя пѣсни. Выпуски 3—4. Казань. 1881.

Яворовскій Н. — Подольская старина: посмертная легенда о князѣ Петрѣ Христіановичѣ Витгенштейнѣ (Подольскія Епарх. Вѣдомости, 1881, №№ 20 и 21. Дополненіе къ этой статьѣ — тамъ-же, № 35).

Яновскій И. — Мѣстечко Бѣлоцерковка и его приходъ. Историко-статистическій и этнографическій очеркъ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 8 и 18).

Z. Z. — Яковъ-Іосифъ Лейбовичъ Франкъ. Изъ исторіи іудейства XVIII вѣка (Подольскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 33 и 34).

II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. — Историческій очеркъ, соч. Ивана Попко. Выпускъ первый. — Гребенское войско. С. Петербургъ 1880 г.

Въ началѣ октября минувшаго года, терское козачье войско праздновало 300 лѣтній юбилей своего существованія. Къ этому времени, одинъ изъ старыхъ и заслуженныхъ офицеровъ этого войска, генералъ Иванъ Попко, приготовилъ историческій очеркъ судьбы терскаго козачества. Г. Попко извѣстенъ уже въ литературѣ прекраснымъ и первымъ по времени очеркомъ быта черноморскихъ козаковъ, ихъ судьбы, устройства и этнографіи, изданнымъ еще въ 1858 году. Новый трудъ г. Попко составленъ съ полнымъ знаніемъ литературы своего предмета, и притомъ основанъ на многочисленныхъ рукописныхъ источникахъ, собранныхъ авторомъ въ архивахъ городовъ: Ставрополя, Кизляра, Астрахани, въ терскомъ войсковомъ архивѣ, въ рукописныхъ запискахъ Федюшкина и Буткова и т. д. Сверхъ того г. Попко близко и наглядно знакомъ съ мѣстностью притерскаго края, съ его этно-

графією и пользуется многими преданіями и воспоминаніями, удѣлѣвшими въ памяти народа; этнографическій и бытовой матеріалъ въ значительной степени оживляетъ разсказъ и придаетъ изображаемымъ авторомъ картинамъ большую живость и рельефность. Собранный г. Попко матеріалъ оказался на столько обильнымъ и разсказъ его на столько подробенъ, что первый выпускъ сочиненія, составляющій впрочемъ весьма объемистый томъ, заключаетъ въ себѣ лишь исторію гребенскаго войска, т. е. одного только изъ десяти полковъ, входящихъ въ составъ терскаго козацкаго войска; исторію остальныхъ полковъ г. Попко обѣщаетъ разработать въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего сочиненія, теперь-же, чтобы ознакомить читателя хотя въ общихъ чертахъ съ планомъ своего сочиненія, онъ предпослалъ исторіи гребенскаго войска «Вступительный очеркъ трехвѣковой жизни терскихъ козаковъ», въ которомъ намѣтилъ главные моменты его исторической жизни, указалъ его составныя части и время и обстоятельства возникновенія каждой изъ нихъ. Все терское войско составилось изъ 10 разновременно возникшихъ козацкихъ группъ, которыя носили слѣдующія названія: гребенское войско, терско-кизлярское войско, терско-семейное войско, мздоцкій полкъ, волгское войско, горскій полкъ, два владикавказскіе цолки 1-й и 2-й и два сунжинскіе.

Древнѣйшее козацкое поселеніе на Кавказѣ составили *гребенскіе* козаки: явились они на Терекѣ и у подножія кавказскихъ горъ еще въ началѣ XVI столѣтія. Послѣ присоединенія великаго княжества рязанскаго къ московской державѣ, рязанскіе козаки, населявшіе Червленый Яръ и охранявшіе юго-восточныя предѣлы княжества, опасаясь принудительнаго выселенія въ сѣверо-восточныя области государства, сѣли на струги, поднялись по Дону, переволоклись въ Волгу и приплыли къ устьямъ Терека; здѣсь они вошли въ сношенія съ кабардинскими владѣльцами и получили отъ нихъ для поселенія земли у подножія горной цѣпи. Послѣ подчиненія кабарды русскимъ царямъ, козаки гребенскіе зачтены были въ царскую службу: они нѣсколько разъ мѣняли мѣсто жительства, пока наконецъ не основались окончательно на лѣвомъ берегу Терека, гдѣ въ 1712 году они построили пять городковъ, существующихъ по нынѣ: Червленскій, Шадринскій, Новоладковскій, Старогладковскій и Курдюковскій.

Въ концѣ XVI столѣтія (1580) въ устьяхъ Терека появилась новая группа козацкаго населенія, это была часть волжскаго козацкаго войска, почему-то опасавшаяся опалы на родинѣ и бѣжавшая по морю на югъ. Новые переселенцы построили у самаго устья Терека городокъ Трехстѣнный и поселились въ немъ, подъ именемъ *терскаго* козацкаго войска. Впослѣдствіи Петръ Великій пытался перевести это поселеніе къ югу, но попытка его не увѣнчалась успѣхомъ. Въ 1736 году, послѣ возврата Персіи завоеванныхъ у нея областей, русскіе поселенцы, въ томъ числѣ и терскіе козаки, возвратились на прежнія мѣста жительства и заняли берега Терека отъ его устья до Кизляра; съ этого времени они и стали называться терскимъ-кизлярскимъ войскомъ.

Въ томъ-же 1736 году, для того чтобы сомкнуть цѣпь козацкихъ поселеній на Терекѣ—между терско-кизлярскимъ и гребенскимъ войсками организовано было правительствомъ новое козацкое войско, получившее названіе *терско-семейнаго*; для этой цѣли вызвана была изъ донской области одна тысяча козацкихъ семействъ и поселена въ трехъ новыхъ городкахъ. По другую восточную сторону поселеній гребенскихъ козаковъ въ 1763 году построено было небольшое укрѣпленіе на урочищѣ Мриздогъ (дремучій лѣсъ) и правительство приступило къ образованію вокругъ него новаго козаческаго войска. Въ составъ его вошли въ значительномъ количествѣ выходцы изъ разныхъ горскихъ племенъ, къ которымъ присоединены были 350 козацкихъ семействъ, выведенныхъ изъ Дона, и 517—съ Волги, также 200 семействъ калмыковъ и 335 семействъ козацкой саратовской милиціи; всѣ эти разнородные элементы образовали *моздокскій* козацкій полкъ.

Подвигая козацкія поселенія дальше въ томъ-же направленіи отъ востока къ западу, въ 1777 году, правительство переселяло на средній Терекъ и на притокъ его—Малку, а также въ окрестности Пятигорска остававшихся еще на Волгѣ козаковъ, и образовало изъ нихъ 5 станицъ, которыя и составили новый отдѣлъ терскаго козачества подъ именемъ *волскаго войска*; составъ этого войска усилился въ послѣдствіи припискою нѣсколькихъ селъ, населенныхъ однодворцами и государственными крестьянами.

Въ 1824 году, генераль Ермоловъ, желая увеличить козацкій контингентъ на Кавказѣ, выдѣлилъ нѣсколько станицъ изъ состава моздокскаго и волскаго полковъ и, присоединивъ къ нимъ 2 селенія осетивскія и 4 селенія малорусскія, выселившіяся по причинѣ малоземельности изъ уѣздовъ курской и воронежской губерній, образовалъ новый козацкій полкъ *горскій*.

Всѣ шесть полковъ составляли отдѣльныя единицы въ военномъ и административномъ отношеніяхъ до 1832 года; тогда они, по представленію главнокомандующаго на Кавказѣ, графа Паскевича, были объединены подъ однимъ управленіемъ и получили общее названіе *кавказскаго линейнаго войска*. Впрочемъ послѣ этого преобразованія, козачество продолжало еще нѣкоторое время развиваться на Кавказѣ и колонизировать новыя пространства. Такъ въ 1837 году на верхнемъ Терекѣ поселены были два малороссійскіе полка, сформированные въ 1831 году для дѣйствій противъ поляковъ и въ послѣдствіи передвинутые на Кавказъ; они составили *1-й владикавказскій полкъ*, увеличивъ въ послѣдствіи свой составъ многочисленными переселенцами, бѣжавшими отъ крѣпостнаго права изъ губерній: черниговской, харьковской, полтавской, воронежской и др. Наконецъ, въ послѣднее уже время, съ 1845 по 1860 годъ, образовались три новые полка, занявшіе территорію между Владикавказомъ и Моздокомъ по рѣкамъ Камбилею и Сунжѣ. Эти полки образовались частью изъ семействъ, выведенныхъ изъ болѣе старыхъ козацкихъ поселеній, частью изъ приписанныхъ къ козачеству крестьянъ, солдатъ и т. д.

Вотъ вкратцѣ очеркъ колонизаціи сѣверовосточнаго Кавказа, подробное развитіе котораго г. Попко намѣренъ представить въ своемъ сочиненіи. Первая часть его—исторія гребенскаго полка выполнена весьма тщательно и удовлетворительно. Авторъ рассказываетъ подробно исторію поселенія гребенскихъ козаковъ, участіе ихъ какъ въ внутреннихъ смутахъ, бывшихъ въ Россіи въ XVII столѣтія, такъ и въ войнахъ, которыя вело на Кавказѣ русское правительство, затѣмъ представляетъ весьма интересный очеркъ распространенія среди гребенцевъ старообрядчества и разныхъ толковъ церковнаго раскола и даетъ весьма полную картину: управленія, служебныхъ обязанностей, хозяйства, промысловъ, быта, нравовъ, вооруженія, костюма и т. д. Несомнѣнно, книга г. Попки занимаетъ видное мѣсто среди историческихъ монографій, посвященныхъ областной русской исторіи и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ выпусковъ столь хорошо начатаго предпріятія. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что книга г. Попки значительно выиграла-бы, если бы авторъ удержался отъ субъективнаго, нѣсколько тенденціознаго взгляда, вслѣдствіе котораго онъ по временамъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія современнаго публициста событія давно минувшихъ дней, происходившія въ другое время и при историческихъ условіяхъ, не примѣнимыхъ къ нашему времени и къ современнымъ намъ взглядамъ. По временамъ также авторъ склоненъ увлекаться историческими гипотезами, не основанными на точныхъ данныхъ, и очень упорно отстаиваетъ эти гипотезы, не смотря на отсутствіе фактической почвы; такова, по нашему мнѣнію, попытка автора связать происхожденіе козачества съ княжескими дружинами въ качествѣ двухъ непосредственно преемственныхъ явленій; между тѣмъ какъ явленія эти ни по времени существованія, ни по характеристическимъ чертамъ своимъ не представляютъ аналогіи. Во всякомъ случаѣ эти небольшія, чисто теоретическія, погрѣшности почти незамѣтны, благодаря живости разсказа, изобилію фактическаго матеріала и новизнѣ и высокому интересу содержанія книги.

Въ заключеніе г. Попка приложилъ къ своей книгѣ довольно объемистыя примѣчанія и весьма интересныя приложенія, состоящія изъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ, которые констатируютъ разнообразныя данныя, относящіяся къ исторіи управленія, къ промысламъ, къ общественному хозяйству, статистикѣ народонаселенія и т. п. Наконецъ, въ числѣ приложеній мы находимъ 7 народныхъ гребенскихъ пѣсень историческаго и бытоваго содержанія и два патріотическія стихотворенія современнаго намъ поэта изъ гребенскихъ козаковъ, г. Парфенія Кулебякина.

*Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго.
Кіевъ, 1881 г.*

Названное сочиненіе написано на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ кіевского университета. Нельзя не признать выбора подобной темы очень удачнымъ. Изученіе удѣльнаго періода русской исторіи въ настоящее время подвинулось много впередъ сравнительно съ недалекииъ прошлымъ. Изложеніе Карамзина и Соловьева насъ не удовлетворяетъ болѣе. Теперь уже никто, подобно Карамзину, не рассматриваетъ Руси удѣльнаго періода, какъ единое государство со столицею Кіевомъ; мало по малу теряетъ свое значеніе и теорія исключительно родовыхъ отношеній, рельефно выраженная въ соч. Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». Все большее и большее право гражданства получаетъ теорія областная, которая въ удѣльно-вѣчевой Руси видитъ рядъ областей, связанныхъ единствомъ княжескаго дома, происхожденія, быта, но стремившихся и достигавшихъ внутренней автономіи. Фундаментъ для себя областная теорія нашла въ этнографической, представителями которой являются Ешевскій, Щановъ, Костомаровъ. Въ результатъ получились труды, представляющіе богатый вкладъ въ русскую историческую литературу: цѣлый рядъ областныхъ монографій—Костомарова, Иловайскаго, Корсакова, Зубрицкаго, Шаранѣвича; въ послѣднее время появилось также нѣсколько цѣнныхъ монографій—Антоновича «Очерки исторіи В. К. Литовскаго», Дашкевича «Болоховская земля», Никитскаго «Очерки изъ исторіи Новгорода и Пскова», Полежаева «Московское княжество въ I половинѣ XIV в.» Сюда же нужно отнести и трудъ г. Голубовскаго.

Источники по исторіи сѣверской земли довольно разнообразны, хотя очень отрывочны. Основнымъ источникомъ является лѣтопись въ разныхъ ея спискахъ и редакціяхъ; наибольше свѣдѣній доставляетъ такъ называемая ипатьевская лѣтопись, заключающая, какъ кажется, отрывки не дошедшей до насъ сѣверской. Раскопки въ черниговской губерніи г. Самоквасова даютъ богатый матеріалъ для характеристики погребальныхъ обрядовъ и культуры сѣверянъ; извѣстія арабскихъ и византійскихъ писателей не менѣе любопытны; кое-какія данныя доставляютъ и памятники словесности; современнымъ этнографическимъ матеріаломъ крайне затруднительно пользоваться по разбросанности его. Но не смотря на сравнительное обиліе матеріала до сихъ поръ не было ни одной сколько-нибудь удовлетворительной попытки написать исторію черниговской области; это тѣмъ болѣе удивительно, что она, сравнительно съ другими землями, отличалась особеннымъ характеромъ. Мы можемъ только указать на сочиненіе бывшего профессора кіевского университета Домбровскаго «Очеркъ города Чернигова и его области въ древнее и новое время», совершенно не соответствующее своему заманчивому заглавію. Это—тощая брошюрка, передающая нѣкоторыя обще-извѣстныя лѣтописныя извѣстія. Гораздо больше значенія имѣетъ недавно вышедшее сочиненіе г. Иловайскаго «Исторія Рос-

сії. Владимирскій періодъ», гдѣ одна глава посвящена исторіи чернигово-сѣверской земли; жаль только, что этотъ прекрасный очеркъ не достаточно полонъ и систематиченъ.

Такимъ образомъ книга г. Голубовскаго является весьма кстати. Вся она состоитъ изъ 12 главъ, изъ коихъ первыя двѣ посвящены вступленію общаго содержанія.

Въ 1-й главѣ, посвященной колонизаціи, г. Голубовскій старается доказать фактъ наступательнаго колонизаціоннаго движенія сѣверянъ на югъ къ черноморскому и азовскому побережьямъ и на сѣверо-востокъ въ область Муромы, Мери, радимичей и вятичей. Очень вѣроятна гипотеза о славянскомъ (собственно сѣверянскомъ) населеніи бассейна Дона, которое г. Голубовскій ставитъ въ связь съ бродниками—прототиномъ козачества. Не менѣе любопытны соображенія объ этнографическомъ сродствѣ населенія Тмутаракани съ населеніемъ Подесенья и Посемья. Въ слѣдующей главѣ г. Голубовскій на основаніи археологическихъ раскопокъ и арабскихъ писателей старается опровергнуть извѣстіе нашей лѣтописи о первоначальной дикости сѣверянъ, радимичей и вятичей. Оказывается, что рядомъ съ звѣроловствомъ существенную роль играло земледѣліе; процвѣтали гончарное, бондарное и столярное ремесла; торговля велась съ Новгородомъ, Византіей и отдаленнымъ востокомъ. Другихъ сторонъ внутренняго быта сѣверянъ г. Голубовскій къ сожалѣнію не касается. «Должно сознаться, говоритъ онъ, что по необходимости въ нашемъ сочиненіи мы должны были оставить два пробѣла, именно ничего не сказать о «религіи и бытѣ» сѣверянъ и выпустить «историко-топографическое описаніе» ихъ страны. Это произошло по недостатку научныхъ средствъ. Для очерка религіи сѣверянъ мы имѣемъ рѣдкія указанія, разсыпанныя по Губернскимъ и Епархіальнымъ Вѣдомостямъ черниговской губерніи, но собрать ихъ невозможно въ полномъ составѣ; притомъ сѣверяне занимали не одну черниговскую губернію, а курскую, часть харьковской и Подонье. Собрать матеріалъ изъ всѣхъ этихъ областей невозможно, какъ по недостатку времени, такъ и средствъ. *Извѣстія лѣтописи и арабскихъ писателей даютъ общія мѣста, которыя могутъ относиться ко всемъ славянамъ вообще.* Историко-топографическое вслѣдованіе, хотя и при существованіи матеріала въ видѣ списковъ населенныхъ мѣстъ, книги «Большаго Чертежа» и т. д., невозможно было по неимѣнію подъ руками картъ». Мы признаемъ эти опущенія главнымъ недостаткомъ труда г. Голубовскаго, и при томъ ихъ не два, а нѣсколько больше. Не сказано ничего о городищахъ въ черниговской губ., которыя перечисляетъ г. Самоквасовъ въ приложеніи къ своему сочиненію «Древніе города Россіи»; нѣтъ характеристики погребальныхъ обрядовъ языческихъ сѣверянъ, между тѣмъ какъ богатѣйшія данныя по этому вопросу заключаются въ замѣчательной статьѣ г. Самоквасова «Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи»; не говоря уже объ извѣстіяхъ Ибнъ-Фоцлана, которыя также можно сюда приурочить. Историко-топографическое описа-

ніе земли сѣверянъ могло быть исполнено тѣмъ легче, что начало такой работы положено трудами Погодина, Арцыбашева, Барсова. Желательно было-бы болѣе подробное изложеніе вопроса о предѣлахъ сѣверянскихъ поселеній и колонизаціи въ разныя эпохи существованія сѣверской земли. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи можно было-бы провести такія грани: 1) до половины XI ст., т. е. до обособленія Сѣверщины въ самостоятельное княжество, 2) до половины XIII ст., т. е. до татарскаго нашествія, когда центральнымъ пунктомъ являлись Подесенье и Посемье съ городами Черниговомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ, 3) до половины XIV ст., когда значеніе Чернигова и Новгородъ-Сѣверска падаетъ, центръ исторической жизни переносится на сѣверъ въ Брянскъ, дробленіе княжествъ достигаетъ maximum'a своего развитія. Очень жаль также, что не сгруппированы хотя отрывочныя и немногочисленныя данныя о внутреннемъ бытѣ сѣверской земли въ періодъ удѣльный: о церковной іерархіи, храмоустройствѣ и т. д.

Очень любопытна 3-я глава, изображающая отношенія къ сѣверянамъ хозарскаго каганата. Конечно, не одни сѣверяне жили въ Хозаріи, но и другія славяно-русскія вѣтви; но несомнѣнно, что по своему географическому положенію сѣверяне находились въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ хозарамъ; нѣкоторые факты убѣждаютъ насъ, что сѣверянское населеніе въ видѣ оазисовъ сохранилось въ хозарской (тогда уже половецкой) землѣ даже въ XII в.

Слѣдующая 4-я глава названа «Христіанскимъ періодомъ», хотя въ соотвѣтствіи съ предъидущей ее лучше было-бы назвать «Кіевскимъ періодомъ» (до 1054 г.).

Въ слѣдующихъ 8 главахъ г. Голубовскій даетъ намъ очеркъ жизни, дѣятельности и историческаго значенія сѣверскихъ князей. Нельзя не признать этого очерка внѣшней политической исторіи очень удачнымъ. Характеристики написаны живо и смѣло; всѣ политическія комбинаціи, отдѣльные эпизоды объяснены болѣе или менѣе удовлетворительно. Таковы характеристики Олега и Давида Святославичей, Всеволода Ольговича и др. И здѣсь съ нѣкоторыми утвержденіями и объясненіями автора согласиться нельзя, но въ общемъ получается вѣрная картина событій. Закалчивается сочиненіе подпаденіемъ сѣверской земли подъ власть Литвы въ половинѣ XIV ст.

Въ концѣ концовъ нельзя не воздать должной благодарности автору за усердный и кропотливый трудъ, освѣтившій первые вѣка жизни лѣваго берега Днѣпра. Да будетъ оно началомъ слѣдующихъ трудовъ по исторіи лѣвобережной Украины отъ XV—XVIII ст.

Д. Багалъй.

Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота.
Спб. 1881. 436. II. 2 р.

Еще недавно авторъ означеннаго сочиненія издалъ свой первый трудъ: »Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ«, историко-этнографическое изслѣдованіе (Спб. 1880 г.), вызвавшее весьма подробныя замѣчанія со стороны г. Флоринскаго въ Журналѣ мин. нар. проsv. (ССХІV и ССХV). Новый его трудъ, заглавіе котораго мы выписали выше, составляетъ диссертацию на степень магистра по славянской филологіи и пополняетъ обширную серію трудовъ по исторіи славянъ, изданныхъ въ послѣднее время учеными петербургскаго университета (гг. Успенскимъ, Соколовымъ, Флоринскимъ). Такимъ образомъ, въ видѣ этихъ трудовъ русская наука пріобрѣтаетъ весьма цѣнные вклады въ исторію славянства. Нельзя не порадоваться и не привѣтствовать такого дружнаго участія новыхъ силъ въ разработкѣ этой исторіи, все еще мало извѣстной у насъ, не смотря на позднѣйшія политическія отношенія наши къ южному славянству.

Новый трудъ г. Грота имѣетъ для »Кіевской Старины« иной интересъ. Въ немъ затрогиваются вопросы, близкіе къ исторіи кіевской земли въ ея древнѣйшій періодъ. Мы разумѣемъ вопросы о происхожденіи и переселеніи угровъ, занимающихъ видное мѣсто въ изслѣдованіи автора. Укажемъ сначала общее содержаніе этого труда, а затѣмъ остановимся, на сколько позволяютъ размѣры библиографической замѣтки, на означенныхъ вопросахъ.

Разсматриваемое изслѣдованіе состоитъ изъ *четырехъ* обширныхъ главъ. *Первая* изъ нихъ представляетъ вступительный очеркъ, посвященный обзору судьбы средне—и ниже-дунайскихъ земель до начала IX вѣка; *вторая* даетъ очеркъ политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ передъ мадьярскимъ погромомъ; *третья*—посвящена переселеніямъ мадьяръ до водворенія ихъ на среднемъ Дунаѣ; въ *четвертой* авторъ разсматриваетъ поселеніе мадьяръ на среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ и ихъ торжество въ борьбѣ съ Моравіей и восточно-франкской державой. Въ заключеніи авторъ дѣлаетъ общіе выводы о переворотѣ, произведенномъ мадьярами на среднемъ Дунаѣ. Къ книгѣ приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

Понятно, что III-я глава, притомъ самая обширная (149—304 стр.), имѣетъ для насъ главный интересъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ она представляется болѣе обработанною и болѣе полною. Прослѣдимъ результаты изслѣдованія автора въ этихъ вопросахъ.

Къ даннымъ, основаннымъ на толкованіи именъ »мадьяръ« и »угровъ« именами, передаваемыми древними греческими и латинскими писателями, и къ догадкамъ средневѣковыхъ историковъ авторъ относится скептически. Только съ конца IX в. онъ находитъ возможнымъ слѣдить за исторіею этого народа. Также

сомнѣвается онъ въ возможности удачно объяснить означенныя имена и найти ихъ корень и первоначальное значеніе. Но во всякомъ случаѣ корни имени >мадьяръ< всего естественнѣе, по его мнѣнію, искать или въ самомъ мадьярскомъ языкѣ, или въ другихъ родственныхъ уральскихъ нарѣчіяхъ финскаго языка. Имя-же >угры< несомнѣнно находится въ непосредственномъ родствѣ съ нашею „югрою“ и >югричами< русскихъ лѣтописей, съ именемъ народа, къ которому принадлежали предки вогуловъ, остяковъ и ихъ родичей, и имѣть такую-же прямую связь съ нѣкоторыми географическими названіями въ предѣлахъ Россіи. Сравнительно-лингвистическими изслѣдованіями наука пришла уже довольно давно къ признанію финскаго, точнѣе восточно-финскаго (финно-уральскаго) происхожденія мадьяръ. Это положеніе стало съ нѣкоторыхъ поръ уже общепризнаннымъ и окончательнымъ ея достояніемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дознано и существованіе въ мадьярскомъ языкѣ (кромя другихъ разнородныхъ элементовъ) значительныхъ элементовъ языка турецкихъ народностей, въ близкомъ сосѣдствѣ и подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ которыхъ когда-то очевидно жили угры. Турецко-татарскія черты въ языкѣ, исторіи и нѣкоторыхъ сторонахъ жизни мадьяръ сказываются на столько сильно, что есть ученые (Вамбери), считающіе мадьяръ, ихъ языкъ и древнюю культуру просто результатомъ смѣшенія финно-угорскихъ элементовъ съ турецко-татарскими. Еще въ средніе вѣка (съ XIII в.) предпринимались путешествія въ восточную Россію съ цѣлью изысканія слѣдовъ родины и родичей угровъ. Такъ, монахъ Юліанъ, отправленный королемъ Бѣлоу IV, побывавъ въ Волжской Болгаріи, нашель народъ, говорившій на языкѣ, понятномъ для мадьяръ. Съ тѣхъ поръ не прекращались изслѣдованія въ этомъ направленіи; но только послѣ долгихъ усилій удалось восторжествовать этому мнѣнію надъ предположеніемъ о гунскомъ, турецкомъ и даже еврейскомъ происхожденіи мадьяръ. Необходимо также замѣтить, что въ XV вѣкѣ молва о существованіи на сѣверо-востокѣ Россіи племени, говорящаго на языкѣ сходномъ съ мадьярскимъ, была сильна въ Угріи при Матвѣѣ Корвинѣ, который собирался даже отправить людей для собиранія свѣдѣній объ этомъ народѣ, и что въ XVI в. извѣстный путешественникъ по Россіи, Герберштейнъ, въ описаніи >Московиѣ< сообщаетъ о землѣ Югаріи, изъ которой происходили будто-бы угры и въ которой говорятъ на языкѣ, понятномъ для мадьяръ.

Авторъ подробно слѣдитъ за всѣми перипетіями этого вопроса въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ, снабжая свои сопоставленія обстоятельнымъ указаніемъ на его литературу (стр. 155—167). Установивъ такимъ образомъ племенную связь мадьяръ съ древнею Югрою, и позднѣйшими, родственными ей, вогулами и остяками, авторъ, на основаніи цѣлаго ряда существующихъ данныхъ и мнѣній (при чемъ онъ признаетъ извѣстія венгерскихъ хронистовъ не заслуживающими вниманія), опредѣляетъ приблизительно древнія жилища мадьяръ по сосѣдству съ болгарами и башкирами); затѣмъ говоритъ объ ихъ древней культурѣ и образѣ жизни; на-

конецъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на переселеніяхъ мадьяръ на нижній Дунай и, между прочимъ, на пребываніи ихъ въ южныхъ степяхъ Россіи. Въ общей сложности это странствованіе по Россіи длилось едва-ли болѣе семи десятковъ лѣтъ.

Отвергнувъ свидѣтельство Анонима объ этомъ странствованіи, какъ позднѣйшую національную тенденцію, основанную на постороннихъ данныхъ (авторъ разбираетъ это въ особомъ примѣчаніи, стр. 181—184, а также 203—204), г. Гротъ останавливается главнымъ образомъ на извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, Ибнъ-Даста (араб. писат. нач. X в.) и древней русской лѣтописи (Нестора), »не многія строки которой объ уграхъ, по его словамъ, имѣютъ для насъ все-таки первостепенное значеніе«. Въ извѣстіи Константина о мадьярахъ онъ видитъ отчасти хозарскій, отчасти славянскій источникъ.

Основываясь на общей связи событій, выходъ мадьяръ изъ ихъ прародины приходится отнести къ началу IX вѣка; а будучи полукочевымъ народомъ, они, подобно другимъ кочевникамъ, безъ особеннаго труда перемѣщались съ мѣста на мѣсто. Поводомъ-же къ такому передвиженію должно признать какой-либо внѣшній толчокъ, напр. напоръ съ востока турецкихъ племенъ, быть можетъ и печенѣговъ, кочевавшихъ уже тогда въ степяхъ между Волгой и Яикомъ, но также весьма вѣроятно, что выселеніе это могло произойти вслѣдствіе какого нибудь неизвѣстнаго намъ движенія или давленія русскихъ славянъ на финновъ (Ламанскій, Объ изуч. греко-славян. міра, Спб. 1871, 313). Путь ихъ лежалъ въ юго-западномъ направленіи и весьма вѣроятно, что самое движеніе совершилось при участіи сосѣднихъ имъ турецкихъ кочевниковъ (башкиръ и др.). Историческія свидѣтельства застаютъ угровъ уже въ южныхъ степяхъ Россіи, въ сосѣдствѣ съ хозарами, потомъ около днѣпровской Руси, на берегахъ Чернаго моря, и далѣе на юго-западъ. При этомъ авторъ разсматриваетъ извѣстія объ уграхъ К. Багрянороднаго, Ибнъ-Даста, Паннонскаго житія Константина философа и русской лѣтописи (о проходѣ угровъ мимо Кіева подъ 898 годомъ; въ другихъ мѣстахъ ея упоминается—о бѣлыхъ уграхъ, объ уграхъ черныхъ и Угорское подъ Кіевомъ). Эти извѣстія сообщаютъ свѣдѣнія о пребываніи мадьяръ на берегахъ Понта и ихъ набѣгахъ вплоть до нижняго Дуная (около половины IX вѣка). Извѣстіе русской лѣтописи о *прохожденіи* угровъ мимо Кіева показываетъ, что они оставили по себѣ у днѣпровской Руси воспоминаніе какой-то странствующей орды, прослѣдовавшей мимо и только временно располагавшейся кочевьями въ ея сосѣдствѣ. Путь, по которому двигались мадьяры (угры), авторъ обозначаетъ такъ: по Камѣ и Волгѣ на Оку и вверхъ по Окѣ къ верховьямъ Дона, по которому продолжая идти, они вступили во владѣнія хозаръ, съ которыми имѣли прежде торговля связи. Страна, занятая мадьярами, называется у К. Багрянороднаго Лебедіей (авторъ указываетъ на сохранившіяся до сихъ поръ подобныя-же названія мѣстностей въ этомъ районѣ и здѣсь-же рѣчка Угрия по Больш. Чертежу). Затѣмъ авторъ указываетъ

на вліяніе хозарь и славянъ на бытъ мадьярь. Вліяніе послѣднихъ отразилось преимущественно въ сферѣ внутренняго, домашняго и семейнаго быта; такъ, названія предметовъ, относящихся къ земледѣлію, заимствованы мадьярами у славянъ. Ибнъ-Дастъ рассказываетъ, напротивъ, о набѣгахъ мадьярь на славянъ, плѣнниковъ которыхъ они вымѣнивали у грековъ на греческія матеріи и товары. Вліяніе хозарь отразилось преимущественно на военномъ устройствѣ. Другія извѣстія сообщаютъ свѣдѣнія о набѣгахъ мадьярь на берега Чернаго моря вплоть до Дуная. Наконецъ авторъ подробно разбираетъ свидѣтельства русскаго лѣтописца объ уграхъ, изъ которыхъ главное относится къ 898 г. и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о передвиженіи всей мадьярской орды на западъ, по вытѣсненіи ея изъ «Лебедія» печенѣгами, причемъ онъ касается смысла лѣтописнаго указанія о бѣлыхъ и черныхъ уграхъ (во вступительномъ разсказѣ къ лѣтописи), опредѣляя его какъ *видовое* различіе одного и того-же народа, на что существуютъ указанія въ другихъ источникахъ (235—248).

Это переселеніе авторъ относитъ къ 80-мъ годамъ IX вѣка, признавая хронологическое показаніе русской лѣтописи совершенно невѣрнымъ (250). Относительно-же самаго разсказа лѣтописца объ этомъ передвиженіи онъ говоритъ такъ: «изъ этого свидѣтельства мы имѣемъ, кажется, право заключить, что мадьяры, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ихъ, на своемъ пути къ Дунаю были подъ Киевомъ и стояли нѣкоторое время «вежами» неподалеку отъ него. По всей вѣроятности главная ихъ масса проходила черезъ Днѣпръ южнѣе, а отдѣльные отряды, принимая набѣги въ сторону, подходили и къ Киеву». Но онъ признаетъ несостоятельность разсказа лѣтописи о дальнѣйшемъ странствованіи угровъ «черезъ горы великія», т. е. Карпаты. Какъ извѣстно, г. Иловайскій (Ист. Рос. II, 514—515), въ слѣдъ за Шлецеромъ (Несторъ, II, 236), производитъ названіе «угорское» отъ «горы» и полагаетъ, что угры не могли быть вовсе подъ Киевомъ.

Въ связи съ этимъ, авторъ касается нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ, какъ-то: соотвѣтствія года прохожденія угровъ подъ Киевомъ съ показаніемъ К. Багрянороднаго, мнѣній объ угорскомъ происхожденіи Аскольда и Дира, направленіи дальнѣйшаго пути угровъ (къ устьямъ Дуная, а не черезъ Карпаты), о составныхъ элементахъ мадьярскаго языка на новыхъ жилищахъ мадьярь и т. п.

Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ изложеніемъ автора, такъ какъ оно выходитъ уже за предѣлы вопросовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія мѣстнаго изданія. Дальнѣйшей судьбѣ угровъ до начала X вѣка посвящена IV-я глава.

Утвердившись на среднемъ Дунаѣ, они наносятъ рѣшительный ударъ съ одной стороны Моравіи, а съ другой—нѣмцамъ. Но какъ ни тяжелъ былъ онъ для западной Европы вообще, для славянъ, по мнѣнію автора, онъ имѣлъ иное значеніе. Вся тяжесть мадьярскаго погрома обрушилась въ особенности на германскій міръ. Славяне-же, напротивъ, силою вещей должны были сблизиться съ мадьярами, такъ какъ одинаково-враждебныя отношенія къ западу дѣлали ихъ интересы

нѣкоторымъ образомъ общими. «Если мадьяры, говоритъ авторъ, своимъ вторженіемъ въ дунайскую равнину и поселеніемъ въ ней и нанесли глубокую рану славянамъ и стали для нихъ причиной многихъ бѣдствій и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, за то своимъ своевременнымъ вмѣшательствомъ въ жестокую борьбу нѣмецкой народности съ дунайскими славянами и неизбѣримымъ вредомъ, нанесеннымъ Германіи и всему западу, они въ концѣ концовъ дали благоприятный оборотъ славянскому дѣлу на Дунаѣ въ IX вѣкѣ и надолго остановили дальнѣйшій ростъ политическаго, культурнаго и всякаго вообще преобладанія нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, принимавшаго тогда уже весьма значительные размѣры и грозившаго великимъ и роковымъ для всего западнаго славянства несчастіемъ».

Таковъ заключительный выводъ автора по вопросу объ исторической роли угровъ въ ряду народныхъ переселеній въ западную Европу. Считаемъ необходимымъ повторить, что какъ по рассмотрѣннымъ нами вопросамъ, такъ и въ остальныхъ авторъ подкрѣпляетъ свои доводы множествомъ указаній на ихъ литературу и источники.

В. И.

Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. Спб. 1881 г. Ц. 15 р.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько изданій, имѣющихъ цѣлью ознакомить съ внѣшнимъ бытомъ русскаго народа въ его историческомъ развитіи. Къ сожалѣнію до сихъ поръ ни одно изъ нихъ не представляетъ достаточной полноты и до сихъ поръ не доведено до конца. Настоящее изданіе представляетъ обширный выборъ предметовъ древности, добытыхъ путемъ раскопокъ, или святыхъ съ другихъ памятниковъ. При томъ авторъ воспользовался и позднѣйшими развѣсканіями, ставшими уже достояніемъ науки. Снимки сдѣланы отчетливо, а отчасти раскрашены. Правда, они выполнены не такъ изящно, какъ въ изданіи Стрекалова (Русскія одежды, 1876 г.), подходящемъ болѣе къ альбому, но гораздо лучше, нежели атласъ Погодина, составляющій приложение въ извѣстной его исторіи.

Изданіе г. Прохорова сопровождается обширнымъ текстомъ. Въ немъ разсмотрѣны: скинскіе памятники, славяно-русскія языческія могилы, курганы черниговской и кievской губерніи, изображенія въ лицевыхъ минеяхъ (визант.) X вѣка, фрески на лѣстницѣ кievо-софійскаго собора, сборникъ Святослава XI вѣка, матеріалы русской одежды XII вѣка, матерія. Изъ этого перечня видна уже вся неполнота и недостатокъ опредѣленной системы въ распредѣленіи и описаніи предметовъ внѣшняго быта; о нѣкоторыхъ авторъ дѣлаетъ обширныя выписки изъ того или другаго источника, о другихъ вовсе не упоминаетъ, а предоставляетъ догадываться читателю. Вообще текстъ изданія страдаетъ отрывочностью, а иногда и небрежностью въ изложеніи (напр. на стр. 27: «У славянъ былъ обычай сожигать покойника, а у финскихъ племень похоронять безъ сожженія» и т. п.).

В. И.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

СОБОРЪ ВМѢСТО СОБОРА.

(Къ исторіи кіевскихъ соборовъ).

Не многимъ изъ нынѣшнихъ жителей г. Кіева, переполненаго, какъ и въ старыя годы, разношерстнымъ людомъ, извѣстно, что на Подолѣ есть старая, очень старая церковь во имя Успенія Божіей Матери. Если-бы кому-либо изъ ея нынѣшнихъ прихожанъ, или вообще тѣмъ изъ кіевлянъ, которые видѣли и знаютъ ее, напомнить слова древняго сказанія о томъ, что стоитъ она въ рынкѣ,—это имъ показалось-бы очень страннымъ. Никакого тутъ рынка теперь нѣтъ: по сторонамъ не мало кабаковъ, противъ алтаря красныя ряды, небольшая вокругъ площадь вся свободна. Изъ ряда другихъ церквей Кіево-Подола церковь успенская ничѣмъ не выдѣляется, если не считать того, что разъ въ году, въ день *Преполовенія*, т. е. когда проходитъ *половина* времени отъ Пасхи до Вознесенія, въ ней совершается торжественно, болшею частію архіерейское богослуженіе и отсюда совершается крестный ходъ на Днѣпръ для водоосвященія. Еще недавно въ официальной перепискѣ она значилась „градскимъ“ соборомъ и значитъ, кажется, и теперь; но какъ давно и по какому случаю она получила это названіе и значеніе, оставалось неизвѣстнымъ. А было время, когда успенская церковь была единственнымъ православнымъ соборомъ въ Кіевѣ и отъ того, конечно, времени идетъ ея названіе, какъ собора, ставшее нынѣ анахронизмомъ.

Когда и по какому случаю она стала соборомъ, объ этомъ сообщаются свѣденія въ статьѣ „*Пань Ходьки*“, помѣщенной въ

началъ этой книжки, но какъ приспособлена къ своему новому назначенію, о томъ сохранилось современное сказаніе ея-же священника Кирилла Ивановича, съ которымъ мы и хотимъ познакомить здѣсь нашихъ читателей. Эпизодъ этотъ изъ исторіи Кіева интересенъ по той энергіи, какую обнаружила кіевская городская община въ виду облежавшей ее со всѣхъ сторонъ уніи. Для полноты его мы приведемъ въ связь сказанія „о церкви соборной мурованой, иже есть въ Кіевѣ, на Подолѣ, яко поправлена на старомъ фундаментѣ“, съ свѣдѣніями о превращеніи ея въ соборную.

Уже потому, какъ глубоко теперь сидитъ успенская церковь въ землѣ, можно догадываться о ея древности. Названное нами современное сказаніе относитъ одно изъ ея освященій, но не постройку, къ XV в., упоминаетъ и о разореніи ея Менгли-Гиреемъ, вскорѣ послѣ того (1482 г.) послѣдовавшемъ, съ каковаго, вѣроятно, времени церковь эта находилась въ развалинахъ до втораго десятилѣтія XVI в. Подолъ изобиловалъ и въ ту пору церквями, въ большей части деревянными; о возобновленіи успенской церкви, лежавшей въ центрѣ Подола, никто не заботился. Требовалось особое испытаніе Божіе, въ видѣ своего рода чумы—римской уніи, чтобы заставить горожанъ возстановить церковь столь долго лежавшую въ заустѣннѣи и дать ей первенствующее въ городѣ значеніе. Тяжело было положеніе Кіева и его православныхъ жителей съ введеніемъ уніи. Уже съ перваго ея появленія въ 1596 г. Кіевъ лишился своего митрополита; оставшіеся вѣрными православію два епископа: Гедеонъ львовскій и Михайлъ перемышльскій умерли къ концу перваго десятилѣтія XVI в. и съ наступленіемъ втораго десятилѣтія на всемъ пространствѣ обширной кіевской митрополіи не было ни одного православнаго архипастыря. Православное населеніе повсюду стѣснено было до крайности въ своихъ исконныхъ правахъ, претерпѣвало жестокія, невыносимыя преслѣдованія. Повсюду церкви и монастыри переходили во власть уніатовъ, не выдерживало по мѣстамъ и священство, оставляя вѣру отцевъ, ради сквернаго прибытка, и народъ русскій на своей родной землѣ оставался безъ „службы Божіей“, безъ наученія вѣрѣ, безъ святыхъ таинъ и требъ. Та же участь готовилась Кіеву. Уже отъ нѣсколькихъ лѣтъ къ богатѣйшимъ и древнѣйшимъ монастырямъ и церквямъ Кіева, къ св. Лаврѣ и св. Софіи, простирались жадныя и своевольныя уніатскія руки. Въ Кіевѣ преобладала не числомъ,

но богатствомъ и вліяніемъ польская партія. Намѣстникъ и войтъ тянули въ сторону правительства, всѣми средствами вводившаго унію. Кіевлянъ заставляли копать гору, строить замокъ себѣ-же на страхъ и гибель. Намъ, спокойно живущимъ теперь въ своей вѣрѣ, не понятны эти тревоги за вѣру и сила такого ощущенія. Не то было тогда. Начало надвигавшейся грозы разразилось „гвалтовнымъ“ отнятіемъ у православныхъ св. Софіи, среди торжественнаго служенія въ недѣлю православія, и позорнымъ изгнаніемъ изъ нея собравшагося со всего Кіева священства. Михайловскій монастырь стоялъ на очереди; церкви: десятинная, Спаса на Берестовѣ и св. Василія лежали въ развалинахъ.

Что оставалось дѣлать кіевлянамъ, гдѣ пріютиться имъ, гдѣ служить службу Божію въ тѣ великіе дни, когда она совершалась соборомъ всего священства и такъ торжественно? Иновѣріе торжествовало; шагъ за шагомъ оно все могло отнять и оставить древнее православіе ни съ чѣмъ.

Встрепевулась кіевская община: вспомнили церковь, „иже въ рынку на Подолѣ“, собрали деньги, испросили привилегію короля (тогда и это нужно было), благословеніе патріарха (митрополита, епископовъ не было), устроили собственный дозоръ, пригласили строителя иностранца, родственника бурмиистра, устранили войта Ходыку. Въ февралѣ или мартѣ потеряли св. Софію, въ половинѣ апрѣля „почали изъ фундаменту церковь Успенія Пречистой поправляти“, а къ половинѣ августа слѣдующаго года окончили и „почали служити, ажъ и до днесь“. Потерпѣвшему священству гарантирована безопасность „отъ мятежныхъ и бурливыхъ геретиковъ“, свобода отъ податей, наѣздовъ и постоя, независимость отъ военной силы и самого пана воеводы. Сказаніе, содержаніе котораго мы передали, вошло въ составъ двухъ лѣтописныхъ сборниковъ, писанныхъ въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи: въ сборникъ Ильи Коцаковскаго, составленный около 1690 года и въ сборникъ, принадлежавшій семейству мѣщанъ Морозовъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Оба рукописные варіанта весьма близки другъ къ другу и взаимно себя дополняютъ. Мы приводимъ текстъ этого мѣстнаго кіевскаго сказанія, исправленный посредствомъ сличенія обѣихъ рукописей.

„О церкви соборной мурованой, иже есть въ Кіевѣ, на Подолѣ, якъ поправлена на старомъ фундаментѣ“.

„Зъ первого початку старого нигдѣ у кройникахъ (лѣтописяхъ) не обрѣтохомъ, токмо сей антиминосъ на томъ-же престолѣ

старомъ, сице подписаный: „осветися олтарь великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, пресвятыя Богородицы честного Ея Успенія преосвященнымъ архіепископомъ и митрополитомъ кievскимъ и всея Руси Мисаиломъ при великомъ королѣ Казимерѣ, и положонъ бысть здѣ, въ лѣто 6982 (1474) индикта 7, марта 30 дня, на память преподобного отца нашего Іоанна Лѣствинника.“ Изъ обычнаго всемогущаго милосердія Спасителя нашего Бога, найпаче-же нынѣ, за нашихъ родовъ (sic) посети насъ благодію своею, аще и мало что отъ нашихъ исправленій, но помощь и молитвы святыхъ древнихъ богоносныхъ отецъ о насъ дѣйствовала ко Богу и наше прошеніе не бысть тощю.—

За фортунаго (счастливаго) панованія найяснейшаго господаря и великого короля нашего Жигимонта, а за держанія воеводства кievскаго велможнаго его милости пана Станислава Жолковскаго, а во отступленіи митрополитовъ кievскихъ вдовствующи митрополіи кievской, понеже они въ то время вси уклонишася во купе ку западу; мы-же оныхъ мерзость возненавидѣвше, наслаждаемся пророческихъ словесъ, глаголющихъ: „отъ Сіона изыде законъ и слово Господне изъ Іерусалима, а не зъ Рима.“ Въ тоже время во освещенныхъ куръ патріарха константенпольскаго Тимофея, а здѣ, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ всихъ обще живущихъ православныхъ христіанъ, сыновъ святыхъ восточныхъ церкви, присныхъ во вѣрѣ, найпаче пана войта, Деонисія Балыки, а по немъ наставшаго войта пана Феодора Ходыки, а за бурмистра пана Созова, сына того-жъ войта Балыки, року 1613, месеца априля 15 дня, на память стятыхъ апостолъ: Трофима, Пуда, Аристарха, за привиліемъ найяснейшаго господаря нашего, великого короля Жигимонта, а за благословенемъ вышмененаго патріарха Тимофея, почали изъ фундаменту поправляти церковь святой Пречистое Успеніе соборную, стоячую в рынку мѣстѣ Кіевскомъ, внутри и зъ надворя, бо опала и ошарпалася была велми и рсзвалася: верху всего не было; старый муръ по верхніе окна весь верхъ збивали и знову муровали; самую баню (куполь) и тые 4 бани около—звону робили, бо прежде тыхъ малыхъ бань не было, толко было дощамы покрыто. А поправлялъ тую церковь майстеръ зъ Влохъ (Италіи) Савостіанъ Брачу. Почали месеца мая 13 дня на Вознесеніе Господне: выношеню все изъ церкви и вся обряды церковные; почали изъ середины робити зъ исподу и заробили болшую баню месеца сентебря 4 дня, на память святого мученика Вавилы. Тогожъ месеца 28 дня во второкъ поставили

крестъ на церкви, тойжъ таки, што и прежде былъ, але позлотили знову. Месеца октоврія 1 дня домуровали и остатней бани на рогу отъ Урмянское церкви. Тогожъ року декабрия 5 дня, на память преподобного отца Саввы, почали служить всенощное и службу Божию и служили презъ всю зиму, же не лѣтъ было зимою робить майстрамъ аж до недѣли Мироносицъ. И опять вси обряды были выношены до Воскресенія Христова з церкви. И през тое лѣто робили и доробили за помочю Божию месеца августа 14 дня, образы поставили и почали служить, аж и до днесь.

Обретохомъ въ кройнице, ижъ первой того сія Божественная церковь была изнищена и ободрона и все побрано: сребро, и злото, кресты, иконы погублены и все пошало отъ поганого царя перекопского Менди-Гирия и отъ нечестивыхъ его агарянь.

А былъ приставомъ и дозорцею до той работы панъ Созонъ Балыба, упрошоныи отъ всего мѣста.

Да не возмви ништо сихъ словъ ложно, но вѣруй, истинна бо есть все; и азъ недостойный во іереехъ—Кирило Ивановичъ, на тотъ часъ будучи мнѣ уставникомъ при той церкви, огледахъ все очима своими и написахъ достовѣрно.

А сама церковь вышки отъ земли до самого верху болшей бани—30 локоть и 3 локти и четверть локтя.

А въ то время въ томъ-же богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ быша служители святыхъ церквей, священницы: Василей матеробозскій, Мина прятискій, Іоаннъ воскресенскій, Никита спаскій, Климентей наберезскій, Матвей доброникольскій, Михайло борисоглабскій, Климентей рождественскій и діаконъ Деміянъ. А вси тые вышеймененные священницы каждый недѣлю свою служили въ той церкви соборной святой Пречистое, за господаря короля Бога просили и за пана воеводу кіевского, и за ктиторовъ, и за всихъ православныхъ христіанъ; а оны за тое отъ господаря короля и отъ пана воеводы кіевского и отъ всихъ намѣстниковъ его тымъ были пожалованы тогда и в потомные часы, жебы отъ мятежныхъ и бурливыхъ на церковь Божию геретиковъ во вшелякомъ покою zostавали и мешкали и отъ вшелякихъ подачокъ, и наѣздовъ, и станцій (постоя) околичныхъ, и войскъ, и отъ самого пана воеводы, жебы были волны“.

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО УНИАТСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи).

Въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи, на берегу рѣки Збруча, отдѣляющей русское Подоліе отъ австрійскаго, расположено мѣстечко Сатановъ. Въ двухъ верстахъ къ югу отъ мѣстечка находится древній свято-троицкій православный монастырь, называемый, по имени мѣстечка, сатановскимъ. Ни время его основанія, ни первоначальная исторія намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только, что онъ существовалъ, уже въ 1600 году, затѣмъ въ 1707 имъ завладѣли униаты и только послѣ 1793 года онъ былъ возвращенъ въ православіе. Такихъ монастырей и церквей, которые получили свое начало во времена повсемѣстнаго въ южной Руси господства православія, переведены были въ унию, пережили ея мятежную судьбу и потомъ снова возвратились въ нѣдра православія,—найдется не мало на обширномъ пространствѣ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края Россіи, даже Холмщины и Подлясья; одинъ лишь яблочинскій монастырь, лежащій въ послѣднемъ, никогда не былъ въ униі. Извѣстна каменная церковь св. Николая въ Замостьѣ, издревле православная, потомъ бывшая церковью униатскаго базилианскаго монастыря и мѣстомъ засѣданій памятнаго въ лѣтописяхъ униі замостскаго собора 1720 г., а съ 1875 г. ставшая опять православною. Были даже деревянныя церкви, срубленныя еще до униі, т. е. 1596 г., и пережившія всѣ бури униі до послѣдняго времени. Одна изъ такихъ церквей находилась еще въ 1865 г. въ с. Бабицахъ, люблинской губерніи, съ 1847 г. ставшая вновь православною, другая тамъ-же въ м. Тарногродѣ, остававшаяся въ 1865 и послѣдующіе годы въ униі. Обѣ замѣнены потомъ каменными, послѣдняя не доживъ до православія лишь нѣсколькихъ лѣтъ.

Наши православныя обители рѣдко ведутъ свои лѣтописи. Ихъ записи и архивы однообразны и скучны, какъ и самая ихъ жизнь, въ большей части строго подвижническая, иногда очень простая и грубая съ такими-же пороками. Обители униатскія, постепенно устроившія свой бытъ по образцу польскихъ кляшторовъ, входили въ большее соприкосновеніе съ міромъ; ихъ представители усваивали приемы лучшаго обращенія, пробирались въ панскіе дома, собирали вообще обильную жатву и жили съ большимъ удобствомъ и большею свободою, чѣмъ православныя

ихъ собраты. Въ обителяхъ уніатскихъ водка замѣнялась венгерскимъ, рыба мясомъ; иноки уніатскіе держали постъ по очереди—одинъ за всѣхъ, изощряя вкусъ свой въ венгерскомъ, то чали басни въ родѣ той, какъ волкъ былъ обреченъ судомъ обиженныхъ имъ крестьянъ на монашескую пицу,—ѣсть лишь то, что въ водѣ, и какъ потомъ, вытащивъ свинью изъ болота и поправъ на тотъ-же судъ, оправдывался въ такихъ выраженіяхъ: „przepraszam, panowie, nigdy nie byłem zakonnikiem, nie wiedziałem, co to jest ryba“.... (т. е. извините, господа; никогда я не былъ монахомъ и не зналъ, что такое рыба); измышляли огромныя рюмки безъ подставокъ съ оригинальными надписями: dogodzając ludzie odjęli mi nogę; więc ja lepiej im dogodzę, gdy odbiorę u nich obie“ (т. е. угождая мнѣ люди, лишили меня ноги; но я имъ лучше угожу, отобравъ у нихъ обѣ), вообще-же жили весело и игриво. Но и ихъ жизнь омрачаема была суровыми карами, способными напомнить сажаніе на колоду и „чепъ“ и нещадный бой ремнями и плетями въ обителяхъ православныхъ. Таковы сатанинскія кляузуры сатановскаго монастыря.

Эти немногія свѣдѣнія мы сочли нужнымъ предпослать исторіи сатановскаго монастыря, которая извѣстна только за время пребыванія его въ уніи. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ уніатскихъ игуменовъ, управлявшихъ сатановскимъ монастыремъ, Модестъ Сильницкій, въ 1770 году возымѣлъ мысль вести монастырскую лѣтопись; для этого онъ собралъ всѣ преданія какъ среди братіи, такъ и у окрестныхъ старожиловъ о предшествовавшей судьбѣ монастыря и записалъ ихъ въ книгу въ видѣ введенія; затѣмъ какъ онъ самъ, такъ и его преемники вносили въ эту книгу по годамъ всѣ событія, относившіяся какъ къ жизни монастыря, такъ и къ судьбѣ ближайшей области. Лѣтопись продолжалась до 1793 года, на которомъ и прекращается. Такимъ образомъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ исторіи сатановской обители почти за цѣлое XVIII столѣтіе. Въ настоящее время лѣтопись эта хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 2106); это небольшая книга in folio въ 56 листовъ сѣрой бумаги, писанная по польски нѣсколькими почерками конца XVIII вѣка и восящая слѣдующее заглавіе: „книга исторіи сатановскаго монастыря, ордена св. Василія, русской провинціи—сооружена 5 іюня, 1770 года“¹⁾.

1) Księga historii monasteru Satanowskiego, Z. S. Bazylego w prowincji Ruskiej—roku 1770, die 5 miesiąca Czerwca sporządzona.

Между листами лѣтописи въ книгу вставлены циркуляры провинціаловъ базилианскаго ордена, рукописныя ихъ письма и распоряженія, а также копіи монастырскихъ документовъ; вставки эти составляютъ 17 листовъ, такъ, что только остальные 39 заняты собственно лѣтописью. Мы передадимъ вкратцѣ ея содержаніе, такъ какъ сообщаемыя ею извѣстія, помимо мѣстнаго интереса, представляютъ бытовыя черты для характеристики отношеній, существовавшихъ въ краѣ въ прошломъ столѣтіи.

Въ 1770 году монахи помнили, что старая церковь, деревянная, находилась у подножія горы, на которой стоитъ нынѣшняя каменная церковь; она была разрушена только въ 1744 году за ветхостью; на куполѣ ея былъ вырѣзанъ „1600 рокъ“. Отъ старой церкви остались лишь прилежавшія къ ней, высѣченныя въ скалѣ пещеры. Во время турецкаго господства въ Подоліи (1672—1699) монастырь не переставалъ существовать и къ этому времени относится первое уцѣлѣвшее въ памяти монаховъ имя игумена—это былъ Исаія Рудыка, скончавшійся въ 1701 году; семьдесятъ лѣтъ спустя монахи указывали еще въ монастырскомъ саду посаженную имъ яблоню. Преемникомъ его былъ Сильвестръ, утонувшій въ рѣкѣ Збручѣ, о чемъ еще въ 1770 году свидѣтельствовала надпись на каменномъ крестѣ, стоявшемъ на его могилѣ на монастырскомъ огородѣ. Послѣ смерти Сильвестра уніаты завладѣли монастыремъ и первымъ уніатскимъ игуменомъ былъ Варсоломей Холодискій, сынъ приходскаго священника сатановскаго предмѣстія: „*святопокровскіе фольварки*“. Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ, отецъ Варсоломея былъ обезглавленъ татарами въ церкви, во время отправленія литургіи; это обстоятельство потрясло сына и заставило его поступить въ монахи. Въ игуменство Холодискаго сатановскій монастырь посѣтилъ Петръ Великій. Возвращаясь изъ прутскаго похода, онъ гостилъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ сатановскомъ замкѣ у его владѣльца, великаго короннаго гетмана, Адама Сенявскаго. При посѣщеніи монастыря, царя встрѣтилъ весьма краснорѣчивою рѣчью іеромонахъ Іосифъ Чижевскій. Рѣчь его была прервана довольно страннымъ образомъ; къ оратору подкрался царскій шутъ, и обрѣзалъ ему бороду. Петръ припрянулъ на шута и приказалъ вознаградить іеромонаха за обиду. Пострадавшій Чижевскій считался въ то время лучшимъ проповѣдникомъ базилианскаго ордена; благодаря своему краснорѣчію, онъ имѣлъ большое вліяніе на гетмана Сенявскаго, у котораго

выхлопоталъ въ пользу сатановскаго монастыря дарственную запись на садъ, огородъ, 180 дней поля и 100 дней сѣнокоса (всего до 200 десятинъ), а также на право пользованія владѣльческимъ лѣсомъ.

Затѣмъ лѣтопись сообщаетъ, почти безъ всякихъ подробностей имена четырехъ игуменовъ: Леонтія Ординскаго родомъ изъ Гусятина, Моисея Стопчанскаго, служившаго долго въ чинѣ поручика въ панцырной хоругви Сенявскаго, на старости лѣтъ построигшагося въ монахи и внесшаго значительные вклады въ монастырскую кассу, Добржанскаго, изъ дворянъ теремовельской земли и Діонисія Вишньовскаго. Съ 1732 по 1762 годъ игуменомъ сатановскаго монастыря былъ Варлаамъ Савицкій, человекъ весьма дѣятельный и энергическій; на собранныя имъ пожертвованія построена была новая (понынѣ существующая) каменная церковь, оконченная въ 1744 году, затѣмъ выстроено новое каменное двухэтажное зданіе для монастыря, приобрѣтено много церковной утвари, ризъ и т. д. Послѣ перехода Савицкаго игуменомъ въ первоклассный унеевскій монастырь, въ Сатановѣ былъ игуменомъ (1762—1765) Бонифатій Рыхловскій, но въ 1765 г. Савицкій уступилъ ему свое мѣсто въ Унеевѣ, а самъ возвратился въ Сатановъ, гдѣ и скончался въ 1766 году; погребенъ въ церкви у праваго клироса. Преемникомъ его былъ составитель лѣтописи Модестъ Сильницкій (1766—1771), успѣвшій впрочемъ записать за время своего игуменства только два болѣе крупныя событія: пожертвованіе въ пользу монастыря суммы въ 30,000 золотыхъ извѣстнымъ каневскимъ старостою, Николаемъ Потоцкимъ, и извѣстіе о чумѣ, свирѣпствовавшей въ Подоліи въ 1770 году. Зараза посѣтила и монастырь, въ которомъ жертвами ея пали 6 монаховъ и до 150 монастырскихъ крестьянъ. Послѣ перехода Сильницкаго въ Каменецъ, игуменомъ въ Сатановѣ былъ (1771—1772 г.) Анатолій Водлицкій; онъ очень подробно вносилъ въ лѣтопись описанія церковныхъ церемоній, циркуляры и распоряженія орденскаго базилианскаго начальства, свѣдѣнія о пожертвованіяхъ, о посѣщеніяхъ монастыря знатными панами, о своихъ спорахъ съ управителями сатановскаго имѣнія и т. д.; но среди этихъ мелкихъ извѣстій мы не встрѣтили ничего особенно интереснаго. Преемникъ его Константинъ Улашевичъ (1772—1775) почти не оставилъ слѣда въ лѣтописи; послѣ его перехода игуменомъ въ люблинскій униатскій монастырь, въ Сатановѣ сталъ игуменомъ Левъ Заславскій (1775—1777). При этомъ игуменѣ въ лѣтописи записанъ очень ха-

рактѣрный фактъ: на провинціалномъ сѣздѣ представителемъ базилианскаго ордена рѣшено было избрать сатановскій монастырь мѣстомъ для вѣчнаго заточенія монаховъ, приговоренныхъ судомъ ордена къ погребенію за-живо; игумень внесъ въ лѣтопись копію присланной ему по этому поводу провинціаломъ инструкции. Онъ долженъ былъ приготовить келью опредѣленныхъ размѣровъ въ концѣ монастырскаго корридора: устройство келіи, размѣры окна и желѣзной въ немъ рѣшетки, устройство отхожаго отверстія въ стѣнѣ, составъ постели, одежды, бѣлья и пищи узниковъ опредѣлены въ ней съ кропотливою точностью. Вскорѣ оказалось, что келія была заказана не даромъ: въ 1775 году въ Сатановъ присланъ былъ, убѣждавшій изъ одного изъ униатскихъ монастырей, іеромонахъ Филимонъ Витошинскій, впоследствии арестованный и, по опредѣленію властей ордена, приговоренный къ пожизненному тюремному заключенію. 12 октября онъ былъ введенъ въ келію и, съ соблюденіемъ всѣхъ предписаній инструкции, заживо похороненъ. Препровождая его въ келію, совершали погребальное богослуженіе и отпѣвали, какъ покойника; призванные игуменомъ каменщики задѣлали двери кирпичною кладкою, оставивъ лишь маленькое отверстіе, черезъ которое узникъ долженъ былъ получать пищу и въ опредѣленные сроки исповѣдываться и причащаться. Изъ приложенной къ лѣтописи копіи приговора не видно, за какія проступки наказанъ былъ Витошинскій; въ приговорѣ указана только его самовольная отлучка изъ монастыря и прибавлена общая фраза о томъ, что вообще поведеніе его неисправимо („*super incorrigibilitate vitae*“). Послѣ акта погребенія, въ теченіи 18-ти лѣтъ лѣтопись умалчиваетъ о немъ совершенно; такъ какъ не внесено въ нее извѣстія ни о его смерти, ни о помилованіи, то можно предположить, что онъ дожилъ до 1793 года и, въ такомъ случаѣ, вѣроятно былъ освобожденъ при переходѣ края подъ власть русскаго правительства. Преемникомъ Заславскаго былъ игумень Амвросій Гнатовичъ (1777—1785), оставившій самыя подробныя замѣтки въ лѣтописи. Изъ помѣченныхъ имъ фактовъ болѣе интересны слѣдующіе: 1778 года произведенъ первый рекрутскій наборъ въ Галиціи (съ 1772 г. она присоединена была къ Австріи); въ томъ-же году 4 іюня громъ разрушилъ куполь монастырскаго церкви; 1779 года сооружена серебрянная риза на образъ. Въ 1780 отлить новый колоколъ 38¹/₂ пудъ вѣсомъ; отливалъ его „мастеръ, людвисаръ (литейщикъ) въ Черномъ Островѣ, Василій Островскій“. Въ сентябрѣ того-же года саранча налетѣла

изъ-за Днѣстра и зарылась въ землю въ Подоліи. Въ октябрѣ появилась въ Волочискѣхъ чума, завезенная туда изъ Балты. Весною 1781 года саранча развилась, ее стали очень усиленно уничтожать, но новыя массы ея пришли изъ-за Днѣстра и покрыли поля слоемъ „толщиною въ полъ колѣна“. Она улетѣла на западъ, но въ августъ возвратилась и вновь зарылась въ землю. Въ томъ-же году польскій король Станиславъ выѣзжалъ въ Вишневецъ на Волыни на встрѣчу наслѣднику русскаго престола, великому князю Павлу Петровичу, проѣзжавшему въ Вѣну. Въ 1782 г. въ Австріи закрыты были женскіе монастыри. Записано наконецъ, что Іосифъ II посѣтилъ Галицію, проѣхалъ на границу въ Жванецъ и оттуда осматривалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія Хотина.

Подъ 1782 годомъ помѣщена интересная замѣтка о смерти каневского старосты: это тотъ извѣстный Николай Потоцкій, староста каневскій, который такъ прославился неукротимымъ самодурствомъ, жестокостью и развратомъ. Многочисленные рассказы о подвигахъ „пана каневского“, какъ называетъ его народъ, остались по нынѣ въ памяти всѣхъ сословій югозападнаго края, особенно въ Каневѣ и его окрестностяхъ. Староста каневскій поочередно то затворялся въ одинъ изъ униатскихъ монастырей, гдѣ предавался особаго рода богомолію, соединяя аскетизмъ, кощунство и развратъ, то переселялся въ каневскій замокъ, и, окружившись слугами шляхтичами и надворными козаками, проводилъ время въ оргіяхъ, среди которыхъ стрѣлялъ въ цѣль въ людей, топталъ народъ лошадыю, душилъ евреевъ, укладывая ихъ въ видѣ сноповъ на возы и придавливая до смерти „рублемъ“ (шестомъ) и т. д. Одно изъ любимыхъ развлеченій его состояло въ томъ, что онъ приказывалъ похищать дѣвушекъ, вечеромъ вѣнчался на нихъ, а на другой день приказывалъ бросать ихъ въ рѣку, зашивъ въ кожаный мѣшокъ. Одинъ изъ такихъ подвиговъ послужилъ основою для прекрасной народной пѣсни: „Бондаривна“. Въ старости панъ каневскій сталъ помышлять о будущей жизни и щедростью въ пользу монастырей католическихъ и особенно базилианскихъ старался искупить грѣхи своей жизни. Упомянутая замѣтка характеризуетъ отношеніе къ нему облагодѣтельствованнаго имъ униатскаго духовенства. Вотъ его текстъ: „скончался ясновельможный Николай Потоцкій, воеводичъ белзскій, кавалеръ мальтанскаго ордена, вельможа, отличавшійся неимоверною щедростью въ пользу монастырей, особенно нашихъ (т. е. униатскихъ), находящихся въ Польшѣ. Отъ

его щедротъ и нашъ сатановскій монастырь получилъ значительную поддержку—капиталь въ 30,000 злотыхъ. Вельможа этотъ, проживъ 76 лѣтъ, переселился въ вѣчность 13 дня апрѣля въ Почаевѣ, гдѣ онъ былъ неимоверно щедрымъ ктитормъ и основателемъ монастыря. Всѣ ордена и монастыри, особенно-же наши, неимоверно о немъ сожалеютъ и за его многочисленныя благодѣянія обязаны вѣчной благодарностью и должны неусыпно молиться о душѣ его. Погребенъ онъ въ Почаевѣ съ должнымъ благолѣпіемъ при стеченіи многочисленныхъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ двухъ епископовъ, украсившихъ своимъ присутствіемъ погребальную церемонію: луцкаго униатскаго епископа е. м. Стецкаго, и латинскаго викарнаго епископа Качковскаго. Надгробныя рѣчи говорили священники: Порфирій Скарбекъ-Важинскій, бывшій генераль базилианскаго ордена, нынѣ архимандритъ жидичинскій и Иосафатъ Охоцкій, нареченный архимандритъ овручскій. Въ нашемъ монастырѣ, помимо поминальнаго богослуженія, обязательнаго какъ за ктитора, отправленъ былъ парастасъ и соборное служеніе всею братією. Колокола неумолкаемо звенѣли въ теченіи цѣлой недѣли“.

Послѣ перевода Гнатовича игуменомъ въ Мильчъ, въ Сатановѣ должность игумена занялъ Ипатій Кухальскій (1785—1788). Многочисленныя зависи, внесенныя имъ въ лѣтопись, посвящены почти исключительно подробностямъ его спора съ управляющимъ сатановскимъ имѣніемъ, только подъ 1786 годомъ помѣчена кончина генерала базилианскаго ордена, Иосифа Моргульца, а подъ 1788 свѣдѣніе о взятіи Хотина русскими и австрійскими войсками. Въ заключеніе Кухальскій помѣстилъ польское двустипіе и латинскій къ нему комментарий слѣдующаго содержания:

Dzban gdy wypił wieczorem, rano bolał Janek;

Wolałby sto wieczorów niżli jeden ranek.

Mihi hoc applicui P. Нуратиусъ Кухальскій

(Вая, выпивъ вечеромъ кувшинъ, утро проболѣлъ!

Предпочель-бы онъ сто вечеровъ утру одному.

Это я примѣваю къ себѣ—Ипатій Кухальскій).

Преемникомъ этого веселаго игумена былъ Онуфрій Тучанскій (1788—1793). При немъ, подъ 1793 годомъ, записано, что 4 апрѣля русскій капитанъ Ильинъ пріѣзжалъ въ монастырь приводить монаховъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ II,

а 16 іюня того-же года назначенъ былъ въ Сатановскій монастырь новый игумень Бенедиктъ Орачевскій. На этомъ извѣстїи и прекращается монастырская лѣтопись.

В. А.

КОМПАНЕЙСКІЯ ИГОЛКИ.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщаемъ любопытный универсалъ, объявляющій полкамъ малороссійскимъ, что, въ силу Высочайшаго указа, монопольное право продажи иголокъ въ Малороссїи, подобно какъ и въ другихъ областяхъ государства, пожаловано товариществу рязанскихъ купцовъ: Томилина и Рюмина. Документъ выписанъ изъ подлинной книги генеральной войсковой канцелярїи за 1722 годъ; — сообщаемъ текстъ его съ сохраненіемъ правописанїя подлинника.

„Пану полковнику Н, старшинѣ его полковой, сотникомъ и всѣмъ градскимъ и селскимъ урядникамъ, и кому-бы колвекъ вѣдати надлежало, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ принесена до насъ Монаршая, всепресвѣтлѣйшого Императорского Величества грамота з государственной иностранныхъ дѣлъ коллегїи, на имя еще покойного ясневельможного его милости пана гетмана Скоропадского писанная, з тимъ объявленіемъ, что Его Императорское Величество указалъ компанѣйщикамъ: Сидору Томилину и Панкрату Рюмину въ россійскомъ своемъ государствѣ, въ уѣздѣ рязанскомъ, или гдѣ похотятъ, размножити игольный заводъ и онїе игли во всей Его Величества державѣ продавати одни; а другихъ з заграницы и з иншихъ порубѣжныхъ мѣсть отнюдь не вивозити под запрещеніемъ взята тихъ иголъ в казну и зверхъ того наложеніемъ великого штрафа. А поневаж помянутый компанѣйщикъ, Сидоръ Томилинь, в государственную бергъ-коллегїю подавалъ таковое довошеніе, что хоча именованнъ Его Императорского Величества указомъ запрещено игли з иностранныхъ государствъ привозити, однакъ многіе тотъ Императорскій Его Величества указъ презрѣвши, з Гданска и з Шлїонска ¹⁾ и з прѣтчихъ порубѣжныхъ мѣсть в Россїю и через малороссїйскїе города отъ Азова в черкасскій городъ игли тайно привозятъ и въ продажу потребляютъ, от чего ихъ, компанѣйщиковъ, россійского дѣла игламъ продажи нѣтъ, и черезъ тое

¹⁾ Изъ Данцига и изъ Силезїи.

имъ немалая ест остановка и убытокъ, того ради Его Императорское Величество, яко повелѣлъ везде в государствѣ своемъ, и до насъ в Малую Россію одправити Монаршіе свои указы, чтобы такихъ иголь разныхъ чиновъ люде з зарубѣжа не привозили, но всеконечно покупали-бы овые російского дѣла, в вѣдомѣ предречонныхъ компанѣйщиковъ будучого. Такъ мы, на мѣстцу гетманскомъ правленіемъ всякихъ російскихъ дѣлъ нынѣ вѣдающыя, дозлетворачи тому премоощнѣйшему Его Императорского Величества указовѣ, и по оному во всѣ полки надлежащія наши увѣрсаи одправивши, предлагаемъ симъ-же универсаломъ и в полкъ N. И вишеизображеннымъ монаршимъ указомъ всякимъ торговимъ и гандлями бавлячимъся людемъ, якіе в томъ полку N суть: з заграницъ иголь от сего времени вивозити весма запрѣщаемъ, а вмѣсто оныхъ в Малую Россію ввозити-бъ и продавати игли російского дѣла, которые дѣлаются на заводахъ више обявленныхъ компанѣйщиковъ. А хто з нихъ, торговниковъ, до сего настоящего указу вывозные з заграници имѣеть у себе игли, тимъ на спродане оныхъ даеться сроку, в той-же Монаршой грамотѣ означонного, на полгода; ежели-жъ и в полгода будутъ неспроданы, то послѣ того сроку оніе игли торговимъ малороссійскихъ городовъ промишленникамъ вивезти за границу или тыхъ-же заводоѣ компанѣйщикамъ: Томилину и Рюмину продати; самимъ засъ имъ, по вийстю полрочного сроку, отнюд уже чужосторонними иглами не торговать под штрафомъ. А если хто по нынѣшнему явиться вперед в преступленіи, таковой всякъ, узнавши якую за тое себѣ непомислност и страту, не отговоруваелься невидѣніемъ оногo указа; чога ради, абы панъ полковникъ N зараз в полку своемъ сей универсалъ наш везде опублѣковалъ и о собитыи выраженного в нем Монаршого Его Императорского Величества указу тщательное имѣлъ и подкомендной своей старшанѣ приказалъ имѣти должное прилѣжаніе, пилно жадаемъ. Данъ в Глуховѣ з войсковой енеральной канцеляріи, августа 15 дня, року 1722.

Звышь менованный полковникъ и наказній гетманъ (Павель Полуботокъ) рукою власною (М. П.).

Войсковий енеральный писар Семень Савичъ.

Василій Жураковский, асаулъ енеральный“.

„ПОКРЫТКА“.

Это имя въ нашемъ народѣ носить женщина, утратившая свою дѣвичью честь и которой вслѣдствіе того покрываютъ голову платкомъ, какъ и прочимъ замужнимъ женщинамъ. Не какъ о лицѣ хотимъ мы сказать здѣсь о „покрыткѣ“, но какъ объ обычаѣ народномъ, который связанъ съ этимъ именемъ,—обычаѣ мудромъ, благодѣтельнымъ, прежде повсемѣстнымъ, теперь утрачивающемъ свою силу, отживающемъ свой вѣкъ, подъ вліяніемъ новыхъ измѣненій въ жизни народной.

„Покрытка“, „скрытка“, „накрытка“—одинъ изъ обыкновенныхъ бытовыхъ терминовъ въ южнорусскомъ народѣ и ни въ комъ онъ не вызываетъ особаго осужденія или презрѣнія. Это не значить, что бы и самое явленіе, имъ обозначаемое, было обыкновенно и такъ сказать заурядно. Относительное цѣломудріе малороссіанокъ, строгость народныхъ воззрѣній на святость брачнаго союза и преступность всякихъ иныхъ отношеній двухъ половъ—слишкомъ извѣстны, чтобы объ нихъ говорить; но жизнь мирится съ случаями вольнаго и невольнаго увлеченія, беретъ виновныхъ, падшихъ, несчастныхъ подъ свою опеку и только отмѣчаетъ ихъ особымъ способомъ—„скрываньемъ“ или „покрываньемъ“, дабы отвратить другихъ отъ такого-же увлеченія, а самихъ виновныхъ отъ болѣе тяжелой вины и ея ужасающихъ послѣдствій.

Обычай, о которомъ говоримъ, требуетъ покрытія платкомъ головы той „дѣвицы“, которая имѣла несчастье „прошкодить“, „прогрѣшить“, т. е. лишиться невинности. Это прежде всего знакъ того, что виновная въ потерѣ дѣвичьей чести недостойна носить названія дѣвушки и должна примкнуть къ разряду замужнихъ женщинъ, но подъ особымъ именемъ „покрытки“. Коса—честь, краса дѣвушки, по народному воззрѣнію; и по Апостолу *„влася жены—слава ей“*¹⁾. И вотъ эта честь, краса и слава „скрывается“, по винѣ прогрѣшившей. Самый обрядъ „скрыванья“ совершается скоро и просто. Въ селѣ не то, что въ городѣ: тутъ жизнь каждой и cadaго открыты для всѣхъ и каждый шагъ ихъ извѣстенъ. Когда станетъ извѣстнымъ, что какая-либо дѣвушка утра-

¹⁾ 1-е Коринт., гл. II, ст. 15.

тила свою честь, двѣ или болѣе степенныя (пожилыя) женщины приходятъ къ ней и, объявивъ ей ея вину, тутъ-же „скрываютъ“ ее, т. е. повязываютъ голову по замужнему¹⁾). Сила нравственного чувства и закона такъ велика, такъ глубоко пустила корни въ народѣ, что подъ вліяніемъ ихъ виновныя въ потерѣ своей невинности иногда сами спѣшатъ себя покрыть, прежде, чѣмъ исполнять это другіе. „Якъ прошкодила я“, объясняла одна изъ такихъ своей подругѣ,—„сама себе покрыла“.

Обычай этотъ оглашаетъ новое воздѣйствіе жизни и въ этомъ-то оглашеніи вся мудрая сила его къ предупрежденію дальнѣйшихъ послѣдствій преступленія.

Дѣвушка, или, по совершеніи обряда, „покрытка“ не выдѣляется изъ семьи, или дома, гдѣ до того находилась; она продолжаетъ свою обычную жизнь и только называется покрыткою. Надъ ней посмѣются, ее при случаѣ попрекнутъ, не выйдеть она на „улицу“, не пойдетъ на „вечерници“, сама съ собой потужить, помучится стыдомъ и угрызениями совѣсти и терпѣливо будетъ ждать того, что должно послѣдовать неизбѣжно. Ничто уже не предрасположитъ ее къ мысли о сокрытіи плода, а тѣмъ болѣе дѣтубійствѣ. И то и другое становится для нея безцѣльнымъ, да и не можетъ она посягнуть на подобный рискъ;—за нею всѣ слѣдятъ, она оглашена въ своемъ поступкѣ, объ немъ предъувѣдомлено все село, какъ о совершившемся фактѣ. Ея пригнетенное положеніе заранѣе предрасполагаетъ въ ея пользу, привлекаетъ къ ней состраданіе, участіе. Стыдъ и нравственное угнетеніе не настигаютъ ее внезапно *въ моментъ родовъ*, — доводя до преступленія, но гораздо раньше, не въ такихъ тяжкихъ условіяхъ, потому сами собою притупляются, или смягчаются участіемъ—готовымъ ко времени родовъ. И второе слѣд. обстоятельство, вызывающее на преступленіе,—*безпомощность* также преграждается. Не то въ другихъ народностяхъ: подъ угнетающимъ давленіемъ беременности какъ часто видимъ гибель двухъ существъ, выкидыши и смерть роженицы! Благоговѣемъ предъ симъ мудрымъ обычаемъ! Благоговѣютъ предъ нимъ

¹⁾ Въ предѣлахъ поселенія южнорусскаго народа есть мѣстности, гдѣ повязываютъ головы и замужнія и не замужнія женщины, но неодинаково: какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ повязка чалмою,—по турецки, но у дѣвушекъ середина головы, *макушка*, открыта и волоса видны; когда „скрываютъ дѣвчину“, то завязываютъ голову „пидъ листокъ“, т. е. макушку головы также покрываютъ.

и сами „прогрѣшившія“ и, какъ сказано уже, сами добровольно подчиняются иногда его силѣ и дѣйствию.

Невольно припоминается намъ при этомъ картина подобнаго жизненнаго явленія, начерченная украинскимъ пѣснотворцемъ Т. Г. Шевченкомъ въ его поэмѣ „Катерина“ также просто, какъ просто оно проходитъ въ народной жизни.

.... Не чулася, та-й байдуже,
Катрυσю накрыли!...

И потомъ

Не здужае Катерина,
Ледви, ледви дыше...
Вычуляла, та въ запичку
Дытыму колыше!...

(Кобз. стр. 26 и 27).

Обычай „скрыванья“, какъ и прочіе, съ поглощеніемъ живаго обычнаго права схоластикою, буквою суда, самъ собою падаетъ. Нельзя не пожалѣть о семъ. Чтобы понять мудрость и благодѣтельную силу этого обычая, надо присутствовать при судебно-медицинской криминалистикѣ. И теперь видится мнѣ торжественно-печальная нравственная исповѣдь одной провинившейся (себежскій уѣздъ, витеб. губ.), когда она повинялась во грѣхъ и присутствующихъ при слѣдствіи молила: „простите мене, добрі люди, простите“, на всѣ четыре стороны кланяясь и у ногъ падая!

Ст. фонъ-Носъ.

ИЛІЯ ЧОВПИЛА, БЪСАМЪ ВЪ СЛУЖБУ ЗАПИСАВШІЯСЯ.

(Изъ области народныхъ суевѣрій).

Не знаемъ, уцѣлѣло-ли еще гдѣ-либо въ нашемъ народѣ древнее суевѣріе, считавшее возможнымъ войти въ ближайшее сношеніе съ нечистою силою и пріобрѣтать ея содѣйствіе цѣною записи во власть оной собственной души и тѣла. Нужда и безпомощность людская породили это дикое суевѣріе и держали его долго въ средѣ нашего, какъ и другихъ народовъ. Тамъ, гдѣ теперь и самый простой человекъ раскинетъ своимъ умомъ и поможетъ своей бѣдѣ, въ прежнее время не видѣли другаго средства, какъ записаться чорту съ душею и тѣломъ,—совершенный контрастъ *обътамъ* Богу и святымъ у людей вѣрующихъ.

Въ дѣтствѣ мы слышали, какъ неясное уже преданіе, разсказъ о фактѣ подобнаго суевѣрія. По этому преданію, желавшій пользоваться услугами сатаны, дѣлалъ себѣ надрѣзъ на мизинцѣ, своею кровію записывалъ на клочкѣ бумаги во власть его свою душу и тѣло или только душу, на срокъ или на всю вѣчность, выходилъ съ этой запиской на перекрестокъ или кладбище, призывалъ трижды имя бѣса и, бросая въ воздухъ записку, быстро уходилъ. Съ того момента, по повѣрью, все ему удавалось. что-бы онъ ни задумалъ.

Въ наше время фактъ подобнаго суевѣрія не привлекъ-бы вниманія даже урядника или иной сельской власти. Не то было лѣтъ сто назадъ или немного болѣе: о такихъ случаяхъ велась переписка, доходившая до высшихъ властей, виновные подвергались продолжительному суду и заключенію и тяжелымъ наказаніямъ. Извѣстны суровыя мѣры Петра I-го противъ чародѣйства, колдовства и вообще суевѣрій, даже вѣры въ ложныя чудеса, — простиравшіяся на лѣвобережную Украину. Законодательство польское, дѣйствовавшее въ остальныхъ частяхъ южной Россіи, относилось къ такимъ явленіямъ народной жизни еще съ большею жестокостію: уличенные напр. въ колдовствѣ сожигались живьемъ и намъ извѣстны изъ архивныхъ дѣлъ два такіе случая изъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Архивы лѣвобережные переполнены дѣлами о судившихся за суевѣрія. Вотъ отрывокъ изъ одного такого дѣла первой половины XVIII в.

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго синода во обрѣтающуюся въ Глуховѣ войсковую генеральную канцелярію.

По указу ея императорскаго величества святѣйшій правительствующій синодъ слушали доношенія преосвященнаго Рафаила, архіепископа кievскаго о содержащемся въ полковомъ лубенскомъ секвестрѣ полковника лубенскаго Петра Апостола служителѣ Ильѣ Човпилѣ, записавшемся кровію своею князю бѣсовскому и вѣсьмъ бѣсомъ въ службу с душею и тѣломъ на тридцать лѣтъ, и пріобщенной с того его своеручнаго писма и произведеннаго ему въ полковомъ лубенскомъ судѣ о томъ допросу копіи, из коего допросу показуется, что онъ объ ономъ отвѣтствовалъ весьма несправедливо. Приказала: онаго Илью Човпила из вышереченнаго полковаго суда, для надлежащаго в исполненіе с подобающимъ о показаніи самыя истинны увѣщаніемъ допроса, и по нему со всякимъ испытаніемъ изслѣдованія и учиненія, какъ святыхъ

ЗАПОРОЖСКОЕ РАСХИЩЕНІЕ.

(Дѣя пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли).

Извѣстно запорожское разсѣяніе, едва-ли извѣстно запорожское расхищеніе. Никто не можетъ назвать уничтоженіе Запорожья безвременнымъ: оно сослужило свою славную, вѣковую службу, но отжило свой вѣкъ, стало анахронизмомъ. Формы его быта не согласовались съ новымъ развитіемъ жизни, само оно утратило свой исключительный духъ; наступали событія, которыя самое существованіе его дѣлали излишнимъ. Оно должно было или измѣнить свой строй и быть, или быть уничтожено. Совершилось послѣднее, и нѣтъ въ томъ исторической ошибки или неправды. Иное дѣло судьба упраздненныхъ рыцарей и ихъ земель, убитанныхъ ихъ же кровію. Послѣдній сѣчевой атаманъ Калнишевскій попадаетъ въ Соловки и тамъ томится до глубокой старости, а Запорожье, какъ поется въ первой изъ помѣщаемыхъ пѣсень, плачется на него за свое разореніе и беспомощное въ своей судьбѣ питаетъ надежду на короля Польши, также доживавшей послѣдніе годы свои. Разоренные въ своемъ гнѣздѣ сѣчевики разбрелись, куда могли и хотѣли — въ Украину, Турцію и даже Австрію, а земли ихъ раздѣлили „паны сенатори, пребольшія генерали“, такъ что оставшіеся на мѣстѣ и вновь сформированные Потемкинымъ запорожцы, сослуживъ послѣднюю службу во вторую турецкую войну, не имѣли уже и клочка земли и съ немалымъ трудомъ выпросили себѣ пустынную и болотистую Тамань. На земли и не настолько свободныя, какъ бывшія запорожскія, всегда были охотники. Вкушеніе отъ казеннаго пира, хищеніе не новость для насъ. Такъ было съ Бѣлоруссіею, такъ стало и съ Запорожьемъ. Вскорѣ мы надѣемся представить болѣе обстоятельныя по этому предмету свѣдѣнія, а теперь приводимъ пѣсни, вѣрно воспроизводящія минувшую дѣйствительность.

I.

Та-же не свѣтъ, та-же не свѣтъ,

Та-же не свѣтае,

Та хитрый москаль запорожську землю

А кругомъ обѣзжае.

Та обѣхавши запорожську землю,
 Ставь степь межувати,
 Ой ставь городи, паньски слободи
 По річкахъ сажати.

Ой обсадивши паньски слободи,
 Та не буде владіти,
 Ой очисте Кроль сюю Украину
 А по саму линію.

Та летить крячокъ—по той бочокъ,
 Та летячи кряче,
 Та уже військо запорожське
 На Калниша плаче.

II.

Ой з-підъ города Елисавета
 Сизі орли вылітали,
 Ой стали собиратись паны севатори
 Пребольшіи генерали.
 Вони думали-гадали:
 Ой якъ-бы намъ панамъ сенаторамъ
 Запорожську землю взяти,
 Ой якъ-бы намъ, ой якъ-бы намъ
 Всі волости одибрати.
 Ой якъ одибрали всі волости запорожськи
 Зачали на плани діляты.
 Ой Січъ мати, ой Січъ мати,
 Та въ Січи добре жити,
 Ой тильки спати, спати та лежати
 Та горілочку кружати. *)

Сообщ. И. Манжура.

*) Обѣ пѣсни записаны въ с. Богатой ново-москов. уѣзда, екатеринослав. губ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“ фототипный снимокъ съ старинной гравюры представляетъ намъ зданіе кіевской академіи и группу ея питомцевъ, — „спудеевъ“, какъ они тогда назывались. На гравюрѣ не означены ни время, ни мѣсто ея изданія; но первое опредѣляется временемъ управленія академіею того лица, для котораго гравюра была предназначена и относится къ промежутку 1697—1702 г., а второе имеемъ ея автора Иннокентія Ширскаго, лучшаго изъ кіевскихъ граверовъ XVII в., монаха ордена св. Василія В. ¹⁾).

Эта драгоценная въ археологическомъ отношеніи гравюра нѣсколько лѣтъ назадъ отыскана кіевскимъ кафедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ на одной изъ старыхъ латинскихъ книгъ софійской бібліотеки, которыхъ покоя, за ненадобностію ихъ, никто не тревожилъ, и въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ была фотографирована для любителей мѣстной старины; одинъ экземпляръ ея достался и церковно-археологическому музею при кіевской духовной академіи. Но фотографическій снимокъ не давалъ вполне отчетливаго представленія обо всѣхъ деталяхъ гравюры; — потребовалось много усилій и осторожности, чтобы очистить гравюру отъ многолѣтнихъ наслоеній и получить ее въ настоящемъ ея видѣ.

Гравюра грубымъ способомъ была наклеена на толстой обложкѣ книги *in folio*, подъ заглавіемъ: *Arbor omnium opinionum moralium* (нѣчто въ родъ нравственной философіи), составленной медиоланскимъ кармелитомъ XVII в. Кассіаномъ и посвященной тридентскому епископу Іосифу Виктору Альберти, а изданной въ Болоньѣ въ 1691 г. Появленіе на ней гравюры можно объяснять простою случайностію: кто-нибудь наклеилъ ее для лучшаго сбереженія; но можно допускать, что самъ Ширскій, поднося ректору тогдашней кіевской академіи, Петру Колачинскому, въ день его рожденія, указанное сочиненіе, имѣвшее вѣроятно, интересъ новости и авторитета въ наукѣ, приложилъ къ нему и гравированное имъ изображеніе академіи. Такъ думать остается, за неимѣніемъ какихъ-либо указаній на другое, самого-

¹⁾ Такъ назывались не одни уніатскіе, но и православные монахи XVII и XVIII ст.:

ли Щирскаго, или инаго автора сочиненіе, къ которому эта гравюра была-бы приложена. Что гравюра изготовлена какъ подарокъ ко дню рожденія ректора, это прямо сказано въ подписи. Принадлежалъ-ли Щирскій къ составу академіи, нсизвѣстно; но его близость къ ней и сочувствіе очевидны изъ всего содержанія гравюры и подписи на ней. Композиція гравюры довольно сложная и требуетъ нарочитаго разъясненія.

На первомъ планѣ въ гравюрѣ—группа студентовъ академіи, стоящихъ впереди новаго тогда, только что отстроеннаго Мазепю, зданія академическаго. Стоять они подъ знаменемъ, водруженнымъ на гербѣ ректора Колачинскаго, а знамя держитъ Паллада или Минерва—богиня мудрости. На обширномъ знамени, покрывающемъ собою академію, изображенія трехъ святыхъ, а вверху ихъ эмблемы отличающихъ cadaго изъ нихъ добродѣтелей и вмѣстѣ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей. По срединѣ апостоль Петръ, патронъ славнаго митрополита Петра Могилы, основателя академіи, съ лѣвой стороны преподобный Прокопій Декаполитъ, съ правой св. мученикъ Прокопій, — соименники и патроны тогдашняго ректора академіи Прокопія Колачинскаго. Надъ первымъ вѣнокъ съ видомъ скалы, обуреваемой волнами, и подписью: *non praevalerunt, ne odolent, — символъ вѣры, твердой, какъ каменная скала; надъ вторымъ—въ вѣнѣ якорь, символъ надежды или упованія, съ подписью: non movebor, не двинусь; надъ третьимъ опять вѣнокъ, а въ срединѣ его пламя и простирающій къ нему руки человекъ, — эмблема всепогрѣвающей любви, съ подписью: accedunt, dum extinguunt, приступаютъ пока не потушатъ.* Вверху знамени, Троица святая, источникъ названныхъ добродѣтелей; внизу его двѣ надписи, указывающія на воинствующее положеніе академіи, боровшейся съ римскою куріею въ лицѣ Польши и унии, и на ея безопасность подъ изображеннымъ знаменемъ. Справа значитя: *Cur aquilas tollis! tollis quid Roma leones! зачѣмъ дразнить орловъ? зачѣмъ, о Римъ, будишь львовъ?* (т. е. эти молодья, народныя силы въ лицѣ студентовъ, будущихъ воителей, во славу народа); слѣва слѣдуетъ: *Tu flos hoc Signo Mohila Pallas erit, т. е. подъ этимъ знаменемъ могиланская Минерва (академія, храмъ науки) будетъ безопасна.*

Находящаяся подъ картиной подпись объясняетъ ея назначеніе и происхожденіе и еще болѣе доказываетъ ея внутренній, глубоко-патріотическій замыселъ. Приведемъ ея текстъ, нѣсколько

поврежденный на самой гравюрѣ, но возстановленный нами по смыслу рѣчи и уцѣлѣвшимъ частямъ буквъ и словъ.

Labarum triumphale Triados, trino virtutum theologiarum choro, per divinissimos tutelares adumbrato illustre, sub signis Almae orthodoxae Kiiowo-Mohylanae Palladis militantibus praefixum, ac natales reverendissimi in Christo patris Procopii Kofaczyński ejusdem almi orthodoxi collegii rectoris emeritissimi intra ferias a divinctissimo suo nomini Innocentio Szczyrski, monacho O(rdinis) D(ivi) B(asilii) praesentatum.

Сказавъ все, что слѣдовало, подноситель, увлеченный своимъ презентомъ, его завѣтною основною мыслию, *злобою* такъ сказать тогдашняго дня, еще разъ возвращается къ излюбленному сюжету картины, спрашиваетъ и отвѣчаетъ слѣд.:

Quae vexilla micant? tonat
et quis classica mavors?

Est labarum Triados, dant
cui signa tua: Spes, Amor, Fides,
referunt quas stemmate Divi.

Sub quis Rossiadum proelia
Pallas agit.

Это изображеніе поистинѣ народнаго и всенароднаго храма науки (академія тогда не была сословною, какъ теперь, но все-сословною), это воспроизведеніе воинствующаго народа, отстаивающаго свою вѣру и самобытность и всю надежду и спасеніе свое полагающаго въ образованіи, освѣщаемомъ, согрѣваемомъ и укрѣпляемомъ христіянскими добродѣтелями, эти лучшіе его представители, его цвѣтъ, краса, надежда и утѣха, эти орлы и львы, которыхъ опасно затрогивать, эти типы, живьемъ выхваченные изъ народной жизни, эти питомцы матери-кормилицы и сама эта

Торжественное знамя Троицы, славное хоромъ трехъ богословскихъ добродѣтелей, освѣняемымъ божественными покровителями, водруженное впереди воинства, собраннаго подъ стягомъ православной кіево-могилянской Паллады—кормилицы, предоднесенное въ день рожденія высокоуважаемаго отца во Христвъ, Прокопія Колачинскаго, ректора этой православной коллегіи—кормилицы, предавѣйшимъ ему Иннокентіемъ Щирскимъ, монахомъ ордена св. Василія.

Какія знамена развѣваются?
Какой богъ войны подаетъ сигналъ на трубѣ?

Это знамя Троицы, отмѣченное твоими символами, Богомъ вѣнчанными: Надеждою, Любвию, Вѣрою.

Подъ стягомъ ихъ сражается
Россійская Паллада.

Alma Mater—все это полно самаго высокаго интереса, самаго глубокаго смысла. Да, это вполне живое и живущее учрежденіе, связующее свою связь съ народомъ, свое назначеніе, свое положеніе, свою крѣпость и силу. И посмотрите, съ какимъ достоинствомъ и сознаніемъ своихъ силъ стоятъ эти спудеи и какъ отразились въ нихъ народное настроеніе и характеръ. Судить легче по первому изъ нихъ, болѣе очерченному, выдающемуся. Высокій, стройный, широкоплечій, поза нѣсколько искусственная, но граціозная: онъ отставилъ одну ногу впередъ, правую руку заложилъ за поясъ, придерживая платокъ, въ лѣвой держитъ отороченную барашкомъ шапку, едва способную прикрыть горячую голову; на немъ кунтушь, какой носили тогда зажиточные классы, туго подвязанный поясомъ, сверху киред, слегка накинута, застегнута на пряжки, голова высоко подстрижена, если даже не подбрита. И такъ у всѣхъ; у иныхъ—усы, а бороды, конечно, брились.

Зданіе?—Оно только-что отстроено, вмѣстѣ съ церковію, гетманомъ Мазепою: нижній этажъ каменный, верхній деревянный, въ обоихъ галереи; крыша черепичная, на ней три башни. Нижній этажъ существуетъ и доселѣ, верхній снесенъ митрополитомъ Рафаломъ Заборовскимъ, а въ замѣнъ его построень каменный съ прекрасною колоннадою, къ сожалѣнію, заложенною въ недавнее время дня устройства помѣщенія библіотеки.

Настоящій снимокъ объясненной гравюры—фототипія, около половины величины оригинала.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ ХАРЬКОВѢ
ВЫХОДИТЬ

ежемесячный политическій, литературный, научный и экономическій журналъ

„М И Р Ъ“

по слѣдующей, утвержденной правительствомъ, программѣ:

1. Статьи по различнымъ отраслямъ знанія, имѣющія своей задачей, въ доступной формѣ, знакомить читателей съ текущими вопросами и пріобрѣтеніями въ области наукъ.

2. Внутреннее и иностранное обозрѣніе главнѣйшихъ явленій политической и общественной жизни.

3. Экономическая, земская и промышленная хроника, преимущественно по отношенію къ югу Россіи.

4. Словесность: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія и другія произведенія литературы русской и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ.

5. Обозрѣніе текущей литературы русской и иностранной (критика и библиографія).

6. Смѣсь: корреспонденція и другія сообщенія касательно текущей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

7. Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ журналъ принимаютъ участіе слѣдующія лица: М. М. Алексѣенко (проф.), С. Я. Бѣликовъ, Н. Василенко, Кн. Н. Волконскій, К. Гаттенберггеръ (проф.), Даневскій (проф.), Е. Дубровина, Ѳ. Зеленогорскій (проф.), В. Кандинскій, А. И. Киршичниковъ (проф.), В. Лашкевичъ (проф.), А. Лебедевъ (проф.), М. Неручевъ, А. Орловскій, Л. Павловичъ (проф.), Н. Сумцевъ, Ценковскій (проф.), А. П. Шимковъ (проф. и редакторъ журнала), Г. Юрко и мног. др.

Въ вышедшихъ трехъ книжкахъ журнала (октябрь, ноябрь и декабрь 1881 года) „Мирь“, составляющихъ I томъ (болѣе 45 листовъ, до 800 стр.), помѣщены, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

„Въ болотѣ“, сцены изъ жизни провинціального захолустья, въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Юрко.—„Поздняя любовь“, повѣсть А. Орловскаго.—„Юнкеръ Дубяга“, разсказъ Г. Юрко.—Дорогая партія на биллиардѣ, разсказъ Альфонса Доде.—„Кто виноватъ?“ эскизъ А. Д-иной.—„Чаша переполнилась“, разсказъ Г. Шаллямель.—„Раздвоенное сердце“, разсказъ П. Гейзе.—„Роковая ссора“, разсказъ Линдау.—„Два креста“, повѣсть Конрада Мейера.—„Благодатный край“, кн. Н. Волконскаго.—„Реформа гражданскихъ законовъ“, Г...—„Положеніе; сельскаго хозяйства въ харьковскомъ районѣ“, Л. Павловича.—„Къ вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей“, М. Неручева.—„Вечерницы“, культурно-историческій очеркъ, Н. Сумцова.—„Современный монизмъ“, популярно-философскій этюдъ Виктора Кандинскаго,—„Запасы энергіи въ природѣ“, А. Шимкова.—„О товариществахъ земледѣльцевъ“, Н. В-нко.—„По поводу высшаго техническаго училища въ Харьковѣ“, П.—„Политическая проза“, Рейнбота.—„Церковныя отлученія“ въ бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ. А. Лебедева.—„Памяти Н. И. Пирогова“, W.—„Податная реформа и земская статистика“, М. А.—Внутреннія обозрѣнія.—Литературная хроника.—Библиографія.—Корреспонденціи.—Смѣсь и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	<i>Безъ доставки.</i>	<i>Съ доставкою.</i>	<i>Съ пересылкою.</i>
Годъ	10 р. — к.	11 р. 50 к.	12 р. — в.
Полгода	6 „ — „	7 „ — „	7 „ 50 „
Четверть года	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „

ПРИ ПОДПИСКѢ НА ГОДЪ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

для иногородныхъ: при подпискѣ 6 руб., по полученіи четвертой книги 3 руб. и по полученіи шестой книги 3 руб., для городскихъ—по соглашенію съ контрой редакціи

Для подписывающихся единовременно на вышедшія три книжки 1881 г. и на весь 1882 годъ (всего 15 книгъ) цѣна журнала 15 руб. съ пересылкою и 12 р. 50 к. безъ пересылки.

ВЪ 1882 Г.

журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 12—15 листовъ, по той-же программѣ, стараясь давать въ каждой книжкѣ статьи, по возможности, разнообразнаго содержанія. Годовой экземпляръ журнала будетъ состоять изъ 12 книжекъ, которыя составятъ къ концу года—четыре большихъ тома, болѣе 2500 страницъ плотной и четкой печати.

Гг. подписчики, при подпискѣ на годъ, благоволятъ увѣдомлять редакцію желаютъ-ли они получать его съ октября 1881 года, т. е. съ первой книжки, или съ января 1882 года.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, (Ена-теринославская, 1), при книжномъ магазинѣ Владиміра Александровича Сыхра.

Для ознакомленія съ журналомъ, первая книжка разслана во многіе книжные ма-газины и библіотеки столичныхъ и провинціальныхъ городовъ.

Объявленія всякаго рода для печатанія въ журналѣ „Миръ“ принимаются въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: одна страница — 10 р., $\frac{1}{2}$ стр.—6 р. и $\frac{1}{4}$ стр.—3 р. 50 к.

Издатель В. А. Сыхра

Редакторъ А. П. Шимковъ.

„ЮГЪ“

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Журналъ „ЮГЪ“ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ десяти до пятнадцати листовъ по слѣдующей программѣ:

I. *Словесность*: романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія и стихотворенія (оригинальныя и переводныя.)

II. *Наука*: популярныя статьи по антропологии, исторіи, искусствамъ, философіи, политическимъ, юридическимъ и естественнымъ наукамъ.

III. Критика и библиографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

IV. Сельско-хозяйственная хроника и статьи по сельскому хозяйству.

V. Коммерческая хроника.

VI. Внутреннее обозрѣніе, общественная жизнь—преимущественно юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб ; съ доставкой въ г. Одессѣ 11 руб.; съ пересылкой въ другіе города 12 руб.

Подписка принимается въ г. Одессѣ въ конторѣ редакціи журнала „Югъ“: Надеждинская ул. д, Савича, въ книж-

ныхъ магазинахъ: В. И. Бѣлаго, Е. П. Распопова, бібліотекѣ для чтенія Бортневскаго.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель В. Яковлевъ.

ВЪ 1882 ГОДУ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ officialный:** Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся Кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неофициальный:** мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утверженію въ сердцахъ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.—Изъ твореній бл. Іеронима въ слѣдующемъ 1882 г. будутъ издаваться его толкованія на ветхозавѣтныя книги; изъ твореній бл. Августина—его твореніе о градѣ Божіемъ.

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго

знакомства съ текущими церковными событіями (газетное чтеніе, — „Епархіальныя Вѣдомости“); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“), и 3, научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи“).

„Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить два раза въ мѣсяць, въ 8 долю, *не менѣе двухъ листовъ*. „Воскресное Чтеніе“ будетъ выходить *еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не менѣе одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12 листовъ*, изъ коихъ отъ 3 до 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Иеронима и Августина и не менѣе 7 — оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ“ составятся: одинъ томъ твореній бл. Августина, одинъ томъ твореній бл. Иеронима и три тома статей, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(Еженедѣльное изданіе, отъ 2-хъ до 4-хъ печатаныхъ листовъ въ номерѣ) и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24-хъ печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ) будутъ издаваться при с.-петербургской духовной академіи въ 1882 году на прежнихъ основаніяхъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіи года напечатается болѣе 260 листовъ убористаго шрифта. При „Христианскомъ Чтеніи“ въ слѣдующемъ году будетъ продолжаться начатое съ 1879 г. печатаніе

Толкованій на Ветхій Заветъ

съ особымъ счетомъ страницъ, такъ что къ концу 1882 года составитъ *четвертый* выпускъ „Толкованій“ (въ четвертомъ выпускѣ будетъ продолжаться печатаніе „Толкованія на книгу Псалмовъ“).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ „Толкованіями на Вѣтхій Завѣтъ“—*семь руб.* съ пересылкою: отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“—*пять руб.*, за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“—*пять руб.* За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р.

Номера „Церковнаго Вѣстника“ по 15 коп.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ печатаются *стороннія объявленія*: авторовъ и книгопродавцевъ о вновь выходящихъ книгахъ, банковъ объ ихъ операціяхъ, магазиновъ и т. д., по опредѣленной и съ прошлаго года пониженной таксѣ, именно *по 15 коп.* за строчку петита (въ 5½ квадратовъ), если объявленіе печатается въ одномъ номерѣ, и *по 10 к.*, если повторяется въ двухъ и болѣе номерахъ. При „Церковномъ Вѣстникѣ“ рассылаются отдѣльныя объявленія и прейскуранты—по *пяти руб.* съ каждой тысячи.

Иногородные надписываютъ свои требованія прямо: *Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургъ.*

Адресъ отдѣленія конторы, гдѣ принимаются: объявленія для напечатанія и для разсылки при журналахъ, а также подписка на журналы отъ петербургскихъ подписчиковъ и гдѣ можно получать отдѣльныя изданія редакціи: Солдатскій переулокъ, между Знаменской и Преображенской улиц., домъ Иванова № 5, квар. № 3-й.

Кромѣ того можно подписываться у комисіонеровъ редакціи *въ Петербургъ* при книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (бывшемъ Кораблева), *въ Москвѣ*—при книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова.

Запросы до предплаты на малоруску часопись

„ДѢЛО“,

выдавану во Львовѣ (въ Галичинѣ—Австрійской Имперіи).

Удостоившись Выс. призову на допускъ нашей часописи „Дѣло“ въ границѣ Россійской Имперіи, запрашуемо симъ письмомъ до предплаты на „Дѣло“ зъ слѣдующимъ рокомъ 1882.

„Дѣло“ буде и въ р. 1882 выходити *два* разовъ въ тыждень, що среды и суботы въ великомъ листѣ печатномъ (in folio).

Головни отдѣлы „Дѣла“ ось яки:

- I. Вступни артикулы о справахъ, дотычачихъ малоруского народа.
- II. Дописи зъ Галичины, Буковины, Угорщины и Украины.
- III. Политичный переглядъ всѣхъ европейскихъ державъ, зъ особеннымъ узглядньемъ славянскихъ народовъ.
- IV. Новинки и drobны вѣсти.
- V. Литературни вѣсти и замѣтки.

VI. Послѣдні вѣсти политични и телеграммы.

VII. Фейлетонъ: литературни и наукови розвѣдки, критики, литературни и артистични перегляды малоруской литературы и штуки, повѣсти и оповѣданья.

Яко литературный додатокъ „Дѣла“ выходить:

„Библиотека повѣстей“ подае передъ всѣмъ повѣсти зъ другихъ европейскихъ литературъ переложени на малорускій языкъ; однако тѣмъ не выключаются зъ програмы и оригинальны малоруски повести.

Предплата на „Дѣло“:

безъ додатку: Библи. повѣстей	зъ литер. додаткомъ:
на цѣлый рокъ 8 рублей.	12 рублей.
на $\frac{1}{2}$ року 4 рубля.	6 рублей.
на $\frac{1}{4}$ року 2 рубля.	3 рубля.

Предплата на „Библиотеку повѣстей“ (безъ „Дѣла“):

на цѣлый рокъ 5 рубл.
на $\frac{1}{2}$ року 2 р. 50 к.

Предплату такъ на „Дѣло“ якъ и на „Библиотеку повѣстей“ треба присылать въ оплаченныхъ листахъ подъ адрессоу: *Въ администрацію Дѣла во Львовѣ* (Галичина—Австрія).

Всѣ письма до редакціи „Дѣла“ треба высылать: Въ редакцію „Дѣла“ во Львовѣ, ул. Академична ч. 8 (Галичина—Австрія).

Володимиръ Барвѣньскій редакторъ „Дѣла“.

Открыта подписка на 1882 годъ
экономической, общественной, политической и литературной
газеты
„ТРУДЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. *Официальный отдѣлъ:* Правительственныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управления. II. *Руководящія статьи* по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ: экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправления. III. *Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и соціальному положенію Южно и Юозападнаго края.* IV. *Статьи по вопросамъ городского хо-*

звѣстствъ и управленія. Хроника городскихъ событій и происшествій. V. Статьи по части исторіи, статистики, педагогій, этнографіи и другимъ отраслямъ человеческого знанія VI. Критика и библиографія. VII. Отдѣлъ „Среди газетъ и журналовъ“. VIII. Фельетонъ. Очерки и рассказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обзорнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. IX. Корреспонденціи. X. Политическія заграничныя новости, заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. Телеграммы международнаго телеграфнаго агентства, Гавастъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. Судебная хроника безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній. XII. Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника. XIV. Справочный отдѣлъ: базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. Объявленія.

Газета **ВЫХОДИТЪ** въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: по **понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	6 руб. — коп.,	на полгода	4 руб.
Безъ доставки	» » »	4 » 50 »	» »	3 »
Съ пересылкою иногороднимъ	» »	8 » — »	» »	5 »

Приемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ**: въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова. Москва, Софійка, церкви. домъ.—Въ **Парижѣ**, Agence Navas et Cie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ**, аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ**, у г. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неропова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Енатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** у г. Бойно-Родзевича, въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. МENCHИЦА, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомирѣ** у г. Будкевича, въ **Немировѣ** у г. Шерра, въ **Тифлисѣ** въ главномъ агентствѣ газетъ г. Петрова.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчакъ-Новицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія).

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Последнія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзорѣніе. IX. Внѣшнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Смѣсь. XIV. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовъ, Александровскъ, Ахтыркъ, Бердянскъ, Богодуховъ, Бѣлгородъ, Бирючь, Бахмутъ, Валкааъ, Волчанскъ, Воронежъ, Гадячь, Грайворонъ, Елисаветградъ, Екатеринославъ, Зньковъ, Зміевъ, Изюмъ, Кіевъ, Кишиневъ, Кобелякааъ, Константиноградъ, Кременчугъ, Купянскъ, Курскъ, Керчи, Кутаисъ, Лебединъ, Миргородъ, Мелитополь, Мариуполь, Нѣжинъ, Новочеркасскъ, Новомосковскъ, Одессъ, Острогъ, Полтавъ, Павлоградъ, Поти, Переяславъ, Путивль, Пирятинъ, Ромнааъ, Ростовъ-на-Дону, Славянскъ, Славяносербскъ, Ставрополь, Старобѣльскъ, Старомъ Осколь, Симферополь, Севастополь, Суджъ, Сумааъ, Тамбовъ, Тифлисъ, Таганрогъ, Херсонъ, Черниговъ и Ялтъ.

Крѣмъ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	Нѣ 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 " — "	7 " — "	4 " — "	1 " 40 "
Съ перес. иногород. . .	12 " 50 "	7 " 50 "	4 " 50 "	1 " 60 "

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковского Университета, № 7-й при „Публичной библіотикѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель А. А. Іозефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ**

„КІЕВЛЯНИНЪ“
на 1882 годъ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ВЪ 1882 Г.

ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТЪ:

Редакція увеличивая форматъ „Кіевлянина“ до средняго формата столичныхъ газетъ, предполагаетъ расширить въ особенности отдѣлы корреспонденцій и беллетристики.

Для ГОДОВЫХЪ подписчиковъ ГОРОДСКИХЪ допускается разсрочка по третямъ или по соглашенію съ конторой „Кіевлянина“; ИНОГОРОДНІЕ годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, могутъ вносить: къ 1 января 4 руб., къ 1 апрѣля 3 руб., и къ 1 іюля 3 руб. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

„**ЗАРЯ**“

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международн. Телеграфнаго Агентства“, редакция получаетъ телеграфическія извѣстія отъ специальныхъ корреспондентовъ за границей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренней. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщения, народнаго образованія, земскаго, городского и крестьянскаго самоуправления; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорнiе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни за границей.

VI Фельетонъ. Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обзорнiя и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговья корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговля и биржевыя обзорнiя.—Железнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Железно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учреждениямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-запади. жел. дор. и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ . . .	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ . . .	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца . . .	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяць . . .	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается **разсрочка** годового взноса, причежъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го юня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается чрезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ“, на Крещатибѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *П. А. Андреевскій.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА въ мѣсяць. 1 и 15 чиселъ каждого мѣсяца, въ объемѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при Екатеринославской Семинаріи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 руб. серебромъ.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ три раза въ мѣсяць въ г. Кременцѣ Волынской губ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 руб.,—безъ перес. 4 руб.

ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ

(ГОДЪ 23-й).

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

*Адресъ: въ городъ Одессу.*Годъ 8-й.**ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА.**Годъ 8-й.

политико-литературная, художественная и ремесленная,

иллюстрированное изданіе, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю,

въ важныхъ случаяхъ выходитъ, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю.

Сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торговли и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремесла, искусствъ и наукъ, такъ что, кромѣ телеграммъ, она во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ замѣнить и ежедневныя газеты и отчасти журналы.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческіе, и стихотворенія.

Кромѣ того въ „Газетѣ А. Гатцука“ помѣщаются статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *Критика*, *Библиографія* и *Моды* съ рисунками. Въ теченіи года газета дастъ въ текстѣ до 400 худож. исполненныхъ рисунковъ.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники (Ө. М. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, Н. И. Костомаровъ, Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ и друг.)

Годовые подписчики на 1882 годъ получаютъ прекрасный **олеографическій портретъ Государя Императора Александра III**, въ концѣ-же года— Крестный календарь на 1883 г. на лучшей бумагѣ и 3-й выпускъ иллюстрированныхъ драмъ Шекспира.

Подписная цѣна: безъ перес. на годъ 4 руб.; съ пересылкою-же на годъ 5 руб., на 1/2 г. (съ Янв. и Юля) 2 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 75 коп.

Адресъ конторы Редаціи: Москва, Никитскій бульварь, д. Гатцука; отдѣленіе ея— Кузнечкій мостъ д. Торлецкаго. Редакторъ А. А. Гатцукъ.

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ**издается****„КУБАНЫ“**

газета общественная, литературная и политическая

Срокъ выхода въ свѣтъ газеты— отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ одного газетнаго листа средняго формата. Въ экстренныхъ случаяхъ будутъ выходить особыя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для городскихъ подписчиковъ

съ доставкой на годъ 6 р.
на полгода 3 р. 50 к.

для ивгородскихъ

съ пересылкою на годъ 7 р.
на полгода 4 р.

для служащихъ допущается разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи на Красной улицѣ, при типографіи Н. Г. Мойсеенко, куда просить адресовать статьи, письма и мелкія сообщенія.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

ОБЪ ИЗДАНІИ КІЕВСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
въ 1882 году.

КІЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1882 году, будутъ выходить три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, заключаая въ себѣ двѣ части: официальную и неофициальную, изъ которыхъ каждая будетъ представлять особый листъ средняго газетнаго размѣра.

Въ официальной части печатаются распоряженія правительства и мѣстной администраціи, а также казенныя объявленія разнаго рода.

Въ неофициальной части будутъ помѣщаться:

1) *Мѣстный отдѣлъ*: Сообщенія о текущихъ новостяхъ мѣстной жизни, имѣющихъ общій интересъ, статьи и матеріалы по статистикѣ, этнографіи, топографіи и исторіи края, статьи, замѣтки объ экономической жизни губерніи, о сельско-хозяйственной, фабричной и кустарной промышленности, о дѣятельности городскихъ думъ и крестьянскихъ обществъ, словомъ все то, что относится ко всѣмъ сторонамъ мѣстной жизни (природы и человѣка).

2) *Общій отдѣлъ*: Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ и явленіяхъ жизни русской вообще, краткіе очерки—сельско-хозяйственные, этнографическіе, статистико-экономическіе и т. п. другихъ, преимущественно сосѣднихъ съ кievскою губерніею мѣстностей, а равно краткія извѣстія о наиболѣ крупныхъ событіяхъ иностранныхъ государствъ и о тѣхъ или другихъ сторонахъ жизни ихъ, имѣющихъ общій интересъ.

3) *Общепользныя свѣдѣнія* по сельскому и домашнему хозяйству и общедоступной медицинѣ.

4) Частныя объявленія.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, заботиться о полнотѣ мѣстнаго отдѣла, редакція неофициальной части, обѣщая съ своей стороны употребить всѣ усилія, чтобы придать этому отдѣлу возможно большій интересъ, обращается съ покорнѣйшею просьбою къ своимъ читателямъ помочь ей въ исполненіи этой задачи сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній о мѣстной жизни.

Подписка принимается въ газетномъ столѣ губернскаго правленія.

Годовая плата съ пересылкою и доставкою 5 р. 40 к.

Желающіе получать *одну лишь неофициальную часть* платятъ за годовое изданіе съ пересылкою и доставкою три рубля пятьдесятъ коп., за полугодовое 2 р.; безъ пересылки и доставки: годовое 2 р. 50 к. и полугодовое 1 р. 50 к.

